

ЖАК КАМАТТ

Русская община и коммунизм

16+

ЖАК КАМАТТ

«РУССКАЯ ОБЩИНА И КОММУНИЗМ»

Сборник статей

Содержание

Предисловие	3
Русская община и коммунизм	4
О революции	59
Демократическая мистификация	64
Против приручения	75
Блуждания человечества.....	93
I. Блуждания человечества — Репрессивное сознание — Коммунизм.....	93
II. Упадок капиталистического способа производства или упадок человечества?.....	107
Происхождение и функция партийной формы	113

Предисловие

Предисловие, на мой взгляд, должно содержать некое представление тематики текста, или текстов, которым оно предшествует. Соответственно, я хотел бы указать на отправную точку своих теоретических исследований, а именно на вопрос, которым я задавался с семи лет: почему взрослые ведут себя так подло? Мне не удавалось найти ответа ни в своем окружении, ни в книгах, которые я читал: в поэзии, романах, затем в философии. Тем не менее, когда в восемнадцать лет я стал марксистом, я, наконец, начал находить элементы, которые можно было сложить в форме ответа на этот вопрос: темы классовой борьбы, эксплуатации рабочего класса стали убедительными примерами этой подлости, более того, я обнаружил динамику, заложившую основы для всех этих феноменов, в экономической работе Карла Маркса, которая не ограничивалась Капиталом. В частности, он убедительно показал крайние формы насилия, к которым прибегали, чтобы присвоить средства производства, низвести людей до статуса рабочей силы и вынудить их продавать ее в обмен на заработную плату: формирование класса наемных работников было совершенно необходимо для капитала, потому что он не может существовать без наемного труда. Вся история развития капитала сопровождалась насилием, из-за непрерывной пролетаризации трудящихся масс, а также из-за регулярно разражавшихся кризисов, периодически повергавших эти массы в нищету.

Чтобы защититься и ограничить деградацию условий своей жизни пролетариат занялся организацией обществ взаимопомощи, профсоюзов и политических партий, в связи с чем появилась идея о том, что революции, порождаемые кризисами, можно было использовать для уничтожения капитализма. Поэтому политические партии пролетариата начали ставить перед собой задачу захвата власти. Одновременно шли оживленные дебаты о деспотизме и демократии. Революционеры утверждали, что демократия служит для колоссальной мистификации масс, потому что под ее маской постоянно скрывался настоящий деспотизм большинства. Но революции терпели поражения и произошел поворот к возможности преобразования империалистической войны в революцию, что и осуществилось в 1917-м в России. Поскольку революция произошла в стране, в которой капитализм едва начал свое развитие, все больше начали думать о том, что ускорению начала мировой революции могут послужить антиколониальные революции. Этого не произошло. В 1957-м Амадео Бордига, отталкиваясь от теории цикла кризисов и революций, предсказывал, что в 1975-м, вслед за масштабным кризисом произойдет мировая революция. Этого также не произошло, но вместо этого наметился глубокий разрыв, который нашел себе весьма красноречивое свидетельство в докладе Римскому клубу 1972-го года под названием «Пределы роста». С тех пор потребность в революции была продиктована уже не просто стремлением положить конец капитализму, а насущной необходимостью избежать риска полного вымирания.

Так стало вполне очевидным до каких крайностей способна дойти подлость взрослых и ужас, порожденный дихотомией господства-подчинения. Что можно сделать, чтобы отстоять человеческую жизнь? В семидесятых годах прошлого века, триумф капитала позволил ему интегрировать все противоречия, и он предпринял бегство, в связи с чем я заявил в то время, что мы должны покинуть этот мир, одновременно не отказываясь от той точки зрения, что вся прошлая борьба пролетариата не была напрасной, потому что она позволила сохранить обширное человеческое измерение в

нашей жизни, в условиях все более и более искусственного становления.

В конце концов, в девяностых, отталкиваясь от теоретических выводов самого К.Маркса, я продемонстрировал наступление смерти капитала из-за исчезновения его жизненной субстанции, класса наемных работников, и автономизации его формы в виде безудержного роста. Именно тогда я задался основополагающим вопросом: зачем человеческий вид вообще создал капитал? Но я также спрашиваю себя: как теперь еще проявится подлость взрослых? Потому что она не прекращалась никогда.

Жак Каматт

декабрь 2021 г.

Русская община и коммунизм

*Этот текст изначально должен был стать предисловием к французскому изданию двух сочинений Амадео Бордиги о России: «Россия и революция в марксистской теории» и «Социально-экономическая структура России сегодня». Однако Интернациональная Коммунистическая Партия, обладавшая авторскими правами на эти тексты, подала в суд, и они так и не были опубликованы. Предисловие Каматта в конечном итоге было опубликовано в журнале *Invariance II серия, № 4, 1974 г.* (примеч. Эльдара Саттарова)*

Публикация текстов Бордиги и написание предисловия к ним были для нас отталкивающей задачей. Спираль русской революции стала одним из крупнейших событий этого века. Благодаря ей, орда мыслителей, писателей и политиков получила работу. Среди них выделяется банда спекулянтов, утверждающих, что Россия является коммунистической страной с преобразованными социальными отношениями. Однако люди там живут так же, как и мы, отчуждение существует и там. Поэтому преобразования социальных отношений недостаточно. Надо изменить человека. Начиная с этого открытия, каждый 'функционирует' в рамках своей специализации, разрабатывая социологические, экологические, биологические, психологические и прочие решения. Другая банда приписывает себе революцию, доказывая, что капитализм можно гуманизировать и адаптировать к человеку, снижая рост и предлагая ему этику воздержания, удовлетворяя его интеллектуальной и эстетической продукцией, ограничивая его материальные и эмоциональные потребности. Она заставляет компьютеры провозглашать апокалипсис, если мы не будем следовать советам просвещённых капиталистов. Наконец, ещё одна банда заявляет, что в СССР не капитализм и не социализм, но некая смесь обоих, русский коктейль! Здесь опять приводятся в движение разные науки, для того чтобы доставить новые продукты на переполненный рынок.

Вот почему необходимость швырять Бордигу (а также самих себя) в этот активистский водоворот вызывала у нас страх и отвращение. Тем не менее, это всё-таки необходимо, хоть и под риском быть вовлечёнными в этот отвратительный меркантилизм, с одной стороны, в любом случае, как отмечал Маркс "Как можно избежать грязи в обычном

буржуазном взаимодействии или торговле? Именно там её обиталище". (Маркс Фрайлиграту, 29.2.1860.), и, с другой стороны, миф о русском коммунизме полностью покидает сознание тех, кто искал и боролся после мая-1968. Тексты Бордига могут оказаться полезными также и по этой причине, для перехода от мифов к реальности и понимания будущей коммунистической революции.

Русская революция давно уже осталась в прошлом. Но её интересно изучать в исторических последствиях и в вопросах, которые она не смогла разрешить. Бордига, который внимательно следил за всеми превращениями этой революции, и её многогранным продолжением во всём мире, умер в 1970-м. Но его отношение к русскому феномену сохраняет поучительный и вдохновляющий характер.

Следует рассмотреть личность человека, который стал автором представляемой здесь работы, для того чтобы понять с какой глобальной точки зрения здесь рассматривается русская революция. Бордига особенно известен из-за замечаний Ленина; его порицали за абстенционизм и навешивали на него ярлык анархиста. Для многих Бордига остался лишь ультралевым коммунистом, который исчез с революционной сцены в 1928-м. В поверхностном смысле это верно. Убеждённый в том, что великих людей, т.е. клоунов, которых он называет пустозвонами порождает лишь контрреволюция, он отошёл от активной деятельности в анонимность¹, которая была оправданной, но которая не означает, что он отошёл от коммунистического движения. С 1944-го по 1970-й он участвовал в Интернационалистической Коммунистической Партии, которая стала Интернациональной Коммунистической Партией в 1964-м. Его статьи появлялись в газетах *Battaglia comunista* и *il Programma comunista* и журналах *Prometeo* и *Sul filo del tempo*.

Бордига резюмировал свою позицию по русской революции в конце первой части «России и революции в марксистской теории»², которая в то же время показывает его фундаментальное теоретическое³ отношение, его абсолютное сопротивление сомнениям, не эвристическим сомнениям, являющимся лишь хитростью разума по Гегелю, ставящим определённую в скобки, но сомнениям, представляющим проникновение власти врага, вторжение окружающей идеологии, чреватость смертью из-за ухода от любого энтузиазма и революционной перспективы, конкретизированным в альянсе с существующими течениями и приятием доминирующих формул.

Бордига много писал о русской революции. Его деятельность была сильно обусловлена потребностью защищать её и, с другой стороны, как он заявлял в 1951-м:

---

¹ Мы рассматривали этот вопрос в другом месте, где мы пытались определить историческое значение Бордига (ср. *La gauche communiste d'Italie et le PCI*, *Invariance I* серия, № 9, и предисловие к *Bordiga: la passion du communisme* (Spartacus, Paris, 1974). Несколько текстов Бордига было переведено в *Programme Communiste*, *Le Fil du Temps* и *Invariance*. Переводы из первого зачастую были неправильными, не просто на уровне переводов, что часто является делом вкуса, но потому что переводчики думали, что должны опустить то, что им не нравится и могут добавлять что им угодно в тексты Бордига. Для того, чтобы избежать большого количества ссылок, мы отсылаем читателя к *Invariance* по всем темам, обсуждаемым здесь.

² *Russia e rivoluzione nella teoria marxista*, *il Programma comunista* 1954, № 21 – 1955, № 8.

³ Мы говорим о теоретическом отношении не потому что это вопрос отделения теории от практики. Надо всегда стремиться к глобальной деятельности с интеграцией всех человеческих проявлений.

"Анализ контрреволюции в России и её сведение к формулам не является центральной проблемой для пролетарского движения в ходе его восстановления, которого мы ожидаем, потому что это не первая контрреволюция, марксизму известна целая их серия".⁴

Вся эта деятельность выходит за рамки русской революции в сторону будущей революции, но в то же время можно определённо утверждать, что ему не удалось перерезать пуповину, связь с этой революцией.

Он сразу поддержал большевиков в 1917-м, иногда не зная всех событий и, в некоторых случаях, он предвидел меры, которые они предпримут. Революция не была для него сюрпризом, она не заставила его поставить под вопрос марксизм, для него она стала скорее ярчайшим подтверждением его правоты. Бодигу фундаментальным образом занимала подготовка партии в Италии и на всём Западе к осуществлению задачи большевиков: к захвату власти. Именно с этой точки зрения он вёл полемику о создании советов. Для него, они зарождались в момент самой революции. Но в Италии, особенно в 1917-м, революции следовало помогать, вести её, и для этого нужен был классовый орган, партия. Более того, он считал, что советы часто рассматриваются через анархо-синдикалистскую призму: пролетариат создаёт органы, заменяющие (при том, что капиталистический способ производства (далее КСП) всё ещё остаётся в силе) капиталистические органы: ср. его статьи в *il Soviet* в 1919-20 гг.

Начиная с 1919-го, Бордига уже считал, что была утрачена крупная революционная возможность и что революционный этап завершился. Поэтому надо было укреплять партию и противостоять предсказанной им атаке справа, со стороны сил, стремившихся к уничтожению социалистов. В Коминтерне он выступал за укрепление партий, считая, что все меры должны быть направлены на то, чтобы все партии Интернационала приняли исключительно марксистские позиции, отсюда его роль в принятии 21 условия, два из которых были написаны по его идее. Для осуществления борьбы на мировом уровне, следовало занимать правильные классовые позиции, без каких-либо изъятий, без обмана.

Позже, когда фаза отлива достигла зенита, Коминтерн пытался возобновить революционную деятельность, возвращаясь к массам (единый фронт), а затем через большевизацию национальных компартий. Бордига был против всех этих формулировок, считая их камуфляжными мерами, которые стали к тому же проявлениями новой волны оппортунизма. Однако он никогда не ставил под вопрос пролетарский, социалистический характер русской революции. Он считал, что у неё были свои особенности, но он не говорил как KAPD (Коммунистическая Рабочая Партия Германии), которая называла её "буржуазной революцией, осуществлённой коммунистами" (Принцип антагонизма между советским правительством и пролетариатом) начиная с 1922-го, скорее о двойной природе революции:

"Третий Интернационал – это создание русских, русской коммунистической партии. Он был создан для поддержки русской революции, то есть, частично пролетарской, частично буржуазной революции".⁵

Так же, отвечая Коршу, который выслал ему Левую Платформу⁶:

---

⁴ Lezioni della contra-rivoluzione (Неапольская встреча, сентябрь 1951) Edizioni il programma comunista № 7, стр.3.

⁵ Leitsätzen der Kommunistischen Arbeiter-Internationale, в *Kommunistische Arbeiter-Zeitung* (Essner Richtung) 1922 №1.

"Нельзя говорить, что русская революция была буржуазной. Революция 1917-го была пролетарской, и было бы неправильно обобщать её 'тактические' уроки. Сегодня вопрос стоит о верном понимании того, что случается с пролетарской диктатурой в одной стране, когда за одной революцией не следуют другие... Судя по всему, вы исключаете возможность политики коммунистической партии, которая бы не заканчивалась восстановлением капитализма. Это подразумевает оправдание Сталина или поддержку недопустимой политики 'самоустранения из власти'". (Неаполь, 28.10.26.)⁷

Иными словами, в течение этого периода он не занимал никаких позиций по отношению к социальной природе СССР. Что для него было важно (и что немногие из его критиков поняли) была природа русского государства и то, какой класс был у власти. Это было показано программой, действиями партии, управлявшей государством. Для Бордиги, не просто русская партия должна была управлять государством. Это должен был делать Коммунистический Интернационал. Вот почему дебаты 1926-го, закончившиеся победой теории социализма в одной стране, были так важны для него, потому что указывали на капитальную смену государства, которое не следовало больше определять как пролетарское, потому что оно уже не находилось на службе у мировой революции. Но при этом:

"Нельзя просто заявлять, что Россия является страной, которая направляется к капитализму".⁸

Вот почему только после перехода СССР на сторону западных демократий Бордига заявил, что исключительно с этих пор контрреволюция одержала окончательный триумф и что в СССР строится капитализм.

Если капитализм шёл к триумфу, как следовало характеризовать СССР и, с другой стороны, каково было начало развития капитала? Был ли отлив, то есть, должен ли был установиться социализм, а после него в Россию должен был быть возвращён КСП? Бордига держался своего политического тезиса в этих дебатах, которые энергично возобновились после 1945. Он всё ещё говорил о социалистических характеристиках экономики в «Советской России от революции до сегодняшнего дня»⁹. Этим он отвечал на вопрос: какой класс находится у власти в России?

"Фактически класс, эксплуатирующий русский пролетариат (и который, возможно, проявится в свете дня очень скоро) сегодня состоит из двух очевидных исторических форм: международный капитализм и олигархия, доминирующая изнутри и от которой зависят крестьяне, торговцы, обогатившиеся спекулянты и интеллектуалы, которые очень быстро приобрели самые большие выгоды".

Вся эта статья демонстрирует интернационалистическую перспективу Бордиги и значение, которое он придавал политическому фактору, т.е. способности пролетарского

---

⁶ Левая платформа была принята на национальной конференции ультралевых в Берлине (2.4.1926.) и опубликована в памфлете *Der Weg der Komintern* (Berlin, 1926).

⁷ Впервые опубликовано в *Prometeo* № 7, Октябрь 1928.

⁸ там же

⁹ «La Russia sovietica dalla rivoluzione all'oggi» в *Prometeo* II серия, №1.

государства применять меры, направленные на развитие основ социализма. Возвращаясь к правящему классу, он характеризовал его как касту скрытых предпринимателей. Он также говорил и о бюрократии, но он никогда превращал её в главенствующую прослойку или, как Шалье, даже в правящий класс. И всё же, трудности, через которые он пытался раскрыть существование этого класса, явно присутствовали всегда. Ему приходилось вмешиваться в дебаты о социальной природе СССР, в котором некоторые усматривали государственный капитализм, где государство стало всемогущим и может управлять капиталом, в то время как другие видели в нём бюрократический капитализм (Шалье, *Socialisme ou barbarie* № 2), и о роли СССР в игре международных сил. Большинство 'левых' революционеров размещало СССР в центре контрреволюции, потому что государственный или бюрократический капитализм был, по их мнению, гораздо более могущественной формой господства, высшей стадией капитализма, чем всё, что было возможно в Западной Европе или США.

Бордига в ответ начал писать «Собственность и Капитал»¹⁰, в котором содержались фундаментальные элементы объяснения, прояснявшие будущее, как русского, так и западного общества, граничившее с повторениями ленинских тезисов. В главе «Современная тенденция к предприятию без собственности, ассигнований и концессий», он рассматривает вопрос, который позже он поднимет в «Социально-экономической структуре России сегодня», он утверждает:

"У современного государства никогда не было реальной экономической деятельности, которую оно всегда делегировало путём ассигнований и концессий в пользу капиталистических групп".

Здесь мы видим утверждение позитивной критики концепций государственного капитализма и бюрократии как класса. Это объясняется в главе «Экономический интервенционизм и управление как господство капитала над государством»:

"Речь идёт не о частичном подчинении капитала государством, но о полном подчинении государства капиталу".

Наконец он анализирует Этапы трансформации России после 1917-го, где он рассматривает вопрос правящего класса в России:

"Большая трудность в определении физической группы людей, из которых состоит эта буржуазия, сформировавшаяся не спонтанно и в той мере, в какой она сформировалась при царизме и уничтожена после 1917, заключается в факте демократического и мелкобуржуазного мышления, которым наши господа и хозяева рабочего класса были заражены в течение многих лет".

Значит, следовало понимать, кто представляет капиталистические экономические интересы. Ясно, что Бордиге пришлось бы вступить в противоречие с подобным буржуазным способом мышления в его архаичной (т.е. демократической) форме: всякая вещь, что существует должна обладать представительством, проявляться в виде посредничества между вещью и теми, кто рассматривает её, а именно в виде делегирования существования тем, кто должен констатировать и утверждать факт этого существования. Для Бордиги, фундаментально антидемократического человека, посредничество не обладало никаким значением. С другой стороны, бюрократия должна

---

¹⁰ «Proprietà e capitale» в Prometeo серия II 1-4.

была заполнить собой пробел для всех тех, занимался Россией, Бордига показал, что, наоборот, бюрократия зависела от бизнесменов:

"...буржуазия, которая никогда не была кастой, но появилась в контексте защиты прав условного всеобщего равенства, становится «сетью сфер интереса, которая утверждается в клетке каждого предприятия», Персонажи подобной сети крайне разнообразны. Это уже не собственники, банкиры или акционеры, но всё больше и больше спекулянты, экономические эксперты и бизнесмены. Одной из характеристик развития экономики является то, что привилегированный класс обладает всё более изменяющимся и текучим человеческим материалом (нефтяные шейхи, которые были управляющими и снова станут таковыми).

Как во все эпохи, подобная сеть более или менее заметных интересов и людей обладает отношениями с государственной бюрократией, но сама не является бюрократией, она обладает отношениями с 'кругами политиков', но не представляет собой политической категории. При капитализме подобная сеть является в первую очередь 'международной' и сегодня уже нет национальных буржуазных классов. Есть национальные государства мирового капиталистического класса.

Сегодня русское государство является одним из них, но с определённым, исторически уникальным происхождением. Фактически, это единственное государство, появившееся из двух революций, благодаря политической повстанческой победе. Оно стало единственным отвернувшимся от второй задачи, но оно всё ещё не выполнило первую: превращение России в регион меркантильной экономики (с глубокими последствиями для Азии)". (там же)

Касаясь роли России в мировом масштабе, Бордига утверждал, что центром контрреволюции являются США, а не СССР. США могут вмешиваться сами или через ООН и в своей полемике с Даменом¹¹, он предлагает следующую шутку, для того, чтобы объяснить свою позицию:

"..давай уберём Усача (т.е. Сталина) из Москвы и, для того, чтобы ни над кем не насмеяться, заменим его Альфой (т.е. Бордигой). Трумэн, который уже продумал эти возможности, прибудет через пять минут".

Бордига считал основной победой контрреволюции тот факт, что сталинисты объединились с США во время войны 1939-45 гг. СССР были куплены американским долларом. Он считал, что то же самое случится с Китаем во время корейской войны.

---

¹¹ Старый участник итальянской левокоммунистической фракции. Он был депутатом от коммунистов до Второй Мировой войны. Во время войны он активно защищал тезис о преобразовании империалистической войны в классовую и стал одним из основателей Интернационалистической Коммунистической Партии в 1943-м (Бордига тогда не участвовал в ней, он был не согласен с возможностью создания такой партии). Его несогласие с Бордигой, особенно по русскому вопросу и перспективам послевоенного развития рабочего движения, стало причиной для раскола в 1952-м. Одна часть партии стала Интернациональной Коммунистической Партией (с Бордигой), другая сохранила старое название (с Даменом) и продолжает публиковать газету Battaglia comunista и журнал Prometeo. Дамен написал брошюру «Amadeo Bordiga. Validità e limiti d'una esperienza» (Милан, 1971).

В том же году вышла ещё одна книга на ту же тему, написанная лицом, никак не связанным с вышеупомянутым движением: « Amadeo Bordiga » Андреины де Клементи, изд-во Einaudi.

Всё это было озвучено в форме тезисов на встрече Интернационалистической Коммунистической Партии в Неаполе, «Уроки контрреволюций, двойных революций. Капиталистическая революционная природа русской экономики» (1951). Для некоторых это стало скандалом; как можно было использовать прилагательное «революционный» по отношению к СССР в 1951-м? Бордига повторяет это в «России и революции в марксистской теории»; для него существовали разные революции, отличавшиеся от той (когда Бордига это писал), которую мы в итоге должны реализовать: от коммунистической революции. Поскольку она не сбывалась и особенно, поскольку не было никаких признаков её приближения, (для Бордиги) было очевидно, что распространение КСР на Россию и Азию было революционным феноменом, как Маркс говорил об этом в 1848-м в отношении Европы.

Однако если рассматривать то, как русская революция, по определению смогла лишь дать толчок появлению КСР, теперь следует описать характеристики нынешнего русского общества и правящего класса. Если вопросы появляются вновь и вновь, это потому что анализ не коснулся основной точки развития капитала и не коснулся самых недавних тенденций. Вот почему Бордиге пришлось вернуться к Марксу для того, чтобы описать русский феномен.

"Только видение, забывшее материализм, позволяет себе отклоняться, когда не видит 'личности' индивидуального капиталиста перед собой. Капитал всегда был внеличной силой, начиная с молодого Маркса. Детерминизм без людей не имеет смысла, это правда, но люди являются инструментом, а не двигателем". («Обезумевшие компасы», в «Battaglia Comunista» n°20, 1951).

Фактически, дебаты шли об определении капитала. В «Убийстве мертвецов» он вспоминает, что Маркс характеризует КСР производством прибавочной стоимости и жадностью до прибавочного труда ("Ненасытный аппетит к прибавочному труду" в I томе Капитала). В этом ключе он рассматривает "новости о государственном капитализме":

«Когда постоянный капитал устанавливается на нуле, колоссальное накопление капиталистической прибыли продолжается. Это утверждение равнозначно утверждению, что предприятие продолжает приносить прибыль, даже если капиталист избавлен от обузы поддержания постоянного капитала.

Эта гипотеза и есть реальность сегодняшнего *государственного капитализма*.

Передача капитала государству означает, что постоянный капитал равняется нулю. В отношениях между предпринимателем и рабочим ничего не меняется, поскольку они зависят лишь от величин *переменного капитала* и *прибавочной стоимости*.

Является ли анализ государственного капитализма чем-то новым? Без какого-либо высокомерия мы заявляем, что знали всё это с 1867-го. Вкратце: $k = 0$.

Не будем оставлять Маркса без следующей страстной фразы, следующей после этой холодной формулы:

"Капитал — это мёртвый труд, который, как вампир, оживает лишь тогда, когда всасывает живой труд и живёт тем полнее, чем больше живого труда он поглощает"».

Бордига развил эту тему, которую он часто поднимал вновь в связи с вопросом о государственном капитализме, бизнесе и спекулятивной эксплуатации природных

катастроф (определяя итальянскую экономику, как специализацию по катастрофам). Здесь он показывает, что капитализм, в своём развитии, является общепринятым гангстеризмом, повсеместным криминалом и, добавим мы, безумием.

"Для того, чтобы эксплуатировать живой труд, капитал должен порождать мёртвый труд. Он любит сосать молодую тёплую кровь, и убивает трупы".

Только путём разрушения постоянного капитала, его неподвижной части, он может высвободить новый производительный процесс, при котором капитал снова может удовлетворять свою жажду прибавочного труда.

С другой стороны, он отвечает в «Доктрине одержимого дьяволом тела» на вопрос о том, что такое правящий класс? Здесь он снова опирается на анализ Маркса из «Капитала»:

"Личность капиталиста уже не обладает значением здесь, капитал стократно существует и без него в том же процессе. Человеческий субъект стал бесполезным. Класс, не состоящий из индивидов? Государство на службе не у социальной группы, а у бесплотной силы, работы Святого Духа и дьявола? Обратимся к иронии нашего старины Карла. Вот обещанная цитата:

"Превращая деньги в товары, которые служат вещественными элементами нового продукта, или факторами процесса труда, присоединяя к их мёртвой предметности живую рабочую силу, капиталист превращает стоимость — прошлый, овеществлённый, мёртвый труд — в капитал, в самовозрастающую стоимость, в одушевлённое чудовище, которое начинает «работать» «как будто под влиянием охватившей его любовной страсти»"

В 1952-м Бордига ответил на «Экономические проблемы социализма в СССР» за авторством Сталина своим собственным «Диалогом со Сталиным», где он повторяет то, что говорил в предыдущих статьях (ср. «В вихре меркантильной анархии»); русская революция завершилась. Он также отвергает сталинский тезис о том, что закон стоимости сохраняется при социализме, и повторяет это несколько раз. Бордига каждый раз вынужден возвращаться к работе Маркса для того, чтобы возобновить интегральный анализ критики политической экономики.

Утверждение о завершении русской революции не разрешало проблемы. Как вышло так, что пролетариат совершил буржуазную революцию? (Бордига называл Ленина великим буржуа, а Сталина романтическим революционером). Разве в Октябре 1917-го не было ничего пролетарского? Именно тогда Бордига набросал серию статей о происхождении русской революции. Он настаивал на выводе, уже сделанном КАРД в 1922: это была двойная революция, пролетарская и буржуазная. Поскольку первая была поглощена (что было частично подтверждено в 1946-м), вторая расцвела пышным цветом. Пролетариат совершил буржуазную революцию:

"В этом состоянии подвешенности, которое пришло после войн, проигранных на границах и национального унижения от того факта, что мусульманские и азиатские народы оказались более продвинутыми в капиталистических методах ведения войны, они нашли условия для выполнения 'романтической' задачи пролетариата: как разрешить историческую головоломку, не беря власть в свои руки, а отдав её своим социальным эксплуататорам. Вся литература была посвящена этому, и серия гигантов начиная, возможно, с Гоголя до Толстого, Достоевского и Горького, различными способами и в различных масштабах, приняла социальные постулаты Запада, это плоды романтической, немарксистской мысли".

"Поскольку там не было буржуазии, сознающей свою классовую силу, марксисты начали работать в качестве 'просветителей', т.е. повторять мысль буржуазии, её просвещённой части".

Наконец, он написал восемь тезисов о России в «Медведе и его большом романе». В них определены результаты революционного процесса. Пятый тезис посвящён правящему классу:

"Утверждение о нынешнем отсутствии статистически определяемого буржуазного класса не противоречит предыдущему тезису, поскольку марксизм предвидел это ещё задолго до революции, притом, что сила современного капитализма определяется формами производства, а не национальными группами индивидов".

Тогда Бордига думал, что в достаточной мере прояснил 'русский вопрос' и что можно перейти к другим:

"Товарищ (то есть Бордига) предвидел, что это собрание включит в себя часть, посвящённую проблеме Америки и западных капиталистических стран в частности, притом, что предыдущая большая работа достаточно чётко очертила общее определение нашего взгляда на Россию и на её социальную экономику. Она показывает марксистскую концепцию двойной революции, при которой одна половина прививает другую, или нечистой революции (придавая этому термину историческое, а не моральное значение). Диалог (со Сталиным) и другие тексты в достаточной мере систематизировали эту часть, теперь мы должны проанализировать чистую, антикапиталистическую, пролетарскую революцию".

Но пуповина, связывавшая эту партию с русской революцией, была слишком прочной и все эти объяснения недостаточно чётко объясняли для них 'загадку'. Они сочли, что эту тему следовало разрабатывать и далее. После «Факторов расы и нации в марксистской теории» и «Аграрного вопроса», которые стали введением в историю России (Бордига настаивал на тезисе капитализм = аграрная революция, и на том факте, что аграрная проблема была центральной из тех, что должны были разрешить как русская, так и коммунистическая революции), ему пришлось вернуться к России и начать писать «Россию и революцию в марксистской теории».

Так, читатель может получить представление о том, как была рождена представляемая работа. Следует отметить, что большинство тем было рассмотрено в статьях фрагментарно и, кроме этого, что существовал постоянный обмен между объяснением русского общества и разъяснением критики политической экономии. Здесь присутствовала постоянная тема диктатуры пролетариата, которая могла бы направлять развитие производительных сил в необъятной России. Вот почему Бордигу в первую очередь интересовала природа государства: не только потому, что он не обманывался по поводу того, что государство могло не определяться экономической и социальной структурой. Он очень хорошо знал, что в России, начиная с определённого момента, социальные силы неизбежно должны будут уничтожить пролетарское государство, при отсутствии поддержки со стороны революции на Западе. Но для того, чтобы обнаружить вырождение этой революции он анализировал не экономическую сферу, а политическую. Только когда это государство стало полностью капиталистическим, он занялся социально-экономической структурой, потому что теперь надо было понять, как будут рождены силы, которым предстоит бороться за коммунистическое общество и на что им следовало ориентироваться. Довольно красноречивым является тот факт, что именно во время Двадцатого съезда, когда Россия открыто заявила о своей интеграции в

капиталистический лагерь, он предсказал, что коммунистическая революция должна будет произойти в 1975-м.

Статьи Бордига об СССР после 1957-го не очень интересны. Они служат лишь иллюстрациями к тому, что он говорил и объяснял в предыдущих текстах. Кроме этого, он энергично повторяет следующую аксиому: речь идёт не о строительстве коммунизма, а об уничтожении препятствий для его развития. Ему пришлось бы провести тщательный анализ развития КСП для того, чтобы сделать более фундаментальный вклад. Теперь (несмотря на несколько существенных замечаний, указывающих на возможное плодотворное исследование) это выглядело слишком 'физиократическим', потому что относилось к массе производства и ритмам его роста. В 1964-м, после провала экономических мер Хрущёва, его увольнения и удовлетворения требований колхозников, Бордига отмечает:

"Тем не менее, очевидно, что дорога к полноценным формам капитализма в России была тяжёлой и трудной и ей снова придётся столкнуться лбами крупный капитал с мелкой собственностью, которую крупный капитал не мог не поддерживать и не укреплять. Так он похоронил героические и широкомасштабные усилия большевистского авангарда, предвидевшего, что единственной возможностью для сопротивления в ожидании пролетарской мировой революции станет выжидание в осаждённой крепости государственного капитализма, контролируемого пролетарской диктатурой, отодвигая скачок к экономическому социализму в будущее, ко времени революционной волны в индустриализированных странах Запада".

К сожалению, этот диагноз использовался в прямой и полемической манере для того, чтобы показать, что в отличие от всего, что провозглашал Хрущёв, СССР не мог догнать США. Следовало задаться вопросом: существуют ли гео-социальные регионы, в которых КСП не мог развиваться, а если бы и мог, не стоило ли бы это громадных трудностей, до такой степени, что даже положительные эффекты, существовавшие на Западе, были бы уничтожены в этих регионах? Но это подразумевало бы критическое отношение к действиям большевиков. Бордига не собирался поднимать этот вопрос. Он всегда поддерживал ленинистские установки и следовал им в своих выводах. Можно сказать, что, неким образом, русская революция осталась для него политическим феноменом, который должен был овладеть экономическими силами для того, чтобы выйти на дорогу к социализму.

Для того чтобы понять позиции Бордига по отношению к России полезно знать другие его работы. Мы дадим их краткое изложение. Бордига был фундаментально антидемократическим и анти-инновационным человеком, т.е. он боролся с теми, кто считал, что было возможно и необходимо создать новую теорию или что можно актуализировать марксизм, пользуясь следующим определением:

"Мы используем слово 'марксизм' не для того, чтобы обозначить доктрину открытую и представленную индивидом Карлом Марксом, но для того, чтобы обозначить доктрину, возникающую с современным индустриальным пролетариатом и 'сопровождающим' его в течение всего хода социальной революции – и мы сохраняем название 'марксизм' несмотря на все спекуляции и эксплуатацию его целой серией контрреволюционных движений". (*«Историческая инвариантность марксизма»*, 1952)

Важна связь с классом, определяемым способом производства, который он стремится создать. Метод, которым он должен реализовать это создание является его программой. Фундаментальные линии программы пролетарского класса были установлены в 1848-м.

Они таковы: пролетариат должен сформироваться как класс, а значит как партия. Затем он должен стать государством для того, чтобы уничтожить все классы, а значит и себя самого, для того, чтобы стало возможным развитие коммунизма (ср. «Основы революционного коммунизма», 1957). Партия таким образом рассматривается с одной стороны как часть класса, предвосхищение коммунистического общества, "проекция в настоящее социального человека завтрашнего дня" (ср. «Теория первичной функции партии», 1959), с другой как орган сопротивления в тот момент, когда пролетарский класс был разбит и находился под влиянием правящей идеологии, поэтому партия должна сохранять 'классовую линию'. Марксизм, если его рассматривать не только как теорию революции, но и как теорию контрреволюции, способен к сопротивлению, которой заключается в поддержании им программы целого класса. Поэтому формальная партия, к которой принадлежал Бордига, могла рассматривать себя как связующее звено между предыдущим этапом, когда пролетариат складывался как класс, и будущим, когда должна была выпыхнуть анонимная революция, приводя в движение весь класс. Бордига признавал, что формальная партия может исчезать, то есть, что может произойти так, что больше не будет революционеров, защищающих классовую программу в течение какого-то периода, но, что партия возродится в "далёком, но светлом будущем", следуя за динамикой присущей капиталистическому обществу и за фактом абсолютной потребности человеческого вида в коммунизме.

Во время периода отлива (т.е. сильной контрреволюции, которая заставляет класс отходить на прежние позиции), основной ролью обладает описание коммунизма, таким было поведение самих Маркса и Энгельса, посвятивших, по словам Бордиги, всю свою жизнь его описанию. Так можно поддерживать линию будущего в достойном презрения настоящем, сопротивляясь контрреволюции отвергая все демократические формулы и все ошибочные импульсы к инновации. Это подразумевает структурный анти-активизм потому что совершать вмешательства можно только в 'зрелые периоды истории' человечества. Тогда следует бросаться в битву очертя голову и не сдаваться при первом же шоке, не уходить из партии, как только враг начинает обретать преимущество. Таково было значение размышлений над дебатами 1926-го. Надо было сопротивляться, мировой пролетариат, организованный Коммунистическим Интернационалом, должен был сопротивляться капитализму в ожидании новой революционной войны. Но как только начинался её отлив, надо было проходить через чистилище и ждать пока контрреволюция не выполнит все свои задачи. Бордига считал, что это было реализовано в 1956-м. Отсюда предсказание новой революционной волны с кульминацией в 1975-м.

Надо было снова восстановить марксизм, от которого отказались сталинисты, в течение периода ожидания, не теряя из виду непосредственные движения класса, для того, чтобы осознавать насколько они способны сотрясти диктатуру капитала. Но это следует делать без иллюзий. Поэтому он говорил, что после Второй Мировой войны не будет революции (фашистские страны проиграли войну, но фашизм победил), что Третья Мировая война не была неизбежной, а холодная война была формой мира. Поэтому не могло быть революции после краткого созревания как думали те, кто считал, что неотвратимый третий конфликт даст начало революции после него. Берлинское движение (1953-го года) не стало началом нового революционного цикла. Не стало им и венгерское восстание 1956-го, потому что оба были межклассовыми движениями, в то время как пролетариат мог победить только через автономную организацию, в борьбе за собственные цели.

Тем не менее, очевидно, что всё это принадлежит прошлому, и многие спрашивают, какое эти события имеют значение? Какое значение в отказе от лести Югославии как новой социалистической стране? В том же отказе по отношению к Кубе, Китаю и в отрицании

того, что центр революции находится в странах третьего мира? Фактически, какая в этом польза, когда весь мир убеждён в противоположном?

Именно потому, что, фактически, у Бордиги было предвидение определённого будущего, он смог вести себя определённым образом и избежать революционного маскарада послевоенного периода, которым дирижировали троцкистские и схожие группы. Здесь заключалась его последовательность, в теории нет пользы, если она не предлагает предвидения. Но никто не может предвидеть без какой-то уверенности.

Бордига несколько раз расходился с большевиками по вопросу о демократии. Он был абстенционистом, отвергавшим любое участие в парламенте, любые демократические механизмы. Надо было чётко определять тактику по отношению к условиям чётко определённой борьбы на исторических этапах, когда действовал пролетариат. Схожим образом он отвергал теорию государственного капитализма и считал теорию империализма совершенно недостаточной и т.д. Несмотря на это, как мы уже повторяли, он так никогда и не порвал с Лениным, потому что для Бордиги он был теоретиком диктатуры пролетариата (последовательным продолжателем Маркса), оказавшимся способным применить её в огромной стране. С другой стороны, всё развитие антиколониальных революций усиливало для него правоту ленинистских позиций. Отсюда некритическая апология большевиков, но, при этом, также защита итальянских левых коммунистов и самого себя от обвинений в анархизме, ультралевачестве, пассивности и т.д., что привело его к ложным обвинениям КАРД, Паннекука и т.д., особенно в тех вопросах, в которых они были очевидно близки к нему.

Но это лишь частный аспект работы Бордиги. Самое важное, что характеризовало его, благодаря чему он остаётся таким захватывающим и живым, это то, что указано в книге «Bordiga: la passion du communisme»: его уверенность в революции, в коммунизме, выраженная пророчески. Человечество революционными скачками продвигается к коммунизму по его словам. Эта эволюция является работой миллионов, нащупывающих свой путь и, иногда, совершающих просветлённые скачки путём крупных революционных взрывов. Он сравнивал всю человеческую историю с огромной рекой огороженной двумя дамбами, справа социальным консерватизмом, по которому марширует распеваящая гимны официальной классовой лжи толпа священников и жандармов, слева парад реформизма людей посвятивших себя народу, бизнесменов оппортунизма, прогрессистов. Обе банды оскорбляют друг друга с разных берегов, в то же время полностью соглашаясь, что река должна оставаться в русле. Но необъятный поток человеческой истории также чреват безудержным и грозным разбуханием и, иногда, переполняя извилины, он затапливает обе дамбы с их несчастными бандами в импульсивном и неодолимом паводке революции, сбрасывающей все старые формы и придающей новое лицо обществу.

***

Несмотря на все работы о русской революции и о советском обществе, мы считаем, что изучение этих феноменов не просто не закончено, но что оно даже не начиналось, потому что от общего внимания ушли два основных вопроса: об общине и о разделении КСП на периоды формального и реального господства капитала. Множество других вопросов берёт начало из этих двух вопросов, поэтому мы просто отметим, что наша цель не в том, чтобы рассмотреть русский вопрос в деталях, а в том, чтобы возобновить дебаты о нём путём интеграции работы Бордиги.

Русская революция могла и должна была стать прологом к последней революции нашего вида, в соответствии с взглядами тех, кого мы называем исторической партией. Вот

почему она захватывает и призывает к изучению, не сама по себе, но как долгожданный момент, который должен был произойти (Бордига). Коммунистическая революция нашла конкретное воплощение, когда произошла в регионе, где был всё ещё жив коммунитарный феномен, показав этим, что коммунистическая революция не является решением лишь для классового общества. Она расширила горизонты западных революционеров, которые считали, что истинное будущее должно было произойти в их странах и думали о человеческом будущем как о функции движения в их области, в их цивилизации. До русской революции было сосуществование двух миров. В одном частная собственность, индивид, классы и меновая стоимость стали самостоятельными; в другом человек всё ещё был целью производства, а прогресс ещё только должен был прийти. Как могли объединиться эти два человечества? - одно, проходящее через ад классового общества, а другое всё ещё находящееся в рамках своей общинности. Маркс задавал этот вопрос в 1858-м и всё ещё не имел на него ответа:

"Трудный вопрос для нас следующий: на континенте надвигается революция, и она сразу же примет социалистический характер. Разве она не обречена на поражение в этом маленьком уголке, если учесть, что есть ещё большая территория, где буржуазное движение только начинает подниматься?" (К. Маркс Ф.Энгельсу, 08.10.1858)

Он всё ещё считал, что все народы должны пройти через буржуазную и капиталистическую стадию. Он не думал о возможности скачка. Именно во время изучения России он обнаружил, благодаря русским революционерам, решение, которое должно было повлиять на необходимое и жизненно важное обобщение нашей общей судьбы, подразумевающее также примирение народов на разных стадиях их развития, которое вовсе не должно было быть аксиоматическим.

Он мог понять проблему революции в России, потому что он уже размышлял над вопросом общины. Он столкнулся с ним на основе классистского подхода, потому что, хотя на Западе во времена Маркса и оставались живые осколки общин (около Трира в Германии, на Корсике и в Испании), это исследование не должно было основываться на них. А это был центральный вопрос коммунизма, Маркс уже упоминал об этом в работе «К критике гегелевской философии права», где он утверждал, что истинным преодолением государства может быть только общность (Gemeinwesen¹²), что чётко прозвучало также в работе «К еврейскому вопросу». В «Рукописях 1844 года», он писал,

---

¹² Маркс часто использовал слово Gemeinwesen, которое также часто встречается у Гегеля, для которого тематика Gemeinwesen обладала большим значением. В определённых случаях, это слово можно перевести как община, но в других случаях этот перевод сужает семантическую силу этого слова. Gemeinwesen означает также субъективированную общность, утверждающуюся в человеческой индивидуальности, социальном человеке, т.е. в том, как социальный человек субъективирует общность в себе. Значит это модальность бытия объективированной общины, которая всегда существует, и всегда будет существовать вне его. В «Рукописях 1844», Маркс утверждает, что нельзя противопоставлять индивида общине. В примечаниях к книге Джеймса Милля, он говорит, что социальный человек воспроизводит свою индивидуальность и Gemeinwesen. Если элементарная единица (которую называют индивидом) является лишь единичной, мы начинаем постоянно сталкиваться с бинарным, метафизическим противопоставлением: единичное-индивидуальное. Коммунизм, который не является обществом, характеризуется уничтожением этой двухполярности. Тотальности Лукача недостаточно для его описания. Тотальность является тоталитарной и иногда является всего лишь раздутым единством, причём последнее становится редуцированной тотальностью, триумфом идентичности, одного и того же, триумфом смерти. Коммунизм может существовать, только если есть множество – различие социальных людей (индивидуальностей), потому что коммунизм – это жизнь.

что общность нельзя противопоставлять индивиду, а в статье «Против Короля Пруссии и социальной реформы Руге», он писал, что человеческое бытие является истинным *Gemeinwesen* человека. Однако, возможно самое замечательное указание на *Gemeinwesen* и коммунизм, при котором индивиды являются социальными людьми, а их человеческое бытие – это их *Gemeinwesen* находится в комментариях к книге Джеймса Милля (1844). Маркс не был бы способен признать революцию против государства в Парижской Коммуне 1871-го, которая реализовала очертания *Gemeinwesen*-человеческого бытия, если бы она не стала теоретическим преодолением, связанным с пробуждением пролетариата, класса, который должен упразднить все классы на исторической сцене. Это также объясняет, почему Энгельс говорил, что коммуну следует переводить старым немецким словом *Gemeinwesen*. Наконец, мы должны настаивать на том факте, что коммунизм нельзя определять как анархию по Марксу; подобно тому как "атеизм является окончательным признанием теизма, негативным признанием Бога", анархия является негативным признанием государства, последней стадией государства.

Однако анализ *Gemeinwesen* обрёл гораздо большую глубину в 1850-х, когда Маркс пытался осуществить работу о движении меновой стоимости и её преобразовании в капитал. Здесь ключевыми текстами были *Urtext* и часть *Grundrisse* под названием «Формы, предшествующие капиталистическому производству»:

"Если свободный труд и обмен этого свободного труда на деньги с целью воспроизведения этих денег и увеличения их стоимости, т. е. с той целью, чтобы свободный труд был использован деньгами в качестве потребительной стоимости не для личного потребления, а в качестве потребительной стоимости для денег, — если все это является предпосылкой наемного труда и одним из исторических условий капитала, то другой предпосылкой является здесь отделение свободного труда от объективных условий его осуществления — от средства труда и материала труда. Следовательно, прежде всего — отделение работника от земли как его природной лаборатории и в силу этого разложение как мелкой свободной земельной собственности, так и общей земельной собственности (*gemeinschaftlichen*), покоящейся на восточной общине (*Kommune*)".

Здесь становится ясно, что изучению подлежит деятельность человека с момента его отчуждения от природы, причём надо понимать, как эта деятельность становится внешней, автономной, превращаясь в угнетающую силу, разъедающую общность. Тогда философия, политика и религия предстают как толкования глубокого феномена: экспроприации человека. Так же, отталкиваясь от этого анализа, можно избавиться от жёсткости и ограниченности формулы Манифеста коммунистической партии, что "История общества является историей классовой борьбы", формула, которую не упраздняет даже примечание Энгельса. Жёсткую схему 1859-го следует корректировать поздними работами Маркса. Классы могут развиваться только с уничтожением общности. Они подавляются в той мере, в какой существует общность. Без классового общества может быть разделение труда. Кастовое общество выражает лишь неспособность данного общества породить классы, что вовсе не означает, что класс был необходимостью, и что каста была его предшественником. Это два вида человеческой организации в двух очень различных социальных формах.

Мы можем, как это сделал Маркс, провести следующую периодизацию, принимая в расчёт движение стоимости и её предпосылки. Первичная формация, включавшая все формы, при которых общинная собственность на землю была основой общества, его фундаментом. То, что называют примитивным коммунизмом, является очень старой первой формой, которая возможно была продуктом эволюции человека от стадии *Australanthropos* (свыше миллиона лет назад) к *Homo sapiens*. Это подразумевает идею

биологической эволюции, параллельной социально-технической эволюции. Так примитивный коммунизм был поведением человеческого вида, когда существовал непосредственный союз между компонентами общины и их естественным окружением. Это социальная форма, при которой движение стоимости только должно начаться, при которой разделение труда, труд, система обмена (состоящая из серии взаимных даров, более или менее дифференцированных и т.о. гарантирующих обращение продуктов и мешающих процессу, ведущему к неравенству), являются всё ещё нефрагментированной тотальностью. В частности, как говорил Маркс, индивид ещё не был работником.

Позже движение меновой стоимости прививается к предыдущим структурам и автономизируется. Отсюда мы получаем формы, которые Маркс называл азиатскими, потому что он обнаружил их, или, по крайней мере, их признаки, на этом огромном континенте. В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» он отмечает, что:

"Раз люди, в конце концов, становятся оседлыми, то уже от различных внешних (климатических, географических, физических и т. д.) условий, а также от природных задатков людей (от их племенного характера) будет зависеть, в какой степени эта первоначальная общность (Gemeinschaft) будет видоизменена".

Очень важно, что Маркс говорил об азиатских формах, а не об азиатской форме. Можно предпринять изучение коммунитарных форм всё ещё существующих в Африке, обладающих определённым сходством с азиатскими формами, на данной основе. Это бы также показало их оригинальный характер, т.о. завершая труд Маркса, который не предпринимал работы над Африкой, кроме нескольких записей об Алжире, сделанных в 1882-м. Как бы то ни было, здесь для нас важно показать, что у наибольшей части человечества не было истории классовой борьбы, хотя это не означает, что в них не было борьбы между человеческими группами. Маркс говорит, что война была основной производительной деятельностью общин. С другой стороны, общины существовали долгое время даже в обществах, уже ставших классовыми и, возможно, сдерживали классовую борьбу.

Маркс рассматривал определённое количество форм внутри первичной формации, но азиатский способ производства не мог быть включен сюда. Это особенная азиатская форма, которая, следуя за очень специфическими географическими условиями, правильно указанными Виттфогелем (он называл общество, обусловленное этими условиями гидравлическим обществом), получила своё, уникальное развитие. С другой стороны, знаменитый азиатский застой вовсе не означает, что этот континент не мог породить важные технологии, науку и искусство. Определённое развитие производительных сил было возможно; однако, оно всегда достигало бы предела: неспособности обретения самостоятельности индивидами и классами, т.е. меновая стоимость не могла автономизироваться, и этих двух фундаментальных для рождения капитала условий не существовало. Не был реализован скачок производительных сил. Азия пережила великие периоды расцвета, когда она достигала точек, с которых мог быть сделан этот скачок. Складывались все основные условия для возникновения КСП как на Западе, кроме одного: перерезания пуповины общности (Маркс).

Вторичная формация перегруппировала все формы, основанные на частной собственности, подразумевавшей существование индивидов (человек, подчинённый обмену, как Маркс говорит в Urtext) а значит и классов. Так мы получили рабство или античный способ производства (древняя форма), феодальную форму, или феодальный способ производства, азиатский способ производства, при котором частная собственность,

если она существовала, не позволяла индивидам стать самостоятельными, поскольку люди зависели от высшего единства: всеобщего рабства. Фактически, реальная частная собственность существовала только на уровне всеобъемлющего единства (zusammenfassende Einheit).

Третичная формация – это капиталистическая форма или капиталистический способ производства. Он основан уже не на собственности трудящегося человека, но на чужом труде (ср. инверсию, о которой говорится в Манифесте коммунистической партии, Grundrisse, и I томе Капитале, 24 глава). На уровне капитала объединяются два движения: экспроприация человека, появление пролетариата и автономизация стоимости. Капитал занял место денежных обменов в уничтожении старой общности, и с этой новой основы установился в качестве материальной общности, а затем и фиктивной, при реальном господстве капитала. Так капитал разрешает старые противоречия, по-своему появившиеся во время зарождения стоимости в архаичных общинах. Вот почему он устанавливается в качестве вечной структуры, как позитивно, так и в качестве спекулятивного субъекта, что позволяет ему превращать все движения отрицания в его собственное утверждение.

Коммунистическая революция уже не может действовать на прежней почве, на почве, полностью занятой и развиваемой капиталом, т.е. на территории роста производительных сил. Речь идёт о новом Gemeinwesen, которое стало бы человеческим бытием. Отсюда, очевидная необходимость для самого радикального разрыва с любой деятельностью или поведением, обладающим связью с прежними революциями, особенно с русской революцией. Кроме того, здесь мы видим, как два разных исследования Маркса пересекаются в одном утверждении, хотя они осуществлялись в разные периоды его жизни.

Маркс так характеризовал общины (в первую очередь в славянском регионе) в «Формах предшествующих капиталистическому производству»:

"...мелкие общины (Gemeinden) влечат жалкое существование независимо друг около друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьей независимо от других на отведенном для него наделе", и это отличает их от азиатского способа производства, при котором над самодостаточными общинами, как в предыдущем случае, доминирует, надо подчеркнуть это, высшее единство, как реальный землевладелец. Мелкие общины являются лишь держателями.

Маркс даёт некоторые пояснения в черновиках своего письма к Засулич:

"Все другие общины покоятся на отношениях кровного родства между их членами. В них допускаются лишь кровные или усыновленные родственники. Их структура есть структура генеалогического древа. «Земледельческая община» была первым социальным объединением людей свободных, не связанных кровными узами".

Ещё одной её характеристикой является дуализм. Там присутствует коллективный элемент и индивидуальный элемент, так что индивидуальность может развиваться (индивид может обретать самостоятельность).

"Понятно, что дуализм, свойственный строю земледельческой общины, может служить для неё источником большой жизненной силы. Освобождённая от крепких, но тесных уз кровного родства, она получает прочную основу в общей собственности на землю и в общественных отношениях, из неё вытекающих, и в то же время дом и двор, являющиеся

исключительным владением индивидуальной семьи, парцеллярное хозяйство и частное присвоение его плодов способствуют развитию личности, несовместимому с организмом более древних общин".

Теперь мы видим, что для Маркса, перемена к коммунизму могла быть реализована, только если человек был освобождён как в общности, так и в индивидуальности. Сведение коммунизма к обществу, в котором освобождено общество, а индивид живёт только в нём, т.е. не освобождается, происходит из видения казарменного коммунизма, о котором писал Энгельс в своей полемике с Ткачёвым. С другой стороны, Чернышевский хотел спасти общину, потому что через неё можно было достичь этих двух тесно связанных освобождений. Маркс нашёл решение для вопроса, который он ставил в 1858-м, в Чернышевском и русских народниках.

Дуализм сделал возможными два вида эволюции, надо подчеркнуть, что разложение общины не было фатальной предопределённостью:

"Её врождённый дуализм допускает альтернативу: либо собственническое начало одержит в ней верх над началом коллективным, либо же последнее одержит верх над первым. Всё зависит от исторической среды, в которой она находится".

В любом случае:

"Чтобы спасти русскую общину, нужна русская революция".

Вопрос о славянском государстве не был проанализирован ни в этом тексте, ни в «Формах, предшествовавших капиталистическому производству». Однако, в последней работе Маркс указывал на отношения между Gemeinwesen и государством. Во вторичной формации, с частной собственностью, присутствует разделение между государственной и общинной собственностью, и именно государство становится представителем Gemeinwesen. Так в Афинах была рождена политика, чьей сущностью было представительство. Но государство могло равным образом зародиться и без классов, например, у инков, как это показывал Маркс. В этом случае складывалась иерархическая община. Государство, плод преобразования Gemeinwesen, обладало фундаментальной ролью в защите последнего, гарантируя ему продолжительность на всех уровнях. Существовало биологическое разделение труда: государство играло роль социального мозга. Общество, ставшее результатом подобной организации, было больше животного, чем человеческого типа, это было общество, в котором вид стал деспотом и уничтожил все человеческие индивидуальные частицы. В этом человеку не удалось полностью порвать связь с природой и создать разрыв в целостности: он был поглощён ей.

Не таким был случай в России, хотя государство здесь властвовало над мелкими общинами, чему помогала их изоляция, из-за которой они были уязвимыми. С другой стороны:

"Объединение северных русских республик доказывает, что эта изоляция, которая первоначально вызвана была, по-видимому, обширным протяжением территории, была в значительной степени закреплена политическими судьбами, пережитыми Россией со времён монгольского нашествия".

Маркс долго настаивал на этом вопросе (он также упоминал разрушение Новгорода москвичами в «Тайной дипломатической истории восемнадцатого века», сборнике статей о России и поддерживавшей её английской дипломатии). Государство в России в первую

очередь оправдывало себя ролью защиты против других общин и, позже, против других государств: защитником был царь. Огромное значение военного вопроса в судьбе России было прямо связано с её социальной структурой: для того, чтобы поддерживать своё существование, государство требовало, чтобы аграрные общины не росли. Отсюда деспотизм над обществом: государство оправдывало своё существование территориальной экспансией, эта русская экспансия была постоянной на протяжении шестнадцатого века, с тех пор Россия продолжала расти, и этот дух экспансии не уменьшался вплоть до нашего времени. Характер защитника также создал огромную инерцию в крестьянских массах, и некоторые народники отмечали, что крупные крестьянские восстания могли происходить только через узурпацию (нечто вроде оправдания), что также заставляло их вести себя как узурпаторов.

В любом случае определяющим фактором было внешнее происхождение государства, и то, что внешние условия явно способствовали его прививанию к социальному телу. Отсюда замечание Маркса:

"Жизни русской общины угрожает не историческая неизбежность, не теория, а угнетение государством и эксплуатация проникшими в неё капиталистами, возвращёнными за счёт крестьян тем же государством".

Это, повторим, отлично понимали народники. Но перед тем, как затронуть отношение государства к общине, выведем некоторые предыдущие обстоятельства. Для того чтобы спасти общину и избежать мерзостей КСП в России, требовалась революция. Ясно, что в стране, населённой в основном крестьянами, они должны были сыграть огромную революционную роль. Поэтому нельзя использовать тексты Маркса о французских крестьянах для того, чтобы понять русский феномен. Это не означает, что русские крестьяне были реальным классом, сравнимым с пролетариатом. Их единство было основано на том факте, что они сохраняли свою прошлую форму, необходимую для будущего развития, для возрождения общечеловеческой коммуны. Они сильно отличались, в этом смысле, от пролетариев, как носителей будущего, порвавших с прошлым, которое было фактически экспроприровано у них. Таков был случай революции с внеклассовыми измерениями в России. Классовые характеристики были применимы к ней из-за международного контекста, когда стало ясно, что после 1880-го, русская революция могла победить только, если бы её поддержала пролетарская революция на Западе. Но Маркс не отрицал чётко и прямо возможности, что Россия сама могла совершить революцию, используя технические достижения Запада. Это ещё одна существенная характеристика черновиков письма к Засулич:

"(...) одновременное существование западного производства, господствующего на мировом рынке, позволяет России ввести в общину все положительные достижения, добытые капиталистическим строем, не проходя сквозь его кавдинские ущелья".

Такова была перспектива Чернышевского.

С другой стороны, в случае общей победы революции в России и на Западе, можно было бы говорить о диктатуре пролетариата. Но хорошо ли этот термин был бы приспособлен к реальной России, особенно если революция должна была победить только там, и запаздывала бы на Западе? Можно ли было бы говорить о диктатуре пролетариата во время этой задержки? Эти вопросы также зависели от исторических обстоятельств (формула Ленина; демократическая диктатура пролетариата и крестьянства вполне совпадала с формулами Маркса и народников). Но эти вопросы не были полностью

изучены в отношении аграрной коммуны и не обладали значением для марксистов конца девятнадцатого века.

В отношении государства (государство сильнее, чем общество, как говорил Виттфогель), народники понимали его особенности, как это показывают цитаты Плеханова в наших различиях:

"(Государство) не воплощает интересов какого-либо сословия (...) В нашей стране (...) напротив, наша социальная форма обязана своим существованием государству, висящему, так сказать, в воздухе, государству, которое не имеет ничего общего с существующим социальным порядком, чьи корни находятся в прошлом, а не в настоящем".

Это из Ткачёва, который, даже не будучи народником – его считали якобинцем, так же как они¹³, оценивал общину и государство. Но народники отмечали, что власть государства не просто висела в воздухе, потому что, помимо прочего, она покоилась на культе царя, глубоко укоренённом в крестьянстве. Ткачёв был прав в другом. Крепостное право было введено царём, и наёмный труд был введён им же. Милюков был также неправ, когда отмечал, что если классы порождают государство на Западе, в России государство производит классы. Отсюда постоянная озабоченность народников: уничтожение государства. Вот почему они всегда хотели уничтожить царя:

"Действительно ответственный человек – это царь; русская история показывает это. Именно цари веками тщательно выстраивали организацию государства и армии; именно они раздавали землю дворянам. Подумайте об этом, братья, и вы увидите, что царь – это первый из дворян". (Каракозов, цит. по Вентури, стр. 608)¹⁴.

Здесь они согласны и с Марксом и с анархистами. Довольно любопытно, что объяснение Бордиги совпадает с аналитической схемой народников, когда он отмечает, что в СССР доминировал не местный, а международный класс; что советское государство было лишь деспотической организацией на службе у последнего.

Значимость государства объясняет также две фундаментальные черты русских революционеров: их яростную волю к уничтожению государства и мобилизации крестьян, и особенный фатализм, который вёл их к сотрудничеству с властями после периода экзальтации. Фатализм и волюнтаризм часто взаимосвязаны, к тому же это происходило при режиме царского деспотизма.

---

¹³ Также нельзя назвать народником Бакунина. В то же время, он всегда считал общину очень важной и обладал большим влиянием на движение народников между 1860 и 1870. (Ср. в данном отношении книгу Вентури, указанную в следующей сноске).

¹⁴ Цит. по книге Вентури «Корни революции: история народнического и социалистического движений в России девятнадцатого века» (Weidenfeld and Nicholson, London, 1960). Это крайне важная работа для понимания глубинных характеристик русской революции. Можно убедиться в том, что Маркс и Энгельс (особенно первый) питали глубокую привязанность к народникам через их письма. Но реальные позиции народников были неизвестны никому, кроме специалистов. Книга Вентури отбрасывает мистификацию-мифологизирование, которые практиковали русские марксисты по отношению к своим противникам. Народничество является интегральной частью коммунистического движения, как это другими словами говорит Вентури на стр. 346.

Энгельс не полностью поддерживал позиции Маркса, в частности, о скачке через КСП, и был уверен к концу своей жизни, что меновая стоимость развилась также и в России, и что страна была обречена на капитализм. Так он открыл дверь Плеханову и Ленину.

Следует отметить, что в десятилетие 1890-1900, когда умер Энгельс, а Ленин написал свои первые работы, сложилась особенная ситуация. Аграрная община была фрагментирована, но КСП ещё не установился полностью. Это создало проблемы для народников, которых сменили марксисты, заявлявшие, что скачок через КСП был невозможен (Плеханов). Именно у него появилась первостепенная роль пролетариата в русской революции в следующем тезисе:

"В заключение, я повторяю – и я настаиваю на этом важном пункте; Русское революционное движение восторжествует как движение рабочего класса, или оно никогда не восторжествует!"

Позиция Плеханова по этому вопросу определила развитие русского марксизма, Ленин посвятил всю свою деятельность в молодости борьбе против народников. В целом он утверждал, что к Марксу нельзя обращаться в связи с развитием России, потому что он не изучал эту тему глубоко. Он цитировал письмо Маркса к Михайловскому:

"Итак, Маркс говорит, что г. Михайловский не имел права видеть в нем противника идеи об особом развитии России, потому что он с уважением относится и к тем, кто стоит за эту идею, - а г. Кривенко перетолковывает так, будто Маркс «признавал» это особое развитие. Прямое перевираание. Цитированное заявление Маркса совершенно ясно показывает, что он уклоняется от ответа по существу (...) Маркс в этом же «письме» прямо дал ответ на вопрос, какое приложение может иметь его теория к России. Ответ этот с особенной наглядностью показывает, что Маркс уклоняется от ответа по существу, от разбора русских данных, которые одни только и могут решить вопрос". (В.И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 288-289)

Нет ничего более неверного. Маркс очень внимательно изучал русскую социальную эволюцию, он даже учил русский для этого. Более того, это изучение должно было стать фундаментальным (так же, как и изучение аграрной культуры США) для того, чтобы объяснить, как произошёл переход от земельной собственности к капиталу. По США он изучал теорию Уэйкфилда в «Капитале», объясняя её значимость в Grundrisse. По России он изучал обширный материал, но всё, что он сделал, осталось неопубликованным.

Ленин выказал свою теоретическую твердолобость, которую можно также назвать его односторонностью, уже в борьбе против народников. Он отказывался принимать во внимание особенности уникального развития России в корректной, полной и конкретной манере. Позже он даже отрицал в споре с т.н. левыми коммунистами, например, с Гёртером, что на Западе была особая эволюция и тот факт, что российскую схему нельзя переносить туда, что тактика и стратегия там должны были быть иными.

Так, возвращаясь к полемике с народниками, Ленин отстаивал лишь вторую возможность эволюции, обозначенную Марксом:

«(...) Маркс говорит, что 'если Россия стремится стать нацией капиталистической', ей бы пришлось 'преобразовать... добрую долю своих крестьян в пролетариев'». (В.И. Ленин, ПСС, т. 1, стр. 289)

Эта мысль превращается в уверенность в «Развитии капитализма в России», усиливая предыдущий вывод:

" (...) – тогда русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведёт РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ". (там же, стр.311-312)

Тем не менее, крестьянские бунты 1902-го, формирование партии эсеров (компромисс между народничеством и марксизмом, отмечающий собой отлив народнического движения, защищающего общину¹⁵), сильно повлияли на эволюцию мысли Ленина. Отсюда он уже открыто утверждал необходимость «Революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» (статья, написанная в марте 1905 г.). Он уточнил, поддержал и основал эту концепцию в «Двух тактиках социал-демократии в демократической революции» (1905) и особенно в «Аграрной программе социал-демократии в первой русской революции 1905-07». Здесь происходит разрыв в позиции Ленина с его ранними работами (Бордига не придавал большого значения этому частному моменту и обходил его стороной; с одной стороны его не интересовало «Развитие капитализма в России», с другой он особенно концентрировал своё внимание на преемственности между «Двумя тактиками...» и «Апрельскими тезисами», что было правильно, но недостаточно). Ленин признал, что переоценил степень развития капитализма в сельском хозяйстве, но, в то же время, перед Россией всё ещё оставалась одна дорога: дорога к буржуазному развитию. Однако, для него требовалась была аграрная революция:

" Только крестьянская революция могла бы быстро заменить Россию деревянную Россией железной ". (В.И. Ленин, ПСС, т. 16, стр. 423)

Ленин признавал за крестьянами их собственную революционную роль и не считал их просто массой для манипуляций. Отсюда лозунг о революционной диктатуре пролетариата и крестьянства принял новое направление: утверждение двух основных классов для революционной России. Отталкиваясь от этого факта, Ленин, посвятивший большое количество работ аграрному вопросу, тщательно отслеживал формирование социальных отношений в сельском хозяйстве и, таким образом, реально вернулся к Марксу (этот вопрос был определяющим для России, как национальный вопрос для Германии). Так произошёл разрыв в оценке роли крестьянства после революции 1905-го. С тех пор оно сильно поляризовалось, со всех сторон, в отношении вопроса организации. Идеологические дебаты происходили по отношению к этому вопросу, который был лишь следствием принятия позиций по фундаментальным идеям революции. Так, после 1905-го, легальные марксисты явно соскользнули в клику тех, кто не только мечтал о капитализме, как сказал Маркс, но и посвящали всю свою деятельность буржуазной революции западного типа. С другой стороны, Ленин понимал (возможно, полностью) значимость крестьянского феномена в России, в то время как Троцкий рассматривал крестьян, как войска для революции и не понимал (или понял лишь в 1917-м, как говорил Бордига), что

---

¹⁵ Революция 1905-го оживила народническое движение. Доказательством этого стало формирование Союза эсеров-максималистов в 1906-м, который отверг программу-минимум социалистической партии и требовал 'рабочей республики' и организации общества на основе общности, вдохновлённой общиной. (Ср. Anweiler «The Soviets: the Russian Workers', Peasants' and Soldiers' Councils 1905-21» (New York, 1974) стр. 94-5) Насчёт Коммуны 1871-го и восхищения ей русскими революционерами и влияния, оказанного ей на них, см. A. Lehning «Anarchisme et Marxisme dans la revolution Russe».

речь шла о том, чтобы совершить в русской революции буржуазную революцию в пролетарской манере, даже если пролетариат стал лидирующей силой (это было теоретически верно с момента, когда возможность скачка через КСП казалась уничтоженной).

" Наша задача одна: спланировать пролетариат для социалистической революции, поддерживать всякую борьбу со старым порядком в возможно более решительной форме, отстаивать наилучшие возможные условия для пролетариата в развивающемся буржуазном обществе ". (там же, стр.447)

С момента признания распада общины и даже его необходимости (как хотел Ленин), был поднят вопрос о том, как должны развиваться производительные силы: как будет развиваться капитал на этой необъятной территории. Вопрос стоял не о том, как перескочить капитализм, но как развить его. Второй том «Капитала» должен был стать ориентиром, и полемика шла о том, как мог в России быть сформирован внутренний рынок и не придётся ли капиталу обращаться к внешним рынкам для реализации прибавочной стоимости. Струве, Туган-Барановский, Ленин, а также Роза Люксембург, среди прочих, приняли участие в этой полемике. Маркса толковали в буквальной и непосредственной манере. Третий отдел второго тома «Капитала», ни в коем случае не подразумевал, что капитализм может развиваться всегда или что он должен был развиваться в соответствии со схемами простого и расширенного воспроизводства (не подразумевал он и обратного). Маркс изучал условия воспроизводства капитала и возможности кризиса и показывал трудности, с которыми сталкивается капитал в осуществлении своего процесса: например, неравновесие между двумя секторами, перепроизводство постоянного капитала, сверхбыстрое сужение или экспансию в периоде оборота. Он также изучал фундаментальные условия для преодоления этих трудностей: создание кредитной системы. II том является демонстрацией необходимости этой системы (которую Хильфердинг осознал в «Финансовом капитале», но не знал как вывести её последствия). Маркс изучал возможности развития капитала, но только в III томе он подошёл к конкретным, т.е. действующим формам. Здесь он также подошёл к порогу разрешения проблемы способа, которым капитал может поглощать свои противоречия и достичь вечности: в форме фиктивного капитала. Такое развитие могло произойти только при повсеместном распространении кредитного капитала во всех его формах.

Это изучение воспроизводства капитала также указывает, на какой точке развитие русской социал-демократии было связано с развитием западной: на какой точке русские дали новый импульс теоретическим дебатам во Втором Интернационале, хотя их позиция и утратила глубину в сравнении с народниками, с которыми Маркс соглашался, после того, как они оставили перспективу скачка.

Работа Маркса претерпела существенные изменения с тех пор. Её впили в рамки теории развития и роста, систематизированной под названием «марксизм». Всё архаичное и азиатское должно было быть уничтожено в одной огромной империи (учитывая воздействие революционного потока на периферийные страны, он принял глобальное значение), а капиталистической форме следовало дать возможность процветать, и «Капитал» Маркса использовали для объяснения этих процессов. Теперь позиции народников считались пережитками прошлого, становившимися всё более реакционными с каждым днём. Их непримиримые антидеспотичные и антицаристские позиции замалчивались. Так была подготовлена почва для примирения интеллигенции с капиталом, который раньше было принято считать преисподней. Троцкий писал в статье, посвящённой 25-летию «Neue Zeit» (1908) что марксистская доктрина послужила делу примирения русской интеллигенции с капиталистическим развитием. Вот почему

Грамши, который осознавал лишь часть феномена: его пришествие, и который возможно не знал позиций Маркса по России, написал в 1917-м, что русская революция одержала триумф вопреки «Капиталу» К.Маркса. Он был неправ, но он сказал правду.

Марксизм, как теория роста, созданная легальным марксизмом (и, в какой-то мере, легальным народничеством), принятая тогда меньшевиками, был принят также и большевиками. Он получил мощное развитие в полемике между Бухариным и Преображенским о социалистическом накоплении, потом укрепил свои доминирующие позиции после дебатов об экономическом росте в таких государствах, как Китай, Индия, Куба и Алжир после революций в этих странах или обретения независимости, в такой степени, что добился господства на фабриках и в университетах. Фактически, достаточно обратиться к утверждениям Троцкого, например, в «Преданной революции»¹⁶, но также присущим Ленину: социализм позволит производству расти и покажет своё превосходство над капитализмом. Доходило вплоть до того, что сам рост производительных сил считали социализмом: сталинизм, хрущевизм, троцкизм. Так, можно убедиться, что теория о коммунизме, соревнующемся с капитализмом, которая присутствовала у Ленина в виде почки, расцвела у Троцкого. Именно ирония соревнования позволила Ростову вывести теорию роста, теологию развития, когда он хотел написать анти-манифест («Этапы экономического роста»). Комическое совпадение!

Эта теория роста, исторический материализм, не была исключительно русским продуктом. В Италии её защищал Антонио Лабриола в «Материалистической концепции истории». Он постулировал первичное значение экономических фактов, материальных фактов вообще, научное видение, объединённое с прославлением пролетариата и экзальтацией его диктатуры. В целом, в начале века лучше всего была выражена идеология пролетариата, который должен был стать правящим классом. Пролетариат должен был управлять мировым экономическим процессом, но через экономические организации. Сорель замечательно объяснил это в «Материале к теории пролетариата», и особенно в «Упадке античного мира»:

"Пролетариат не желает вновь идти под любое ярмо, он презирает сухие теории буржуазной революционной логики, он выстраивает свой собственный организм и восстаёт против старой классовой организации. Именно потому, что он один создал всё, своим трудом, он может попытаться рассеять силы государства, передав профсоюзам всю общественную администрацию".

"Социализм возвращается к античной мысли; но воин города стал рабочим крупной промышленности, оружие сменилось станками. Социализм – это философия производителей: таково учение Евангелия для нищих".

Сегодня прославляют не экономические организации, а производственный аппарат. Самые современные социалисты – самые рациональные в выражении интеграции рабочего класса, интериоризации господства капитала, как это показывает Серж Мале в своей статье «Исчезнет ли рабочий класс»?

---

¹⁶ "Нам не о чем больше спорить с буржуазными экономистами. Социализм продемонстрировал своё право на победу, не на страницах «Капитала», но в промышленной сфере на одной шестой поверхности Земли – не на языке диалектики, но на языке стали, цемента и электричества". (1937, стр. 8). Эта фраза ясно показывает, что для Троцкого не существовало разницы между капитализмом и социализмом.

«Если под 'революционным' сознанием, в классическом смысле слова, подразумевать волю к захвату политической власти любыми средствами и любой ценой, чтобы лишь позже организовать общество в новой манере, неоспоримым фактом является то, что новый рабочий класс более не является революционным. Он не является революционным в данных условиях, потому что ставит предварительное условие для преобразования существующих структур. Этого не следует делать ценой разрушения производственного аппарата, или даже его серьёзного уменьшения – 'Машина слишком дорога, чтобы разбивать её'».

Каутский думал то же самое в 1919-м: не надо играть с деньгами! Теперь, после мая 1968-го, чем является революция для многих? В своём предисловии к Сорелю, Берт переплюнул его, заключив:

"Город может быть перестроен на основе труда, играющего роль, которую в героическом городе прошлого играла война. Герой античности, средневековые святые и современный гражданин должны быть преодолены в социальном работнике".

Сорель даже предложил этику, почерпнутую им у Маркса:

"Я уже говорил, что для того, чтобы критически анализировать наше сознание, мы должны восстановить статус машин. К. Маркс, который так хорошо понимал значение промышленного оборудования, не мог не искать основной принцип этики в человеческом феномене, развившемся вокруг машины".

Здесь мы очень отделились от выраженного Марксом требования упразднения пролетариата! Революционное движение в начале века стремилось к превращению развивавшегося пролетариата в правящий класс на основе экономических организаций, что в то же время подразумевает невозможность диктатуры пролетариата как длительного пост-революционного периода.

Карл Корш, в «Марксизме и философии», задавал вопрос, не был ли марксизм, как продукт революции неадекватным для контрреволюционного периода и критиковал Каутского, заявлявшего, что тексты вроде «Обращения» 1864 года и 'Введения' к Классовой борьбе во Франции (1895) позволяли «расширить» его до «теории, ценной не только для революционных, но также для неревolutionных периодов». В противовес ему он утверждал:

«'Марксизм', формально принятый рабочим движением, был с самого начала не настоящей «теорией», смысле некоего общего выражения мысли, он стал ни чем иным, как выражением 'реального исторического движения' (К.Маркс)»,

и:

«...последующий практический прогресс пролетариата остался позади, так сказать, своей собственной теории...»

Это 'несовпадение' очень ясно проявилось в Социал-демократической партии Германии. Эти замечания очень интересны в отношении России. С конца последнего века, вслед за поражением «Земли и Воли» и «Народной воли» и снижением количества крестьянских бунтов, при определённом росте рабочего движения, старая перспектива скачка через КСП казалась абсолютно невозможной. Как мог действовать пролетариат, как он мог присоединиться к революционному движению в России и Европе? Здесь мы должны

добавить к анализу Корша концепцию представительства и сказать, что, благодаря Марксу, пролетариат мог получить конкретное представительство в общем производственном процессе. В марксизме он обрёл самовосхваление и оправдание для своих посреднических действий. Иными словами, теория, выражающая движение рабочего класса во время его атаки на капитал, превратилась в идеологию. Работа Маркса стала марксизмом после уничтожения народнических течений. Это также полностью касается Запада. Контрреволюционный период и развитие КСП (при отсутствии катастрофического кризиса) ставит под вопрос ценность действий пролетариата и его интегрированность в КСП. Как пролетариат может представлять своё развитие внутри общества и одновременно (в начале, до своей интеграции в общество) продолжать бороться за свою конечную цель? На деле, пролетариат быстро растворился в посредническом движении, которое должно было помочь ему прийти к коммунизму: в развитии производительных сил, а, следовательно, капитала. Комментарий Плеханова в его эссе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» весьма ясно объясняет одновременные преобразования в России и на Западе и их взаимодействие:

«Здесь мне на ум приходит деятельность социал-демократов. Они сделали вклад в прогресс капитализма, подавляющего устаревшие производительные формы, такие как сельское хозяйство. Бебель очень хорошо резюмировал отношение западной социал-демократии к капитализму на съезде в Бреслау в 1895 г. 'Я всегда задаюсь вопросом, в отношении любых мер, не вредят ли они прогрессу капитализма. Если да, то я против них'».

Коммунизм как движение и теория требовал уничтожения пролетариата. Теперь, в контрреволюционный период, пролетариат пришёл к численному и организационному росту и смог сопротивляться. Однако это не обязательно было дурным знаком и могло, на определённый период, позволить ожидать и даже ускорять движение возвращения к революции, до такой степени, что окончательная цель максимальной программы не была уже скрытой. Но это явно стало основой начала оправдания интеграции пролетариата в капиталистическое общество. Такая интеграция была возможной только в период формального господства капитала над обществом, в то время как пролетариат был всё ещё поглощён производительным процессом, он всё ещё имел отдушину в свободном времени после работы.

Теория – это движение. От движения отделяется идеология, которая становится самостоятельной и обладает собственным движением в сфере представительства. Вслед за своим отделением от бытия (пролетариат), она становится вещью (овеществление теории), которую можно передавать. Импорт марксизма в пролетариат стал ответом Ленину в «Что делать?»

Ещё одним компонентом идеологизирования является приятие науки, позитивизм и импорт классического буржуазного материализма, который оказал значительное влияние на Ленина, как это продемонстрировал Корш. Но Запад также не обошла эта болезнь, и произошло взаимное заражение. Каутский в «Этике и материалистическом понимании истории» (1906) превратил марксизм в социал-дарвинизм. Также критика Ленина, например, Паннекуком, развивала явно неопозитивистскую, а не коммунистическую позицию, последовательно соответствующую Марксу. Следует отметить важную роль, которую Маркс придавал науке, как идеологии, а не как производительной силе. Позитивизм особенно очевиден в т.н. развивающихся странах. Бразилия была буквально одержима им в начале века. Культ науки и прогресса смог заменить собой старые религиозные концепции, которые были настоящим тормозом для развития капитализма.

Культ науки, с сопутствующей ему иллюзией, что над ней и над техникой можно доминировать (ср. то, что Ленин написал о тейлоризме, и то, что Бордига, защищая Ленина, позволил правящей идеологии поглотить себя), в конечном итоге кульминировался в культе рациональности, претендуя на дисциплинирование производительных сил и господство над природой – все корреляты идеологии роста. Одно из первых проявлений науки манипулирования людьми произошло в России в то же время: теория Павлова об условных или приобретённых рефлексах (не случайно она появилась именно в СССР). Эта наука сильно разрослась, как это показывает Солженицын в «Первом круге», через различные психиатрические места заключения, постоянно использовавшие её. Ещё один аспект утопии капитала, описанный Замятинским в 1920-м, имел тенденцию к реализации в СССР: дрессировка людей, для того чтобы удалить из них воображение. Оно становится собственностью капитала, организующей людей. Следует отметить, что «Мы» стала точкой отсчёта научной фантастики этого типа, описывающей рациональный деспотизм обществ, реализующих утопию капитала. Почти тридцать лет спустя, «1984» Оруэлла, рождённый вслед за очередным социальным поражением, эхом отобразил это будущее несчастье.

Стремительное развитие позитивизма и материализма, как составляющих частей капитализма, привело к оживлению религии. В России всегда были религиозные секты, противостоявшие автократической власти. Народники объединялись с раскольниками несколько раз для того, чтобы усилить свою борьбу против царизма. В настоящий момент религия является проявлением человеческого противостояния против капитала, потому что Бог является продуктом человека. Благодаря ему человек всё ещё может спасти своё бытие от зловещей хватки капитала. Религия в России и народных демократических республиках сохранила свою старую роль в борьбе против привитого капитала. То же самое касается Латинской Америки, в то время как в Европе и США значением обладает именно второй аспект. Бог, который хочет всё большего и большего обладает лицом Фейербаха.

И всё же этого недостаточно для суждения о социальных преобразованиях в России начала века. Для того чтобы обозначить мутацию, реальную или нет, мы должны вернуться к периодизации КСП, как мы это уже делали. Маркс различал формальное господство (или формальное подчинение труда капиталу) и реальное господство (или реальное подчинение труда капиталу) в непосредственном производственном процессе в «Капитале» т. I, 6 раздел, 14 глава, и особенно в VI неопубликованной главе «Капитала». Огромное различие между ними заключается в том факте, что в первом происходит производство абсолютной прибавочной стоимости, в то время как во втором происходит производство относительной прибавочной стоимости. Производство последней требует капитала для того, чтобы модифицировать старый рабочий процесс; вместо простого господства над ним, капитал должен заставлять его действовать в соответствии со своей собственной рациональной логикой. Рабочий процесс преобразуется в рабочий процесс капитала, в процесс капиталистического производства.

Это важно в отношении допотопных форм капитала, таких как капитал торговцев или ростовщиков. Маркс говорит о последнем:

"Но он не вмешивается в сам процесс производства, осуществляющийся в традиционной манере, как он это делал всегда".

Капитал не может стать самостоятельным. Он всегда зависит от милости политической власти или человеческого бунта. Маркс добавляет:

"Частично он процветает на увядании этого процесса производства, частично он является средством заставить его увядать, заставить его восполнить растительное существование в самых неблагоприятных условиях. Но здесь мы ещё не достигаем стадии формального подчинения труда капиталу".

Точно также, даже если труд подчинён капиталу в некоторых областях, его господство можно поставить под вопрос. В любом случае, в России кулак чаще всего фигурировал (его так описывали) как ростовщик, а не как капиталистический фермер. Кулак жил внутри общины и эксплуатировал её беднейшие элементы для своей выгоды. Он использовал деньги, но это был ещё не капитал, это была в лучшем случае третья форма денег, деньги как деньги, форма перехода к капиталу. Энгельс указывал на социальную форму кулака в своём письме к Даниэльсону:

"...кулаки также, насколько я знаю, в целом предпочитают сохранять крестьян в своих лапах как *objet à exploitation* (предмет эксплуатации, прим. пер.), чем уничтожить их раз и навсегда и захватывать их землю. Вот, что поражает меня, русский крестьянин, не будучи востребованным в качестве рабочего для фабрики или города, всё равно еле выживает, проходит через большое количество убийственных процессов..."

Здесь Энгельс оказался пророком. Но Ленин слишком быстро уподобил кулака американскому фермеру, что позволило ему вывести теорию о двух видах эволюции для русского сельского хозяйства: прусском и американском (ср. «Аграрную программу социал-демократии»). Это капиталистическое толкование применялось также к нэпманам, которых считали настоящими капиталистами. Эти аналитические ошибки висели тяжёлым весом на развитии русской революции и советского крестьянства, превратившись в насилие и сельский террор. Знаменитая борьба с кулаком была попыткой ввести капиталистическое развитие силой, удалив препятствие ростовщичества (ср. Капитал т. III). Но это привело, как это видно из работы Бордиги, к реконструкции «мира»: сельского «мира», каким он был до революции, в которой растворился.

Иными словами, озабоченность Маркса и многих народников возможностью реального развития капитала в России была полностью оправдана. Аграрная структура в сочетании со специфическими географическими условиями стала препятствием для капитала.

Даже в том случае, когда капитал доминирует над производительным процессом (надо отметить, что в 1917-м многие петроградские рабочие поддерживали важные связи с деревней и что значит т.о. что они не были полностью пролетаризированы), его существование не гарантировано на социальном уровне. Его развитие уже обусловлено преобразованием старого процесса обращения капитала, объединявшего его с непосредственным производительным процессом, формируя глобальный производительный процесс капитала. Вот почему мы расширили концепции Маркса и подняли вопрос о формальном и реальном господстве капитала над обществом. Реальное господство достигается, когда преобразуются социальные предпосылки, когда их вводит сам капитал. Это происходит, когда капитал становится материальной общностью и завершает процесс антропоморфоза, навязывая себя в качестве фиктивной общности. Это не подразумевает, что осуществляется тотальное и абсолютное господство над людьми, означающее конец любой возможности бороться для людей.

Вот почему нам представляется совершенно неверным, когда говорят, что в России до 1917-го доминировал капиталистический способ производства. Когда говорят это, тогда надо также утверждать, что революция должна была быть коммунистической, потому что она реализовала бы коммунизм напрямую. Так победа большевиков полностью

необъяснима для тех, кто защищает тезис о буржуазной революции, осуществлённой в пролетарской манере (избыточный рост, зависящий от Запада).

Ответ лежит в простом и чистом сокрытии сути действий большевиков и крестьянской проблемы. Иногда говорят, что КСП был в начале и в конце. Революции не было, вместо неё произошёл переворот, поддержанный в числе прочих большевиками. Их управленческие взгляды позволяли им поддерживать КСП. Однако логике здесь не отдаётся должное, потому что тогда следовало бы объявить большевиков реакционерами с самого начала и заявить, что революционное движение было возможно и необходимо. Но, нелогичным образом, некоторые признают, что демократические задачи были реализованы, когда КСП уже господствовал!

Если считать, что русская революция была буржуазной (и продолжать считать КСП доминирующим), надо немедленно пояснять, что именно политическая революция дала России государство, наиболее соответствующее современной экономической структуре. Это единственный способ избежать противоречия:

"Политическая душа революции, с другой стороны, состоит в тенденции классов, не обладающих политическим влиянием упразднить свою изолированность от государства и власти. Она обладает государственной точкой зрения на абстрактное целое, существующее только через отделённость от реальной жизни и невысказанное без организованного противоречия между универсальной идеей о человеке и универсальным существованием человека. Отсюда, также, революция с политической душой, в соответствии с ограниченной и дихотомической природой этой души, организует правящий слой в обществе за счёт самого общества" (К.Маркс, Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», М: ПСС, т.1, стр. 447, 1955).

Утверждение о необходимости революции, которая была бы только политической, позволило Троцкому придерживаться своей теории о перманентной революции. Поскольку если в России сохранялось нечто революционное и социалистическое, оставалось лишь завершить работу: отсюда перманентность революции. Но поддержка политической революции в СССР является поддержкой перманентности доминирующей сферы за счёт общества. Это вполне сочетается с блужданиями Троцкого, потому что подразумевает понимание общества на пути к коммунизму как буржуазного общества.

Фактически существовало формальное господство производительного процесса на уровне всего общества. Капитал ни в коем случае не упразднил старые предпосылки, в первую очередь, в сельском хозяйстве. Теперь мы можем говорить, что капитал не достиг реального господства в России, потому что ему пришлось добиваться господства в сельском хозяйстве, что подтверждает прогноз Маркса о том, что России неизбежно пришлось бы перейти от экспорта к импорту зерна после реформы 1861-го и что ей пришлось бы проходить через периодические кризисы¹⁷. Ясно, что давление американской конкуренции (латиноамериканские страны, но особенно США) сыграло свою роль в замораживании российского сельского хозяйства¹⁸.

---

¹⁷ Здесь мы не можем останавливаться на этом вопросе. Мы можем отметить, что Энгельс предвидел в прошлом веке, что мировая война закончится разрушением Европы и господством сельского хозяйства США.

¹⁸ Этот вопрос мы рассмотрели в статье «Российский сельскохозяйственный кризис обладает социальным происхождением» в il programma comunista № 18, 1965.

Точно так же, когда Бордига определял Россию, как государство колхозных крестьян и мирового капитала, это объясняло продолжительную хрупкость КСП в СССР. Можно сказать, что колхозники сыграли роль ростовщиков в другой форме!

Это не исчерпывает нашего анализа судьбы российской общины. Оставалась ли она или не оставалась живой после 1917-го? Это сильно влияет на нашу оценку позиций большевиков. Сделаем небольшой крюк в нашем ответе, чтобы напомнить, что во всех революционных процессах присутствует два важных феномена, противоположных друг другу в определённой мере: феномен избыточного роста, к которому мы вернёмся, и повторное проявление противоречий, потрясений и конфликтов, забытых оттого, что их считали разрешёнными. Как показал Маркс, развитие меновой стоимости не разрешает, а интегрирует противоречия. Капитал продолжает функционировать схожим образом. Так, вслед за кризисом, нарушением равновесия или разрушением правящей системы, все противоречия могут возвращаться, просто в интегрированной манере. Вполне возможно, что старые человеческие типы поведения вернуться, особенно там, где приручение капиталом не приобрело исторического измерения. Это означает, что даже если статистика указывает на исчезновение общины в 1917-м, это не уменьшает проблему её оживления из-за самого революционного взрыва.

Ленин частично понимал это в 1918-м и 1919-м (ср. Восьмой съезд российской коммунистической партии). Он настаивал на возвращении старых форм. Однако он анализировал феномен лишь с точки зрения развития капитала, а не общины (притом, что это не взаимоисключающие понятия). Разве не могла последняя ожить, когда огромный царский аппарат (который препятствовал всему развитию общин) был покалечен из-за ликвидации царя, а затем полностью разрушен началом борьбы на селе? Русские утратили свою старую общность после 1861-го, это было подтверждено многими писателями, но она не сменилась стабильной формой организации, и капитал развился лишь формально в некоторых регионах.

То, что эти общины могли ожить наиболее интересно для понимания того, как русская революция могла продолжиться и вынесения полного суждения о ней. Центральная царская власть, как мы это видели, была привита мелким общинам. Когда она исчезла, общность мирового пролетариата (диктатура пролетариата) смогла бы помочь коммунизму утвердиться гармоничным, т.е. ненасильственным путём, по сравнению с нынешними попытками в СССР. Оживление общин – это не просто гипотеза. Энгельс писал следующее о Польше:

"В Польше, в частности, в Гродненской губернии, где аристократия была большей частью уничтожена в бунтах 1865-го, крестьяне теперь часто покупают или снимают в аренду земли у аристократов и обрабатывают их, не разделяя на части, за свой коллективный счёт. Причём у этих крестьян не было векового коммунального земледелия, это не великороссы, а поляки, литовцы и белорусы".

В общем, можно сказать, что поскольку капиталу не удаётся преобразовать человека и породить новый вид, существуют некие человеческие инварианты, которые очевидно остаются скрытыми, особенно с учетом того, что господство капитала старше. Более того, эти инварианты подвержены географическим влияниям, так, существует инвариантная тенденция возвращения к общине, которая сильнее и жизнеспособнее в зонах, в которых преобладающие условия затрудняют автономизацию индивида. Вот почему мужчины и женщины могут предпринять реконкисту и начать сами творить свою жизнь на мировом уровне, с того момента, когда материальная и фиктивная общность капитала будет

уничтожена. Тенденция к формированию общечеловеческой коммуны наверняка будет очень сильной в СССР именно из-за того, что мы говорили об истории этой страны.

Стойкость и даже оживление аграрной общины в России отмечались специалистом по славянским вопросам, П. Паскалем:

"Община не умерла после революции".

Он пишет, что она всё ещё была живой в 1966-м.

Ясно, что нельзя делать основательные выводы из нескольких замечаний автора в его книге. Однако существуют прямые и косвенные свидетельства, доказывающие факты оживления общины. Волин приводит их в «Неизвестной революции», но это просто аллюзии, на основе которых нельзя ничего выстроить.

Свидетельство Троцкого особенно интересно из-за его чисто марксистской позиции. Он пишет в «Истории русской революции»:

"Одновременно начинается движение общинников против отрубников, т. е. крепких крестьян, выделившихся на самостоятельные участки на основании столыпинского закона 9 ноября 1906 года".

Это ясно свидетельствует о желании крестьян возродить общину, о котором Троцкий ничего не говорит: он удивлён тем, что бедные крестьяне искали кулаков, чтобы те шли вместе с ними грабить поместья дворян. Кулаки всё ещё были частью общины. Её власть впечатляла его.

"В Курской губернии начались преследования отрубников, отказывавшихся вернуться в общину. Перед великим земельным переворотом, перед черным переделом, крестьянство хочет выступать как одно целое. Внутренние перегородки могут стать помехой. Мир должен выступать как один человек. Борьба за помещичью землю сопровождается поэтому насилиями над хуторянами, т. е. земельными индивидуалистами".

Реформа Столыпина была важной только для того, чтобы КСП внедрился в сельское хозяйство через государственное вмешательство вместо того, чтобы позволять действовать механизмам стихийной экономики. Текст Троцкого показывает волю общины к восстановлению своей целостности и своего самоопределения в целостности. Объяснение Троцкого абсолютно поверхностно, это попытка оправдать его чисто классовую теорию. Бордига поддержал Ленина в «России и революции в марксистской теории», сказав, что аграрная коммуна была полностью уничтожена до 1917-го, но в «Социально-экономической структуре России сегодня» он написал:

"Самой смелой реформе Столыпина 1906-го не удалось даже установить режим частных наделов на всей сельскохозяйственной земле (...) Но, считается, что только четверть коллективной формы управления была ликвидирована накануне мировой войны".

Это довольно близко к тому, что написал историк Кармайкл.

Это замечание Бордига также объясняет, почему Ленин всегда говорил о начале классовой борьбы на селе (тема, поднятая Сталиным в 1923-м), для того, чтобы с одной стороны поднять производительные силы, с другой, уничтожить власть кулаков. Когда Ленин написал:

"Для того, чтобы расколоть крестьянство и некулацкие элементы привлечь на свою сторону, потребуется много времени" (там же, т.40) не означало ли это, что община сохранялась, несмотря на то, что статистика не показывала этого? Позже он впервые отметил, что с крестьянами существовал альянс на экономическом уровне в 1921-м. Эволюция Ленина в отношении крестьянства выказывает себя в формуле "демократическая диктатура пролетариата и крестьянства", которая стала "демократической диктатурой пролетариата и бедного крестьянства", затем "диктатурой пролетариата... при поддержке бедного крестьянства или полупролетариев".

Это не решающий фактор, но его достаточно для того, чтобы предпринять новый анализ этого вопроса. Это также следует сделать со знаменитой мерой эсеровской программы, которую они не смогли применить и которую реализовали напрямую крестьяне с согласия и даже с помощью большевиков; земля - крестьянам. Таково было требование крестьян к царю, освободившему их от крепостничества, но наложившего на них выплату выкупов. Крестьяне считали, что земля принадлежит им, как вспоминал Плеханов:

«Мы принадлежим вам, а земля принадлежит нам», говорили крестьяне помещикам».

Нельзя с точностью утверждать, что это доказывает мелкобуржуазный характер крестьян: их собственнический инстинкт. Царь ушёл, они вернули себе своё. Понятно, что многое за это время изменилось. Аристократам и буржуазии удалось монополизировать землю, создав множество второстепенных антагонизмов. Но в основном произошло то же, что и с Коммуной:

"Коммуна — это обратное поглощение государственной власти обществом, когда на место сил, подчиняющих и порабащивающих общество, становятся его собственные живые силы...".

Рабочие вновь ввели республику, отнятую у них Второй Империей. Русские крестьяне вернули себе землю и свою общность, отнятые у них царизмом. Это могло стать началом реформирования общин на более высоком уровне, при условии, что крестьян поддерживало бы новое государство, которое должно было устранить элементы, пагубные для развития общин, как Маркс писал в своих черновиках писем к Засулич. Победа марксизма стала препятствием для реализации этого решения. Государство считалось создателем организационных форм (и действовало как таковое, ср. создание комитетов крестьянской бедноты в 1918-м), а не живительной координационной силой для связей различных общин между собой и с городами. Это стало выражением не органического централизма, а деспотического централизма.

Наконец, вполне возможно, что коммунитарный феномен не проявлялся с одинаковой интенсивностью (документы не проясняют этого обстоятельно), но существовали регионы, где это происходило, без малейшей степени сомнения – на Украине.

Махновщина была бы невозможна без сопротивления крестьян на их общинной основе, и Троцкий не отрицает данных, приводимых Аршиновым. Троцкий лишь негативно подтверждает основные характеристики, описанные выше в своей полемике (Военные записи). Движение обвиняется в анархизме, и в нем, конечно, участвовали анархисты (только они защищали его и аплодировали ему), но это было лишь частью истины, потому что означало бы забвение того факта, что всё народническое движение, как выражение общины, было анти-государственническим. Но мы видели, что русский марксизм утратил своё народническое измерение в своём желании способствовать развитию капитала. Позиция Маркса в черновике письма к Засулич не была таковой:

" Ныне этот недостаток (изолированность общин, благоприятная для прививания деспотизма - ред.) весьма легко устраним. Следовало бы просто заменить волость [Это слово написано Марксом по-русски. ред.], учреждение правительственное, собранием выборных от крестьянских общин, которое служило бы экономическим административным органом, защищающим их интересы".

Именно это пытались реализовать украинцы, как объясняет Аршинов в своей книге «Махновское движение».

Ещё один случай, который гораздо труднее анализировать – это Кронштадт и намного менее известное восстание в Тамбовской губернии. Так, заняв позицию по народникам и из-за своего непонимания позиций Маркса по России, большевики не могли понять сам феномен, или принять его; более того марксизм на мировом уровне видел в капитализме прогрессивный элемент и защищал его. В то же время, даже противостоя капитализму, марксисты всё равно превозносили его роль, всё по той же причине: из-за развития производительных сил. Фактически, именно пролетарский класс как целое не смог найти окончательного решения по русскому вопросу.

Мы хотели бы отметить последнее крупное историческое движение, более или менее выказавшее черты коммунитарности в своём поведении: насильственную коллективизацию 1929-го, которую Дойчер считал второй революцией "даже более радикальной, чем первая". (Staline, изд-во Gallimard, Livres de poche, стр. 362) Если Дойчер и обличал насильственный характер коллективизации, он в то же время отмечал энтузиазм этого движения вначале:

"Начало коллективизации стало бесспорным успехом". (там же)

что также отмечал Бруэ:

"Коллективизация действовала гораздо менее схематично и фактически в менее прямолинейной манере. Она пробуждала бесспорный энтузиазм среди беднейших слоёв крестьянства, которые были тогда призваны к вековой борьбе за землю, в новой форме, против тех, кого считали эксплуататорами (кулаки - ред.). В этом смысле можно было говорить о самом настоящем крестьянском 'Октябре'". (« Le parti bolchevik », изд-во Minuit, стр. 316)

Следует отметить, однако, что борьба бедных крестьян против кулаков вскоре превратилась в борьбу против государства. Следует также отметить, что зачастую целые деревни были связаны с кулаками. Непоследовательность мужиков происходила из более глубоких причин, это могла быть защита собственных общин.

Комитеты крестьянской бедноты, основанные в 1918-м, были неудачным начинанием. Крестьяне откликнулись с апатией (без желания сотрудничать на экономическом уровне) на разрушение их старых общинных отношений. Вот почему они могли обманываться насчёт природы коллективизации вначале, и взбунтоваться против неё позже. Но после того, как Сталин сбросил балласт, и колхозы относительно стабилизировались, он осознал опасность общинного возрождения:

"Он напугал партию, сказав, что колхозы могут стать даже опаснее для режима, чем частные фермы. В старину крестьянство было разобщено и тяжело на подъём: ему не хватало способности к политической организации. С начала коллективизации крестьяне организовались в компактные органы, которые могли поддерживать советы, но могли

также обернуться против них с большей эффективностью, чем индивидуальные фермеры. Для того чтобы сохранить контроль партии над ними, были основаны сельские политотделы". (I. Deutscher, « Staline », стр. 406-407)

Сталин хотел бы превратить крестьян в наёмных работников, находящихся в прямой зависимости от государства, не больше и не меньше, и полностью уничтожить их старую общинную организацию. Они, и старое народническое движение, отказывались подчиниться этому, начиная с 1861-го. Поэтому Сталин мог разрешить эту трудность, всё больше превращая колхозников в ростовщических кулаков, распространяя тот же принцип не только на крестьянство, но и на городские слои рабочего класса¹⁹.

Однако, согласно некоторым авторам общинные достижения не полностью исчезли даже сегодня, согласно некоторым авторам. Как мы уже отмечали, это говорил П. Паскаль, и Б.Г. Керблей пишет об этом в своей статье «Перемены в советском сельском хозяйстве»:

"Недавние дебаты показывают коммунальную и семейную традицию, которая, в некоторых случаях, явно выступает против потока решений по модернизации аграрной структуры". (Problèmes économiques, № 1162, 1970)²⁰.

Избавимся сразу от возможного недопонимания. Мы абсолютно не хотим сказать, что КСП не мог или не может укорениться в России. Вопрос сложнее. Мы хотим показать, что КСП не может развиваться в определённых регионах, на различных стадиях истории. Так, в Германии, капитализм в своей первобытной, меркантильной, коммерческой форме

---

¹⁹ Сталин всегда использовал идеи своих оппонентов при отступлении. Так он обратился к старой панславистской и народнической сущности русских для того, чтобы победила его теория о социализме в одной стране. Фактически, строительство социализма в одиночку, без помощи Запада, требовало превозношения России (как в панславизме) и утверждения, что у России был особый путь (народничество).

²⁰ Историк Э.Г. Карр даёт схожую противоречивую информацию. Фактически он написал, что перераспределение земли началось после октябрьской революции и оказало воздействие на всю Советскую республику в 1920-м. Он приводит статистику размеров землевладений, показывающую, что владения до 4 десятины выросли от 58% в 1917-м до 72,1% в 1919-м и 86% в 1920-м, что указывает на фрагментацию французского типа (ср. Большевицкая революция т. 2 (Harmondsworth, 1966) стр. 171). Однако Карр говорит, что напротив "На систему коммунального землевладения с периодическим перераспределением не повлияла реформа..." (там же стр. 53). (Здесь это вопрос социализации земли, закон принятый под влиянием левых эсеров).

"мир, с его периодическим перераспределением земли среди своих членов и индивидуальными крестьянскими владениями, продолжал существовать бок о бок без официальных различий между ними". (там же стр. 287).

Карр отмечает, что мир противостоял уходу из него любого члена. Он также отмечает, что основной закон по использованию земли от мая 1922-го признаёт существование артели, коммуны и мира, а также отдельных владений в формах отруба и хутора (там же стр. 288).

Много фактов можно найти также в «Социализме в одной стране» т. 1 (Harmondsworth, 1970) стр. 205-352.

Панальт Истрати делает следующее замечание по аграрной путанице:

"Даже для жителей русских городов деревня остаётся полной тайной; совершенно неожиданные развития событий иногда поражают самых внимательных наблюдателей; и это требует новых и новых исследований". La Russie nue », изд-во Rieder, 1929 г.

(свободная торговля на либеральной стадии) встречал очень большие препятствия. Казалось, что 'характеристики' немцев и природа страны были полным подтверждением принципов капитализма. Сам Маркс с иронией говорил о немецкой патриархальности и деревенской жизни немецкого филистера... Однако, когда капитал достиг определённого измерения, в форме постоянного капитала, а значит, нужны были наука и организация, немецкий 'характер' стал соответствовать капиталу. Мы знаем когда, в конце прошлого и начале нынешнего, рационализм пережил прогресс в этой стране и предвосхитил всё будущее движение капитала в 20-х, которое расцвело в США после Второй Мировой войны.

Плеханов часто использовал немецкий пример в борьбе против народников. Он цитировал всех авторов, кто утверждал до этого, что КСП не мог развиваться в Германии для того, чтобы поставить их в контраст с реальностью Германии его времени, и, делая это, он говорил народникам, что в России также ничто не препятствовало КСП.

Это правда, что анализ Плеханова недостаточен. КСП конечно мог развиваться в России с того момента, когда он утвердился на Западе в качестве материальной общности способной заменить царское государство (в Китае он сменил высшее, всепоглощающее единство). Именно это и произошло. Одновременно это помогло установлению реального господства капитала в самых развитых регионах. Сталинизм и нацизм нельзя сравнивать, но между ними было нечто общее. Нацистский тоталитаризм мог быть текучим и переходным, потому что реальный деспотизм капитала уже действовал там, тогда, как в России он только должен был только начать утверждаться. Поэтому можно задаться вопросом, не должен ли был капитал сначала утвердить своё господство для того, чтобы потом установиться в СССР. Не должен ли он достичь производства не просто нового типа человека, но нового вида, реализуя в плохом смысле магическую утопию, как у Замятина в романе «Мы»?

Некоторые ученые в США, как показал Маркузе, стремятся к вмешательству в наследственные феномены, для того чтобы совершить переворот в человеческой биологии и полностью адаптировать человека к капиталу (старая мечта капитала, ср. у Гэлбрейта!). Прогресс, достигнутый в США и других странах вместе с прогрессом, достигнутым адептами манипуляций человеком в СССР (где произошла эволюция от трудовых концлагерей к психиатрическим концлагерям), позволяет производить человека без земных потребностей; от зависимости от сельского хозяйства можно избавиться. Тем временем, производство деменции также является средством приручения человека. На Западе, капитал производит её своим собственным жизненным курсом, подчиняющим себе человека, в СССР, из-за отставания, всё ещё требуются заведения, специализирующиеся на безумии... Однако в тоже время очевидны и точки соприкосновения. Преступность и безумие являются основными современными характеристиками капитализма.

Принимая это во внимание, можно видеть, что дебаты 1906-го на Стокгольмской конференции о национализации земли и опасность, подразумеваемая их восстановлением, выказывает недостаток знаний о создании материальной общности капитала и отход от всех перспектив использования общинных аграрных структур во время перехода к коммунизму.

"... Плеханов, защищал Маслова и пытался уверить съезд, что ленинская национализация - эсеровщина и народовольчество ". (*Ленин В.И., Доклад об Объединительном съезде РСДРП*).

"Поскольку в московской Руси была (или: если в московской Руси была) национализация земли, постольку экономической основой ее был азиатский способ производства. Между тем, в России со второй половины XIX века укрепился, а в XX веке стал уже безусловно преобладающим капиталистический способ производства". (там же)

Но там никогда не было Азиатского способа производства, и, с другой стороны утверждение о полном доминировании КСП так же противоречит фактам. Почему же тогда, как мы отмечали, революция, которая должна была только установить диктатуру рабочих и крестьян, почему эта революция была по сути своей буржуазной, согласно самому Ленину?

Почему Ленин стремился к национализации? Для того чтобы перескочить через последовательные этапы, сделать возможным развитие самых передовых капиталистических форм. В этом контексте можно лишь согласиться с ним. Но, для достижения полной последовательности, ему пришлось отвергнуть все предпосылки аргументации Плеханова. Здесь у Плеханова обнаруживаются элементы старой народнической теории, например, в отношении значения государства.

" У нас дело сложилось так, что земля вместе с земледельцами была закреплена государством, и на основании этого закрепления развился русский деспотизм. Чтобы разбить деспотизм, необходимо устранить его экономическую основу. Поэтому я против национализации теперь ". (там же, т.16)

Другой социал-демократ сделал следующее замечание:

"Если бы революция... привела к попытке национализировать крестьянские наделные земли или национализировать конфискованные помещичьи земли, как предлагает т. Ленин, то такая мера повела бы к контрреволюционному движению не только на окраинах, но и в центре. Мы имели бы не одну Вандею, а всеобщее восстание крестьянства против попытки вмешательства государства в распоряжение *собственными* (курсив Джона) крестьянскими наделными землями, против попытки их национализировать". (там же)

Меньшевики приняли искусственное решение и чтобы доказать его эффективность против самодержавия, она приводили примеры автономистских движений армян, казаков и т.д. Аграрная община обладала всё ещё сильным присутствием в начале двадцатого века, в первую очередь в этом последнем случае. Реальным было решение Маркса и народников: дать землю общинам и преобразовать государство, чтобы оно стало их союзником. Отсюда государство уже не могло возвышаться над общиной как деспот, но становилось связью между городом и деревней (напр. для поставок сельскохозяйственного оборудования) и защитником против кулаков, с тем, чтобы вернуть их в общины, а не уничтожить их. Так должно было реализоваться государство-коммуна.

Подобная мера не означала передачу земли одному классу производителей, потому что как сказал Маркс в «Национализации земли», это не позволило бы нам продвинуться к коммунизму.

Земельная собственность может принадлежать только виду. Это означало бы оживление общин, вовлечение технического прогресса и избежание развития капитала. Это означало бы, вкратце, применение фундаментального пункта тогдашней коммунистической программы: упразднение разделения и противостояния между городом и деревней.

Капитал добился этого своим путём и к своей выгоде. Отношения между человеком и природой стоят иначе.

В отсутствие этой перспективы, Ленин мог дать лишь следующую гарантию против реставрации в России:

" Мы не в состоянии по своему желанию вызвать социалистический переворот на Западе, - эту единственную абсолютную гарантию от реставрации в России ". *(там же)*

Он был прав, но он сместил проблему. Он не видел, что опасность реставрации заключалась не в возвращении к иному виду производства (реставрация во Франции не восстановила феодализм, монархия была буржуазной, она должна была стоять во главе общества, становясь буржуазной сама, она могла лишь сдерживать движение), но в утверждении предыдущей формы политического господства, которую следовало подавить. Надо было понять развитие капитала, как материальной общности, достигнутой на Западе на основе обобществления производства и людей. Этого не могло произойти в России, потому что капитал был недостаточно развит для приручения человека, для навязывания ему жизни капитала, количественного времени, времени капитала. Здесь была реальная деспотическая власть, правившая всеми аспектами жизни, а отсюда реставрация деспотизма. Поэтому в том, что Сталина называют Красным Царём присутствует большая доля правды. Этот деспотизм мог быть не обскурантистским, а просветительским, и здесь мы опять обнаруживаем важность марксизма. Вмешательство государства подразумевает определённую волю, определённую сознательность. Исторический материализм подходит для этих целей, объясняя фундаментальные механизмы способа производства различными представлениями для различных классов или элементов, вмешивающихся в процесс. Поскольку государству пришлось развивать КСП, с перспективой уменьшения продолжительности существования капитала, что означало, что социальное целое было неспособно породить или преодолеть его. Таким образом, не общество порождало собственное адекватное представление и сознательность во время своего движения. Ему надо было дать сознание чего-то, что оно должно было сделать. Эта обязанность была ещё более ограничительной, поскольку между менталитетом мужика и целями развития капитала существовала пропасть. Не случайно Ленин говорил, что нужно было учиться работать!

Наконец, государство усилилось (как после каждой революции во Франции), и только после поражения революции на Западе сбился меньшевистский прогноз. Бюрократия была лишь вторичной. Бюрократы должны были выполнять решения государства. Они не могли сформировать автономный класс (как при царизме, так и в советский период). Они были не единственными, кто вдохнул жизнь в КСП, они просто жили за его счёт, так же как все капиталисты стали функционерами капитала (ср. Маркс о деперсонализации капиталиста). Но даже в России, господствующим слоем были не бюрократы, как говорил Бордига, а спекулянты, бизнесмены, бандиты и т.д., которые расцветали на основе материальной общности, находившейся в построении (на промышленной арене). Просто в СССР это приняло более государственническую форму и они, как говорил Бордига, сосали пенис у государства. Этот анализ соответствует анализу Маркса, когда тот говорил, о "капиталистических торговцах, обретающих власть за счёт того же государства".

Капитал без капиталистического класса: это могло быть реализовано самим КСП, как писали Рикардо, Маркс и Бордига²¹. Это было возможно только на Западе, где капитал установил материальную общность и сверг старые государственнические предпосылки. Сглаживание противоречий капиталистического класса произошло посредством реставрации деспотизма в СССР (тенденция была идентичной в Азии), чтобы капитал не господствовал там в соответствии со своей сущностью. Но всевозрастающее вмешательство мирового капиталистического сообщества, особенно, через посредничество США, продолжит насаждать всё более жёсткое соответствие между капиталом и господствующей над обществом властью.

Общей заботой царя, народников и большевиков было использование производительных сил капитала без существования капиталистического класса. Для царей это был вопрос использования этих сил для совершенствования своего господства над русским народом и борьбы против других государств. Для народников необходимо было перескочить через КСП, для большевиков сократить его продолжительность. Но марксисты должны были действовать как провидцы, как говорил Бордига, и выполнить романтическую задачу, они неизбежно должны были выполнить и задачу контрреволюции в отношении пролетариата, когда им пришлось самим управлять капиталом после отлива революции на Западе. Это дало толчок теории, что массы были неспособны понять свои собственные интересы. Только у партии и государства были наука и знания об их потребностях. Поэтому были востребованы репрессии, они считались гуманными, потому что людей убивали ради их же блага. Государство было настоящим благодетелем! Народники также понимали эти задачи:

"Иными словами, мы должны делать то, что давно уже делают в Европе, не социалистические партии, а буржуазия". (Кибальчич, 1881, цит. по F. Venturi, о.с., стр. 1079)

Они также понимали необходимость существования революционного государства, но для них гарантией полного революционного развития социальных преобразований оставалась община.

Наконец, косвенное подтверждение ужасной ловушки власти и государства: процветание художественной и интеллектуальной деятельности во время падения царизма (за несколько лет Россия достигла лидирующих позиций), а также процветание человеческих взаимоотношений, освобождённая сексуальность, как это показывает работа Веры Шмидт. Но с другой стороны, произошло обновление деспотизма, экзальтация концепции моногамной семьи, жёсткой и глупой морали, культа труда и советского реализма. Этот реализм ставил деспотические требования. Представление должно было стать двойником реальности. Выхода не было: воображение было сковано.

---

²¹ Буржуазия не была мотивирующим-мобилизующим классом ни в одной буржуазной революции после 1871-го, поскольку она была слишком слабой и сама революция разрушала её (как в России). Буржуазные слои в целом были связаны с мировым капиталистическим классом. Теперь, по крайней мере, в самом начале, революции атаковали КСП. Кроме того, если КСП удалось бы утвердиться в новых зонах, это произошло бы не благодаря капиталистам. Впоследствии, было неправильно говорить о буржуазной революции в отношении Китая и всех антиколониальных революций. Следует говорить о капиталистической революции, потому что тот способ производства, который появляется по воле лидеров революции или нет, это КСП. В случае русской революции лучше всего называть её двойной революцией, капиталистической и пролетарской.

Наконец, надо проанализировать конечные последствия этой периодизации на реальное и формальное господство. Вспомним один из компонентов позиции Маркса и Энгельса по России: аграрную общину. Остаётся ещё их отношение к царизму. Как показывал Бордига, Маркс думал только об одном: об уничтожении царизма (знаменитая русофобия, приписываемая Марксу), словно бы именно царизм был препятствием сначала для буржуазной, а затем для коммунистической революции. Следовало предотвратить помехи или уничтожение царизмом восходящего КСП в Германии, потому что там существовал сильный пролетариат, а значит, был близок социализм. Анализ Маркса и, особенно, Энгельса оказался непоследовательным в какой-то момент. Антироссийская позиция была правильной, пока КСП был слабым в Германии (он мог развиваться только на основе территориального расширения, национальный вопрос был центральным в стране) и пока в самой России не развилось революционное движение. Но когда Маркс заявил, что русская революция должна была стать прелюдией к европейской, когда он начал рассматривать возможность активной революции в России, в то время как в Западной Европе правила и господствовала буржуазия, старая стратегия с соответствующей тактикой оказалась неправильной. Кроме того, когда формальное господство над обществом было реализовано в Германии, с аспектами реального господства, царизм явно уже не мог угрожать подъёму немецкого капитализма. Царизм должен был измениться, чтобы победить. Мы считаем, что КСП явно показал своё превосходство после 1871-го.

Момент разрыва в конце прошлого века ощущался, но не был понят. Его не признавали, как таковой. Это было время, когда капитал только что интегрировал пролетариат, гарантируя себе господство над непосредственным процессом производства, и стремился к его реализации как на глобальном уровне производственного процесса, так и над всем обществом. Только к этому вели две мировые войны и различные движения, вроде фашизма, нацизма, Новой Сделки, при помощи франкизма, перонизма и т.д. со всеми их разнообразными историческими характеристиками. Этот момент разрыва подразумевал конец возможностей использования демократии, применения прямой тактики, потому что когда капитал одерживает окончательный триумф больше не остаётся возможностей конкуренции для захвата власти над управлением производительными силами. Это движение уже было реализовано в 1871-м в Западной Европе и США, как писал сам Маркс:

"Высший героический подъем, на который еще способно было старое общество, есть национальная война, и она оказывается теперь чистейшим мошенничеством правительства; единственной целью этого мошенничества оказывается—отодвинуть на более позднее время классовую борьбу, и когда классовая борьба вспыхивает пламенем гражданской войны, мошенничество разлетается в прах. Классовое господство уже не может больше прикрываться национальным мундиром; против пролетариата национальные правительства едины суть!". («Гражданская война во Франции», Ed. sociales, стр. 62)

Царизм не мог больше мешать эволюции КСП в Германии в данном контексте, потому что сам стал его субъектом. Конфликт с Германией потребовал бы индустриализации России для модернизации её армии. Это спровоцировало бы социальные противоречия в стране, которые сделали бы её ещё более уязвимой.

Другим аспектом движения разрыва было усиливавшееся с 1861-го года российское революционное движение, основными представителями которого были народники. В начале двадцатого века их опередили марксисты. Фундаментальные темы их деятельности были одинаковыми, кроме общины.

Самым опасным врагом пролетарской революции стал КСП. Западноевропейский правящий класс, как указывал Энгельс, был заинтересован в интервенции в России, чтобы восстановить власть царя и, как в случае с февральской революцией 1917-го, попытаться совершить капиталистическую революцию сверху, отстранив пролетариат от власти и раздавив пролетарскую революцию на Западе.

Россию уже нельзя было рассматривать глазами молодого Маркса, полемизировавшего в *Neue Rheinische Zeitung* или в *New York Tribune*. Энгельс верно почувствовал это, когда какое-то время противостоял формированию Второго Интернационала, говоря, что следовало выждать созревания событий в России. Позже, во время революции 1905-го года Роза Люксембург уже знала, что Россию следовало воспринимать как революционный центр, и даже Каутский писал в 1902-м, как потом вспоминал Ленин:

«В 1848 г. славяне были трескучим морозом, который побил цветы народной весны. Быть может, теперь им суждено быть той бурей, которая взломает лед реакции и неудержимо принесет с собою новую, счастливую весну для народов' (Карл Каутский, *Славяне и революция*, 1902)»

Происходящие перемены нельзя было лучше описать. Однако большинство этих утверждений не имело будущего (Каутский), или их невозможно было осуществить (Люксембург). Сомнения немецких революционеров по российскому вопросу и их конечное возвращение к простому анти-славянству, было очень точно выражено Энгельсом. Он писал Бебелю 24 октября 1891-го:

"Но если французская буржуазия все-таки начнет войну и для этой цели поставит себя на службу русскому царю, который является также и врагом буржуазии всей Западной Европы, то это будет отречением от революционной миссии Франции. Напротив, мы, немецкие социалисты, которые при условии сохранения мира через десять лет придем к власти, мы обязаны отстаивать эту завоеванную нами позицию авангарда рабочего движения не только против внутреннего, но и против внешнего врага. В случае победы России мы будем раздавлены. А потому, если Россия начнет войну, — вперед, на русских и их союзников, кто бы они ни были. (...) Мы еще не забыли славного примера французов 1793 г., и если нас к тому вынудят, то может случиться, что мы отпразднуем столетний юбилей 1793 г., показав при этом, что немецкие рабочие 1893 г. достойны санкюлотов того времени..." (Письмо А.Бебелю, Маркс, Энгельс, ПСС, т.38)

Достаточно удивительно, что Энгельс мог говорить о революционной миссии Франции после Коммуны, к тому же он писал в своей письменной полемике с Ткачёвым о России, что избранных народов больше нет. Также, русская победа над немцами не обязательно означала поражение КСП, потому что, в этом случае, несмотря на военное поражение, часто могла возникать более развитая форма. Гораций однажды сказал, что Греция покорила победителей (римлян)! Здесь Энгельс был полностью введён в заблуждение демократией. Он считал, что рабочие придут к власти в результате выборов. Война помешала этому достославному событию. Именно так он считал, поскольку то же самое можно найти в статье, опубликованной в 1892-м, озаглавленной «Социализм в Германии», в которой он призывал к защите немецкой нации и говорил о военной необходимости принять слова «Марсельезы» от иностранных союзников, заявляя следующее:

"Мир обеспечит победу Социал-демократической партии Германии приблизительно лет через десять ". («Социализм в Германии», Маркс и Энгельс, ПСС, т.22)

В конечном итоге, чтобы понять эту ошибочную позицию, надо вспомнить, что Энгельс в 1891-м считал, что рабочее движение должно было завершить немецкую революцию.

"Наша задача состоит не в том, чтобы революцию сверху, произведенную в 1866 и 1870 гг., поворачивать вспять, а в том, чтобы внести в нее необходимые дополнения и улучшения движением снизу". («К критике проекта социал-демократической программы 1891 г.», Маркс и Энгельс, ПСС, т.22)

Ленин отлично понимал непоследовательность в данном вопросе и не попал в ловушку национальной войны, прогрессивной войны (за Запад в то время). Эта непоследовательность была ещё более замечательной, потому что ему пришлось противостоять директивам маэстро Энгельса, который даже предлагал (в другом письме от 13.10.1891 г.) поддержать правительство в войне!

Так капитал, приблизившийся к своим географическим пределам на рубеже веков, должен был перейти к стадии интенсивного развития (которое некоторые осознали позже, как внутреннюю колонизацию) и в этом он противостоял огромному региону, в котором люди сохраняли свои общинные структуры. Благодаря этому революционеры рассматривали мировую революцию уже не просто в классовых терминах, а капиталистическую стадию уже не как обязательный для достижения коммунизма этап.

Трудность революционной борьбы состоит как раз в том, чтобы понимать разрывы и быть способным возобновлять теоретическую деятельность, для того чтобы представить революционный феномен с самого начала разрыва, который проявляется годы спустя с характеристиками, определяемыми как раз этим разрывом, который можно было распознать. Только в моменты борьбы можно применять самое радикальное решение, потому что всегда можно пойти на самый большой разрыв. Вот почему революционные годы богаты событиями и идеями, но после происходит лишь ужасное повторение прошлого, вплоть до нового разрыва.

Это тем более трудно потому, что правящий класс ставит перед собой задачу завуалировать такие разрывы и заставить поверить, что всё как было раньше, что надо продолжать в этой последовательности доминируемой этим классом. Французские социалисты думали, что должны были продолжать французскую революцию и не осознавали разрыв, который подразумевало их собственное движение. Марксисты в конце прошлого века были озабочены продолжительностью процессов капитала, веря, что работают на формирование нового общества, потому что не ставили под вопрос принцип роста производительных сил.

Подъём капитала, как говорил Маркс, распахнул дверь, мешавшую развитию производительных сил, а также техническому развитию, в их неразрывной связи, освобождая человека от старых социальных предпосылок. Капитал положил конец преклонению перед природой, тенденции рассматривать всё живое как экзистенциальное табу, т.е. как нечто неизменное; теперь человек уже не воспринимал себя под знаком неизменности, в качестве неизменного элемента природы, которую невозможно изменить, и именно на этой основе человек смог признать сам себя как автономного создателя:

"По сравнению с этой точкой зрения было большим шагом вперед, когда мануфактурная или коммерческая система перенесла источник богатства из предмета в субъективную деятельность, в коммерческий и мануфактурный труд..." (Grundrisse, т.1, стр.33)

Этот прогресс нашёл философское выражение в философии Канта, поставившей под вопрос старый образ мысли:

"до сих пор считали, что все наши знания должны сообразоваться с предметами..." но на деле "... предметы должны сообразоваться с нашим познанием". (И.Кант, Предисловие к «Критике чистого разума»)

Изменение метода состояло в том, что субъект теперь ставится в центр всего.

Настоящий разрыв человека с природой (ср. у аббата Брейля, сказавшего, что крестьянская цивилизация была уничтожена в наше время, что цикл, началом которого был неолит, закончился) пришёл вместе с КСП. В этом заключается точка отсчёта для развития, чьей целью может стать сам человек в бесконечном процессе (истинный и неопределённый). Именно этому аспекту Маркс отдаёт должное в Grundrisse в первую очередь. Иными словами, человек может отрицать все догмы, все социальные и естественные ограничения, с того момента, как он полностью освобождается от старой общности, или её модифицированных форм. Но когда решение было найдено, осталась ещё необходимость обрести контроль над новыми силами, которые становились автономными. Буржуазия, капиталисты, полностью переходили на сторону этого развития²² и принимали преобразование человека машинами (через которое проходил не просто человек, но пролетарий) и формирование новых догм: прогресса, развития производительных сил, роста, культа нового божества науки.

Более того, с тех пор как подъём производительных сил становится признанным фактом в каком-либо месте для какой-либо части человечества, другие народы, остающиеся при своих общинных формах (особенно если они смогли дать свободу индивидуальности, как в случае славянской общины), могут использовать его и таким образом избежать кровавого хода истории Западного общества. Такова была основная тема для русского народничества, придававшая грандиозный характер дебатам, которые различные народнические движения вели между собой, а также с марксистами и анархистами.

Развитие производительных сил, базиса, отправной точки для утверждения общечеловеческой коммуны, освобождённой от естественных и социальных ограничений, превратилось в захватническую силу в конце прошлого века, который деградировал человека в гораздо большей степени, чем кто-либо переживал при предыдущих способах производства: это был момент автономизации капитала. То есть, подчинив отрицающий класс, пролетариат, он установил господство над самим правящим классом, который правит лишь в качестве посредника. Отсюда освободительные возможности исчезают, и остаётся лишь угнетающая реальность. Но весь социальный организм продолжал воспринимать вещи по-старому, что стало причиной священного союза в 1914-м.

Опять же, ясно, что дело здесь не в осознании разрыва, восприятия новых разрывов, которые кажутся странными, но в том, что нужно реорганизовать всю теоретическую деятельность. Трудность этого задания видна у самого Маркса. У него были все элементы

---

²² Буржуазия считала, что может господствовать над техникой, когда она породила капитал в своём развитии, автоматического деспота, по словам Маркса. Она считала, что может господствовать над движением меновой стоимости, но всё же именно из-за буржуазной революции препятствия, стоявшие перед автономизацией капитала были устранены, и стоимость могла стать капиталом. Буржуазия производила фальшивое сознание своего собственного исторического движения и капитала. Социалисты довольствовались в основном объяснением и противопоставляли ему истинное сознание: марксизм.

для понимания реального господства капитала над обществом, способа его установления, теоретические факты для понимания социальных сил, в их специфичности, помимо самого капитала, а также необязательность прохождения через КСП. Но те работы, в которых можно найти это понимание, не были опубликованы при его жизни. Сомнения ясно видны в его ответе Засулич, который очень краток, в то время как черновики длинные и, помимо всего прочего, содержат реальные элементы ответов, которых нет в самих письмах.

Речь идёт не о том, чтобы переписать Маркса a posteriori для современного использования, но о его понимании во всей сложности, и, конечно же, в продолжении борьбы. Изобретать некую последовательность и подгонять её под наши потребности и текущие события означает грабить его жизнь и высмеивать его смерть. Судьба революции в России была связана с революцией в Западной Европе и vice versa, начиная с 1848-го. Теоретическое и практическое отступление в конце прошлого века, отход от перспективы скачка через КСП, привели к генезису марксизма, как теории роста, как абсолютного подкрепления теории евроцентризма с однолинейной концепцией развития человеческих обществ и т.д... Известно, что Второй Интернационал (кроме Люксембург и Ленина) уже не занимался национальным и колониальным вопросами. Бернштейн оправдывал колониализм во имя цивилизующей роли капитала. Бакинский съезд 1920-го объявил войну империализму и Западу вслед за русской революцией и повстанческими движениями в Азии. Ленин принял перспективу скачка через КСП на втором съезде Коммунистического Интернационала.

" Постановка вопроса была следующая: можем ли мы признать правильным утверждение, что капиталистическая стадия развития народного хозяйства неизбежна для тех отсталых народов, которые теперь освобождаются и в среде которых теперь, после войны, замечается движение по пути прогресса. Мы ответили на этот вопрос отрицательно. Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей. Во всех колониях и отсталых странах мы должны не только образовать самостоятельные кадры борцов, партийные организации, не только повести немедленно пропаганду за организацию крестьянских Советов и стремиться приспособить их к докапиталистическим условиям, но Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития - к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития". (В.И.Ленин, ПСС, т.41, стр.245-246)

Однако, притом, что серьёзный анализ особых характеристик социальных форм, при которых революция вспыхивает и разрастается, отсутствовал, лёгкое решение заключалось в перенесении схемы России (которая сама является продуктом ограничительной работы). Это привело к изобретению феодализма, чтобы оправдать альянс с т.н. национальной буржуазией, к примеру. Результатом стала бойня кантонских и шанхайских рабочих. Бойня пролетариата продолжалась всё в той же манере в Ираке (1958), Индонезии (1965) и Судане (1971), если ограничиться лишь несколькими примерами.

Утверждение особенностей гео-социального региона долго рассматривалось течениями, называвшими себя марксистскими, такими как реформизм. Они предпочитали считать последовательность способов производства правильной для всего человечества. Начиная с 1958-го, из-за антиколониальных революций, изучение «Форм, предшествующих

капиталистическому производству» позволяло пересмотреть весь вопрос, как это видно в тексте Бордиги «Классовая и национальная борьба в мире цветных народов, жизненно важное историческое поле для революционной марксистской критики», основой которого было отрицание какого-либо превосходства европейской цивилизации. Он утверждал, вслед за Марксом, что общества, в которых целью производства является человек находятся выше, чем его собственное общество. Также, в 1960-м на итальянском языке появился памфлет «Последовательность форм производства в марксистской теории», написанный в основном Роже Данжевиллем, с комментариями к «Формам, предшествующим капиталистическому производству», и с подробным резюме их различных характеристик в таблице²³.

Эти работы вызвали лишь слабые отклики. Мы не можем останавливаться здесь на причинах для этого, потому что мы должны указывать на конечные результаты отхода от теоретического подхода Маркса и народников по отношению к КСП. Мы утратили пролетариат, как исторический класс, и теперь человечество утратило возможность скачка через КСП в некоторых регионах мира, и мы не смогли осознать это, будучи заражёнными идеей о том, что прогресс для всех людей заключается в развитии производительных сил, т.е. в конечном итоге, капитала, который стал утверждением принятия осознания победы капитала самим пролетариатом. Естественно, что народы, которые заставили подчиниться соглашению с нашим смертельным врагом, с ненавистным путём прохождения через КСП, должны обвинять нас (яростная критика Марксова этноцентризма уже предпринималась различными этнологами из этих народов); теперь мы все должны найти в этом, и на основе коммунизма (как теории и движения), путь к нашему общему освобождению.

***

У каждой революции - тройной характер, в зависимости от того, как давно она произошла. Если рассматривать революцию в широком историческом цикле, она представляется естественным феноменом, развившимся спонтанно и с безудержным насилием. Именно такой представляется русская революция, если изучать ее, начиная с декабристов 1825-го (многие позиции Пестеля были приняты народниками, а сам он придерживался позиций Радищева тридцатилетней давности) до октябрьской революции. Однако если изучать революцию в момент её пароксизма, кульминации с февраля по октябрь 1917-го, начинает казаться, что она произошла из-за того, что тогда существовали 'необычные' люди и что революция могла произойти только благодаря их действиям. Некоторые превратили Ленина в мессию, а Зиновьев говорил, что такой человек появляется на земле раз в пятьсот лет. Наконец, если изучать революцию в ретроспективе, в том, что она реализовала на деле, и сравнивать её с дореволюционным периодом, зачастую некоторые начинают сомневаться в её необходимости. Всё, к чему она привела, мог сделать и правящий класс того времени и, таким образом укрепляется убеждённость в её бесполезности. Вместо этого надо подходить к данному вопросу с точки зрения времени. Правда, что революция не решила проблем, которые она сама создала, но она решила те, что появились и не могли быть разрешены из-за предыдущего способа производства.

---

²³ Этот памфлет был опубликован на французском под заглавием «Succession des Formes de Production et de Societe dans la Theorie Marxiste» (Le Fil du Temps № 9, июль 1972). Это издание содержит некоторые дополнения, в частности 'Les Deux Phases du Developpement Social de la production capitaliste' которое показывает, что Данжевилль не понимал периодизацию Маркса, как мы это уже показали в статье 'VI неопубликованная глава «Капитала» и экономическая работа Маркса' (Invariance № 2, I серия, 1968)

Мы проанализировали первую характеристику, остаётся ещё две, интимно связанные с первой и определяемые ей. Дело здесь не в оправдании, но в реалистичном отображении того, что неизбежно должно было произойти с того момента, как разрыв, о котором мы говорили, не был включен в теорию. Мы сделаем лишь некоторые утверждения, потому что невозможно адекватно доказать их истинность в рамках данного введения.

Что бы ни говорили противники большевизма, большевики не устраивали государственного переворота в октябре 1917-го. Присутствовало движение, под влиянием которого сложилась ситуация, позволившая изменить прежний ход вещей. Захват ими власти был моментом абсолютной жизненной важности для революционного движения, начавшегося в феврале. Он позволял понять, что происходило, но могло прекратиться, если бы старая власть (препятствие для свободного развития революционных сил) не была также уничтожена. Даже капиталистическая революция не была бы способна развиваться без этого акта, а эволюция России стала бы схожей с эволюцией Индии.

С другой стороны, большевики не могли осуществить "буржуазную революцию в пролетарской манере", несмотря на то, что говорил Бордига. Брест-Литовский мир, вопреки надеждам Ленина, не был:

"...миром трудящихся масс *против* капиталистов".

В марте 1917-го он писал:

"Чтобы не дать восстановить полицию, есть только одно средство: создание всенародной милиции, слияние ее с армией (замена постоянной армии всеобщим вооружением народа)". (В.И. Ленин, ПСС, т. 31, стр. 165)

Но была восстановлена полиция, и Ленин заявил, что это было необходимо. Что же касается Красной Армии, то она была учреждена, как и армия французской революции, как амальгама, отделённая от народа.

Рабочий контроль был одним из центральных пунктов революционной программы до октября, но его быстро сменило экономическое управление, потребность в конкуренции, и система Тейлора (которую до этого Ленин яростно критиковал). Существует масса фактов, подтверждающих стремительный рост революции, на которую Ленин надеялся, начиная с 1905-го, и на которую рассчитывало большинство революционеров, истощённых за год из-за запаздывания интернациональной помощи. Поэтому чисто капиталистическое содержание стало императивом. Большевики также быстро утратили способность понимать все возможные обновления, которые нёс этот рост, потому что они оказались в ловушке государства. У них больше не было восприимчивости, которая позволила бы им избежать утраты всех контактов с пролетариатом и крестьянством.

Определённая радикализация происходила в 1919-м, во время революционных движений на Западе, благодаря которым стало возможно создание Третьего Интернационала, но отступление вновь открыло дорогу экономической интеграции. Советское государство всё больше превращалось в сильное государство, довлеющее над обществом, но подчинённое мировому капиталу. Большевики стремились удерживать государство по мере его построения. Они модифицировали его, только если они были вынуждены к этому. Кроме того, они собирались уступить его пролетариату только после реформирования последнего, экономической реорганизации и восстановления промышленности. Это в чём-то сходилось, как показал Вентури, с позициями некоторых членов Народной Воли:

"Революционная партия не должна была передавать власть представителям народа до тех пор, пока не была реализована революция. До этого времени, она должна была крепко держать её в своих руках и сопротивляться любому, кто попытался бы отобрать власть у партии".

Иными словами, российскому пролетариату не удалось стать правящим классом, о чём говорил Маркс в «Коммунистическом манифесте» и «Критике Готской программы». Он провалился так же, как западный пролетариат в 1848-м и 1871-м. Кронштадская коммуна и её подавление, большая стачка в Петрограде стали самыми убедительными выражениями этого. Параллельно данному откату, Ленин начал больше говорить о строительстве социализма в России после 1921-го. Установление правящего класса произошло позже в мистифицированной форме (точно так же, как и на Западе) когда были уничтожены последние оппозиционные движения.

Осуществление "буржуазной революции", хотя бы и "в пролетарской манере" сохранило концепцию партии, причём её понимали как формальное учреждение: надо организовать рабочий класс, который затем организует крестьянство, а значит и русское общество. Общество всё глубже погружалось в хаос, последовавший за распадом общины, из-за которого стала необходимой жёсткая партийная структура: это был единственный элемент с абсолютной волей, негибкостью и способностью посредничать между государством и крестьянами.

Ленин настороженно относился к советам. (В чём-то он согласился с меньшевиками: советы были обязаны своим появлением отсутствию партии и профсоюзов). Он воздавал им должное: это был "эмбрион новой революционной власти", и, в то же время, не верил им, потому что боялся стихийных или анархо-синдикалистских влияний. Советы стали чем-то вроде адаптированного общинного органа под названием сход. Изначально приняв их в 1917-м, вплоть до такой степени, что они были выведены на передний план в «Государстве и революции», Ленин тем самым снова принял элементы народничества, потому что революция в России не могла избежать народнического характера. Но он не мог перестать отождествлять советы с западным феноменом. Он заявлял, что они реализуют пролетарскую демократию, тогда как они были по ту сторону демократии с самого начала именно из-за своей попытки возродить общину, хотя бы и вне геосоциальной и исторической основы села. Формирование советов стало подтверждением образования пролетариата, как класса. Но очень скоро между советами и коммунистической партией произошёл раскол. Советы были недостаточно сильны, чтобы преодолеть его, а партия не смогла осуществить качественный скачок на их общей основе спонтанного движения против царизма и мирового капитала. Невозможность союза между ними стала выражением тупика русской революции, как социалистической революции.

Распространение советов как образа жизни русского пролетариата в его движении к уничтожению капитала объясняет собой следующую разницу: в Германии до 1914-го СДПГ и её профсоюзы объединяли всех рабочих, в то время как в России накануне революции такой единой партии не было. В Германии партия была выражением пролетарского движения. Она стала настоящим сообществом, как отмечали некоторые комментаторы. Мы бы сказали, более того, она шла к формированию новой общности, которая в то же поддерживала некоторые предпосылки капитала, отсюда её неудача. Её проект был реализован без иллюзорной вуали нацистской партией, когда интегрировала пролетариат, в качестве производителя, в свою общность капитала. Роза Люксембург ясно осознавала это и ждала до самого конца перед тем как пойти на окончательный откол от партии, она это сделала, когда пролетариат был уже расколот. Раскол не был такой проблемой для русских, потому что община, которую создавали рабочие, реализовывалась

в непартийных формах: в советах. Феномен партии как выражения глобального классового противостояния не мог сложиться в России из-за внеклассового измерения революции. Мы долго настаивали на народном и народническом аспекте революции 1905-го (вот почему историки русской революции предпочитают побыстрее отделаться от неё), который вновь проявился в феврале и октябре 1917-го. Советы лишь предстояло завоевать, в то время как в Германии они сразу подпали под влияние СДПГ и революционному пролетариату пришлось формировать Unionen (Союзы, типа ААУ, ААУД, ААУ-Е прим. пер.).

В обоих случаях, в России и Германии, желание использовать опыт друг друга в качестве модели было несущественным. Изначально Ленин и большевики (а также в какой-то мере меньшевики) мечтали создать партию типа СДПГ. Позже немецкие коммунисты стремились к большевизации своей партии.

Различные партии действовали так, словно они были маргинальными по отношению к действию, несмотря на все их связи с массами: маргинальными по отношению к движению пролетариата и крестьянства. Этот пробел можно было устранить в 1917-м. Возможно, именно из-за этого разногласия между партией и массами некоторые заговорили о том, что октябрьская революция была скороспешной. Мы считаем, что это была попытка единения, интеграции между партией и массами в вопросе о борьбе между партиями, как носителями различных исторических перспектив в вечно подвешенном состоянии, в то время как перспектива скачка через КСП всегда оставалась присутствующей и отсутствующей одновременно, в качестве определяющего фактора для развития революции. Социалистический рост был реализован лишь на основе этого единения.

Одной из самых противоречивых мер было провозглашение права наций на самоопределение: это была определённо буржуазная мера, тем не менее, требовавшаяся для развала царской империи и ослабления центральной власти. Вот почему его можно найти уже в программе рабочих участников партии Народная Воля:

"(3) Народы, аннексированные российским государством насильственным способом, будут свободны или покинуть Всероссийскую федерацию или остаться в ней".

Это заявляли также предыдущие народнические течения. Однако не следует упускать из вида тот факт, что Ленин не противостоял членам пролетарских партий из стран, находившихся под российским господством, когда те заявили, что, напротив, надо было оставаться в российской зоне. Но слабость заключалась не в непонимании важных изменений по отношению к 19-му веку. Тогда воссоздание Польши играло революционную роль. Век спустя, её воссоздание могло быть только делом рук контрреволюции. Роза Люксембург интуитивно предчувствовала это²⁴.

---

²⁴ Позиции Розы Люксембург обычно искажают, этому процессу помогает отсутствие собрания её сочинений. Её вклад в польский вопрос был замечательным, но его нельзя рассмотреть здесь. Серьёзный анализ её позиций может начаться только с её тезиса Die industrielle Entwicklung Polens (Промышленное развитие Польши) (Лейпциг, 1898), где она демонстрирует роль польского капитала в российской промышленности и формирование русско-польской взаимозависимости. Революция 1917-го уничтожила это. Было бы интересно изучить все последствия этого для дальнейшего развития СССР и Польши, а также подчинение последней советскому деспотизму.

Было бы преувеличением приписывать позициям большевиков неудачи революции в странах, отделившихся от России. Это был продукт слабости всего интернационального движения. Революции в странах на южной периферии (т.е. в Турции, Иране и Индии), на которые также повлияла революционная волна, были легко остановлены мировым капитализмом, и СССР с самого начала использовал их, чтобы снизить давление, оказываемое на него, таким образом, замораживая их развитие.

Однако, как и в этих странах, Центральная Европа также образовала ось, в которой революция и контрреволюция встретились снова, причём обе стали ответвлениями современного капиталистического общества. Не случайно самые репрессивные государства в мире появились именно там. Контрреволюции надо было блокировать это развитие, развязав балканизацию Центральной Европы (где она была лишь реструктурирована) как в других странах Ближнего Востока, и, особенно как при разделении Индии на Индию, Пакистан, Бангладеш, Цейлон и мелкие гималайские государства. Теперь, однако, революция развивается сверху, и призрак народной революции не был окончательно изгнан, так, движение 1971-го в Цейлоне выказывало коммунистическое измерение.

Большевикам не удалось возродить коммунистическую теорию. Бордига утверждал обратное и всегда называл эту теорию марксизмом. Для нас же это лишь идеологизация теории. Верно, что предположение Бордиги может считаться верным в буквальном смысле, но мы всё же будем придерживаться нашего утверждения. Большевики 'восстановили' то, что им нужно было для непосредственной борьбы, т.е., всё, что связано с государством, революцией, партией, развитием КП, развитием человеческого общества и т.д.

Слабость большевистской партии видна из следующего определения коммунизма Лениным:

" Что такое коммунист? Коммунист - слово латинское. Коммунис значит - общий. Коммунистическое общество значит - все общее: земля, фабрики, общий труд, - вот что такое коммунизм ". (В.И. Ленин, ПСС, т. 41, стр. 314)

Реставрация нам больше не нужна (даже если удалить всю реакционность из этого слова), потому что требуется нечто намного большее. Надо преодолеть работу Маркса и всех тех, кто работал с видом на коммунистическую революцию. Нам навязывается капиталистическое движение. Оно зашло, как предвидел Маркс, за свои пределы и речь идёт уже не о том, чтобы, например, развить деятельность по реструктуризации рабочего класса, по его объединению, а о том, чтобы действовать в движении отрицания классов. То есть, это вопрос не новой диалектики, но её преодоления.

Маркс, и особенно Энгельс, занимали слегка абсурдные позиции по Польше. Энгельс писал Марксу (23.5.1851 г.) "...чем больше я думаю об этом, тем яснее для меня становится то, что поляки как нация обречены, и их можно использовать только, как инструмент до тех пор, пока в самой России не наступит аграрная революция. С этого момента у Польши не останется абсолютно никаких причин для существования" (Маркс Энгельс Корреспонденция 1846-95 (London, 1934) стр. 37). До этого он отмечал "Кроме Венгрии, у Германии лишь один возможный союзник, России, при условии, что в этой стране произойдёт крестьянская революция". (Werke т. 27, стр. 266). Но после 1869-70 в России развилось мощное революционное движение, более того, Польша была сломлена после 1863-го. Отсюда возникла позиция Розы Люксембург.

Анализ того, что реализовала русская революция, и её распространение в мире более важен, чем изучение ошибок и слабостей большевиков, хотя их и нельзя вычеркнуть из урока. Если учесть весомость общинного феномена, было бы совершенно неадекватным сравнивать русскую революцию с революциями 1789-84, 1848-49, или 1871 годов, как это делал Ленин, вслед за Энгельсом. Разумеется, общие черты присутствуют, но измерение скачка через КСП всегда отсутствовало в перспективе и возможностях этих революций. Эта перспектива и возможность поддерживали весь революционный процесс.

Русская революция воспользовалась капиталистическим способом производства, а КСП воспользовался СССР. Это уже происходило в России 19-го века:

" Русская дипломатия не только без вреда, но и с прямой выгодой для себя выдержала уже так много западноевропейских революций, что, когда разразилась февральская революция 1848 г., она могла приветствовать это как чрезвычайно благоприятное для нее событие". («Внешняя политика русского царизма», Маркс и Энгельс, ПСС, т.22)

Россия помогла Англии стать ведущей капиталистической державой в восемнадцатом и девятнадцатом веках, поддерживая европейское status quo, особенно после 1848-го, она помогла реализации формального господства капитала. СССР стал партнёром США в двадцатом веке и помог последним обрести глобальное превосходство. Но это одновременно облегчило реализацию реального господства капитала над обществом²⁵. Две великие революции, во Франции и Китае, сразу поставили под вопрос этот зловещий альянс. В обоих случаях шок был преодолен, и теперь можно говорить об интегрированности Китая в общность капитала, чьё реальное господство прививается китайскому обществу.

Обе революции потерпели поражение. Поражение воплотилось в уничтожении немецкого пролетариата, которого так опасался Маркс. Но это сделал не царизм, а юный советский капитализм, поддержав этим реализацию реального господства капитала над обществом во всём мире.

Окончательным результатом стало омоложение капитала потому что, в конечном итоге, он обрёл выгоду из молодых сил человечества, т.е. из стран, где не ещё преобладало развитие меновой стоимости. Собственное движение капитала разрешило вопрос, который Маркс задавал Энгельсу в своём письме от 1858-го. Но восстание масс, которые едва вышли из общинности, или отделились от неё, так сильно повлияло на развитие человечества, что здесь мы снова сталкиваемся с дебатами между народниками и марксистами по поводу разрешения вопросов, поднятых из-за возникновения капитала в таких регионах, в связи с попытками избежать западного пути. Разумеется, происходило очень быстрое развитие и то, что проявилось двадцать лет назад, было в большой мере преодолено капиталом, потому что сам капитал извлёк уроки из развития западного "пути". Японцы не уничтожили свои старые человеческие взаимоотношения, и смогли привить капиталистический способ производства феодальному обществу, которое ещё не полностью расслоилось. Поэтому в формировании пролетариата как класса там были ограничения из-за того, что не произошло разрыва со старыми установками. Примитивное накопление западным методом было невозможным в Китае, потому что экспроприация

---

²⁵ Многие авторы, включая Маркса и Токвилля, проводили в своих работах сравнения в эволюции России и США. Народники обнаруживали сходство в подъёме обоих государств, единственных, в которых, по их мысли, можно было совершить что-то новое. Одним из самых замечательных общих элементов был феномен границы.

крестьян создала бы полный хаос при огромном количестве населения. Кроме того, капитал использовал общинный феномен, чтобы воспрепятствовать автономизации рабочего класса. Так произошло в Южной Африке, где чёрный пролетариат был поглощён старой общиной, к которой он возвращается после нескольких лет в городе, притом, что община остаётся резервной зоной капитала. Наконец, существуют регионы с климатическими трудностями, в которых капитал смог утвердиться исключительно благодаря общинному феномену. Примером этого является кибуц в Израиле, но это также происходит в Анголе, как произошло в Заире под бельгийцами. В целом, капитал, достигнув уровня материальной общности, уже не нуждается в полном расслоении социальных взаимоотношений для своего господства. Более того, их расслоение не позволило бы капиталу утвердиться, потому что ему нужны люди, способные выживать, а в некоторых частях мира только общинное поведение является жизнеспособным и эффективным.

О подъёме России можно сделать ещё одно утверждение, ставшее общим для всех стран, в которых произошла капиталистическая революция после 1917 – либерализм и демократия не могут процветать там. Там могут существовать или коммунистические формы, или деспотизм. Некоторые народники вполне отчетливо осознавали это. В этих странах может быть лишь инфляция государства, принимающая гротескные аспекты в некоторых африканских странах.

Здесь мы опять можем отметить теоретические блуждания Ленина и большевиков: их защиту демократии и желание установить пролетарскую демократию. Все дебаты между ними и социал-демократами (особенно с Каутским и Бауэром) были одним большим *quid pro quo*. Последние называли большевиков недемократичными; большевики отвечали, что реализуют демократию, не чистую демократию, но истинную демократию: демократию для огромного большинства. Но это было невозможно в России, поскольку эта страна могла пойти или намного дальше демократии, или породить деспотизм, учитывая её социально-исторический характер. Это способствовало позициям социал-демократов, к тому же диктатура пролетариата была быстро сведена к диктатуре партии и государства. Защита демократии на Западе могла быть только защитой капитала, но большевики не могли заявлять об этом теоретически и практически, потому что пропагандировали и прославляли революционный парламентаризм. Возможно, один лишь Бордига занял революционную позицию: полное отрицание демократии²⁶, но с учётом его позиций по русской революции и Коммунистическому Интернационалу, его бунт был быстро поглощён. Революционеры действовали на уровне ниже исторического потенциала. Если "слова преобладали над содержанием" в 1848-м, как говорил Маркс, то после 1917-го на Западе, слова маскировали неспособность понять содержание.

Вкратце можно сказать, что именно в период 1848-1917 гг. (следует также помнить о других попытках омолаживания, таких как китайская революция, которая произошла в вышеозначенный период) пролетарская революция во время формального господства капитала над обществом была в основном классовой, поскольку пролетариат должен был уничтожить буржуазное государство, самоучредившись как правящий класс, но также потому что ему нужно было распространить своё собственное положение на всё общество для того чтобы позволить осуществиться росту производительных сил, как фундаментальному условию для достижения коммунизма. Здесь мы обнаруживаем революционный реформизм Маркса и связанную с ним идею, что как только будет

---

²⁶ "il Principio democratico", Rassegna comunista от 28.2.22 г. стр. 870-89. (ср. также «Демократический принцип» А.Бордига с предисловием Э.Саттарова (по мотивам выступления в социальном центре Calusca, г.Милан), «Инвариант» №5, 2005, Алма-Ата)

завоёвана власть, можно будет осуществлять реформы в экономическом аппарате и принимать законы в пользу пролетарского класса, например, о сокращении рабочего дня:

"Сокращение рабочего дня — основное условие [социализма]"²⁷

Это обусловило существование пост-капиталистических стадий до чистого коммунизма. Должна была быть применена также косвенная тактика, притом, что определённое развитие производительных сил было необходимо, так же, как и достаточно развитый пролетариат. Надо было бороться против врагов капитала или оказывать давление на капитал через посредничество государства в целях улучшения положения пролетариата, но также ради развития капитала (см. «Капитал» т. I, 10 глава. 'Рабочий день'). Когда Маркс описывал *inter alia* феноменологию капитала, он также отстаивал теорию роста. Очевидно, он хотел понять развитие капитала, и не только для того, чтобы описать способ его уничтожения (анализ Маркса – это некролог, как говорил Бордига), но также, чтобы продолжать движение вперёд без меновой стоимости, порождающей и развивающей капитал, особенно в странах, где КСП был развит слабо или только должен был начаться. Поскольку революция 1848-го не уничтожила старое общество, надо было понять капиталистическое общество, чтобы понять, как революция может начать новое наступление на него. Надо было также разделаться с различными утопиями, вроде Прудонского бесплатного кредита!

Люди, которые могли появиться с возникновением новой социальной формы или с поражением старой социальной формы (эти два момента не обязательно совпадают), могли стать революционерами, в то время как те, кто живёт в тот период, когда новый способ производства ещё только должен истощить своё содержание зачастую с лёгкостью интегрируются в общество. Маркс и Энгельс были очевидцами большого разрыва 1848-го, но им также пришлось подчиниться стадии развития капитала, особенно после 1871-го. Их революционный реформизм возник в течение этого периода. Неспроста «Капитал» описывал движение КСП и показывал, как пролетариат может бороться с ним, со "змеей своих мучений", а также за возможность установления коммунизма на основе формального господства капитала над обществом. Ясно, что их позиция была трудной, когда они отказывались отступать после поражения революционного движения, чтобы избежать интеграции в ненавистную порядочность буржуазного общества. Использование политики и демократии содержало в себе возможность ещё более опасной интеграции в общество, если оно происходило под прикрытием борьбы. Маркс, и особенно Энгельс, были фактически интегрированы демократией. Именно так появился и достиг процветания марксизм, а за ним и ревизионизм. Поэтому для нас, живущих в период, когда содержание истощилось и когда можно занять действительно революционные и радикальные позиции (хотя это и не заслуживает особого упоминания), именно ранние работы Маркса могут сочетаться с нашей революционной страстью, потому что они уже вышли за пределы капитала и не вступают в компромиссы с его промежуточным развитием, от которых пострадали поколения пролетариата.

Иными словами, революционеры прошлого века должны были глубоко отрицать самих себя, не только в мысли, но и в жизни, т.е. им пришлось работать на укрепление капитала, будучи в то же время способными делать негативные заключения об этом развитии. Но, как говорил Гегель, в подобном самоотречении существует риск утратить себя (полное отчуждение). Это произошло со всем рабочим движением, как это ясно показывает теория Бернштейна: движение всё; цель ничто. Оно могло видеть развитие человечества только в вечном развитии (в плохом смысле, т.е. в неопределённости) производительных сил, в

---

²⁷ Капитал т. III (Москва, 1971) стр. 820

развитии капитала с его последующим поглощением этим капиталом, притом, что оно должно было отрицать этот капитал. Дихотомия между минимальной и максимальной программами стала ещё одним выражением этого исторического момента, причём последняя стала фиговым листком революции, который неизбежно сдул бы любой порыв социального ветра.

Однако для того, чтобы лучше понять революцию 1917-го, надо отметить, что это была революция внутри контрреволюции, т.е. несмотря на левые течения, мирового революционного разрыва с прошлым не произошло. Такой разрыв подразумевал бы полное отрицание демократии. Русская революция также не могла поддерживать себя на уровне роста, т.е. сократить свою капиталистическую стадию, а в некоторых секторах, вообще избежать её. Поэтому она вступила в компромисс с контрреволюцией (т.е. с развитием капитала, поскольку мы размышляем с точки зрения коммунизма). То же самое касается китайской и других антиколониальных революций. Однако если эти революции непосредственно усиливали контрреволюцию, они также становились её концом, поскольку контрреволюция достигла своего завершения благодаря им и полностью истощила революционный потенциал 1848-го. Такова была основа для тумана, которым отдельные лица намеренно окутали феномен русской революции.

Это также демонстрирует фрагментарный характер вклада Бордиги. Он стремился к сопротивлению капиталу, но осуществил лишь 'реставрацию' марксизма, вернувшись к позициям большевиков (до второго съезда Коммунистического Интернационала включительно), удерживая тем самым движение в контрреволюционной сфере. Это утверждение возможного сопротивления капиталу может быть понято из двух утверждений Бордиги: 1. марксизм – это теоретическое предвосхищение (Ср. «Историческая инвариантность марксизма»), 2. марксизм – это также теория контрреволюции (в этом он явно расходился с Коршем). Теперь, когда стадия контрреволюции миновала благодаря новому возрождению революции (1968), теоретический подход Бордиги можно считать преодоленным.

Теория диктатуры пролетариата, чьи корни восходят к якобинцам французской революции и Бабёфу, была подхвачена Буонарроти и в слегка иной манере Флорой Тристан, С. Борном и некоторыми чартистами, процветала у Бланки и его учеников (напр. у Ткачёва), присутствовала в чистом виде у Маркса, будучи определяющей как говорил Ленин (Бернштейн подвергал его яростным нападкам за неспособность преодолеть свой бланкизм), стала идеей-гегемоном у Ленина и большевиков и была усовершенствована Бордигой. Она утверждает, что деспотическое вмешательство пролетариата в экономический процесс может ускорить переход к коммунизму. Она превозносит политическое действие, которое должно сократить стадию капиталистического развития. Нельзя избежать способа производства, когда он установился. Так цикл, зародившийся в 1848-м, завершился теперь.

Дебаты, которые начались между сторонниками классовой революции и революции, которую можно было бы назвать коммунистической (народничество зародилось в 1848-м), закончились поражением обеих сторон и триумфом капиталистического класса, капитала, который лишь укрепляет свою победу в мистификации пролетариата, как правящего класса.

До сих пор коммунистическая революция развивалась на основе формального господства капитала над обществом, или скорее даже на основе его перехода к реальному господству. Поэтому надо чётко определить характеристики будущей революции, хотя бы лишь для того, чтобы отдать дань Бордиге, который завершил своё изучение России, определив

окончательную дату революции - 1975. Будущая, но не далёкая, революция будет находиться под непосредственным влиянием следующего факта: мировой капитал стремится к отрицанию классов. Он реализует его, обобщая наёмный труд, низводя всех людей до уровня наёмных работников, функционеров капитала, производя таким образом универсальный класс (в большом количестве и, потенциально, достигая тем самым своей цели). Необязательно чётко реструктурировать старые классы, но надо довести движение отрицания до его логического конца, уничтожить мистификацию. Именно таким образом можно было бы отобразить феномен, замороженный в одной из своих стадий, в то же время, не принимая в расчёт тенденцию государства воплощаться в обществе – это происходило во всех классовых обществах. Капиталистическое общество реализует эту тенденцию через КП и внутреннее усвоение господства капитала людьми из-за чего каждый становится полицейским для другого. Кроме того, более чем когда-либо мы далеки от абсолютного разрыва между капитализмом и его отрицанием, говоря исторически, между пролетариатом и человеком. Фактически дуализм присутствует в каждом из нас, в более или менее чёткой и подчеркнутой манере, даже в тех, кто бунтует против господства капитала, что заставляет некоторых говорить о том, что классовая борьба происходит даже на индивидуальном уровне. Дело уже не в классовой борьбе, но в борьбе мужчин и женщин против капитала, господствующего над человечеством, которое он сделал иерархическим в соответствии с собственной тотальной системой ценностей. Государство подобно социальному воплощению капитала, удерживающему всех людей под игмом внешних сил, т.е. под принуждением, осуществляемым каждым отдельным его органом (полиция, армия, репрессивные элементы в каждой производственной единице: всё является капиталистическим производством) и внутренним давлением, всё более интимным приятием представлений капитала на личном уровне.

Только всё человечество может восстать против угнетения капитала (противоречие заключается в том, что именно это человечество способствовало производству капитала). Столкновение с капиталом может произойти только если человечество революционизируется. Это произойдёт не благодаря объединённому фронту всех представителей сегодняшнего человечества (того, что называется пролетариат и средние классы и т.д.), потому что это означало бы приковывать всех революционеров к уровню классовой борьбы прошлого. Сегодня люди должны преодолеть свои старые представления и не воспринимать больше друг друга в соответствии с классовыми схемами, а осознавать своё общее состояние: состояние рабов капитала и через это понимание отыскивать время и место своего освобождения. Объединение человечества не может больше происходить лишь благодаря борьбе между двумя элементами, людьми с одной стороны (раньше говорили пролетариями) и капиталистическим государством (известным раньше как правящий класс) с другой, но оно должно происходить во всех нас, потому что все мы были капитализированы в различной степени. Если борьба утратит свой манихейский и миллениаристский характер, она всё ещё будет необходимой, становясь всё более жёсткой и яростной. Революция станет возможной только если будет происходить производство революционеров. Быть революционером сегодня значит быть уже не человеком прошлого, но существовать в состоянии возможностей самого общества. В настоящее время над ним господствует полюс капитала, коммунистический полюс слишком слаб для того, чтобы существовало противостояние, разделяющее это общество на два лагеря, но с того момента как движение автономизации человека по отношению к капиталу, а значит по отношению к государству (которое рассматривается в соответствии с его характеристиками), приобретёт некоторую глубину, общество также будет поляризоваться по отношению к коммунизму вплоть до того момента, когда напряжение станет слишком сильным и произойдёт взрыв революции. Революция больше не обладает непосредственной задачей выстраивать государство, даже переходное. Не может больше быть диктатуры пролетариата, потому что он растворился в социальном

целом, в любом случае, он может одержать триумф только отрицая себя. Целью является формирование новой общности. В апреле 1917-го Ленин стремился к реализации государства, которое бы уже не было государством: государства-коммуны. Теперь ситуация созрела для появления общности, способной установить свою диктатуру в целях уничтожения капитала и его предпосылок.

Так, если у пролетариата в России была романтическая задача, как Бордига говорил в 1953-м (Кибальчич утверждал это в 1881-м), а в 1968-м мы написали, что "пролетариату больше не нужно выполнять свою романтическую задачу, но лишь свою человеческую роль", надо показать, как это может быть реализовано. Ясно, что это выходит за пределы исследования русской революции, но следует также указать, что в огромной России, теперь в СССР, единственным решением был и остаётся коммунизм потому что, в отличие от Запада, где общество как целое, или, по крайней мере, как его важная часть, было способно наслаждаться благоприятной ситуацией после феодализма, в России произошёл немедленный переход от одного деспотизма к другому (невозможность либерализма и демократии). Борьба русских должна была вновь обнаружить общины и то, что на Западе было смутным воспоминанием у них всё ещё оставалось осязаемой реальностью. Проект народников, а также Маркса, сел на мель, и стране был навязан КСП. Однако мы абсолютно убеждены, что этот проект проявится в иной форме, все энергии не могут быть посвящены спасению чего-то из прошлого, они должны быть посвящены созданию будущего. И здесь Запад и СССР неизбежно встретятся снова.

Великая революционная волна, чья кульминация произошла в Париже и Мексике в 1968-м, обошла стороной СССР, и серьёзные эффекты произошли только в тампонных странах. Однако сила этих потрясений была таковой, что в 1970-м произошло восстание в Польше, указывая на то, что старая борьба между коммунистической революцией и капиталом всё ещё не закончилась. Кроме того, азиатские страны, напрямую граничащие с линией сброса или удалённые от неё, всё ещё не были приручены. Это означает, что мы должны рассматривать две серии противоречий на мировом уровне, те, которые порождает КСП на самой высшей стадии своего развития, и те, что возникают из невозможности реализовать его господство в регионах с очень сильной общинной составляющей.

Для того чтобы охарактеризовать будущую революцию, надо понять, как осуществляется господство капитала сегодня, особенно на Западе.

Процесс антропоморфоза капитала завершился, в то время как процесс капитализации людей находился в стадии полного развития. Развитие капитала подразумевало пользу (маргинальность и нео-маргинальность), вот почему он может предвидеть поведение людей, в то время как они полностью подчинены законам капитала. Господствуя от имени производительных рабочих (Кейнс и теория полной занятости), он реализует пролетарский правящий класс в мистифицированной форме. Так была реализована программа 1848-го.

Капитал извратил всю революцию, все требования были приняты и лишены субстанции, общинное движение в СССР, утопическое движение в США и Израиле (нельзя забывать, что эта страна могла быть создана только после поражения пролетариата, евреи освободились как евреи, а не как люди, произошло уничтожение коммунитарного проекта Бунда, потом проекта Борохова, даже если оба эти проекта были менее радикальны, чем проекты 1848-го), даже упразднение труда стали теперь утопией капитала, потому что они сделали бы людей более поверхностными, лишив этих людей их собственной деятельности. Схожим образом желание создать новые отношения между мужчинами и женщинами превратилось в сексуальную эмансипацию и, как всегда в буржуазно-

капиталистическом обществе, мужчина и женщина освободились не как мужчина и женщина, но как два пола, что сделало возможной коммерциализацию всех эмоциональных и сексуальных отношений.

Но капитал не удовлетворяется поглощением и преобразованием всего человеческого прошлого, бессознательное людей становится меркантильным кормом, обсуждаемым различными акулами психоанализа. Капитал хочет колонизировать будущее вида и лишить его любой возможности иного развития, заперев его в жёсткую клетку тотально программируемой повседневной жизни, достигая таким образом, абсолютного господства над человеком.

Революционные движения всё ещё держатся прошлого (слово революционный – это лишь стилистическая уступка здесь) и способствуют омоложению капитала (триумф идеологий третьего мира). Они не могут сделать скачок или осознать и принять разрыв, как нарушение продолжительности, потому что прошлое висит кошмаром на сознании живых людей. В настоящее время можно увидеть маятник истории в движении, подъём революционных движений, репрессии, застой этих движений, взлёт капитала, по крайней мере, американского капитала, в течение этого периода, затем ещё один подъём и т.д... США и СССР пытаются извлечь выгоду из этих колебаний, как это можно видеть в Латинской Америке, но движение, которое каждый раз пытается противостоять существующему порядку, натывается на стену, возвращается к отправной точке и вновь направляется к этой стене, которой оно одержимо... Это всеобщий тупик. В некоторых случаях это ещё хуже: происходит простая и чистая бойня, напр. бойня палестинцев, в которую совершают прямой или косвенный вклад арабские страны, Израиль и международное `левое крыло'. Международное `левое крыло' вводит в заблуждение само себя и палестинцев в отношении своей силы: это `левые', которые ищут своего революционного события, своего Вьетнама!

Нынешнее революционное движение не должно ни бороться против этих извращений, ни изгонять менял из храма, который надо занять. Всё, что было извращено, могло быть реализовано и без радикальной революции. Надо действовать в предвосхищении последней. Достигнув этой точки, часто встречаешь следующее возражение: капитал способен интегрировать всё. Но это как раз атрибут всех социальных формаций, борющихся со своей ограниченностью – они пытаются выжить, включив в себя, образно говоря, антагонистическую социальную формацию, но, делая это, она становится формой полной чуждого ей содержания, которая рассыпается при первом же потрясении и позволяет потрясти новую социальную форму в стремительном движении. Капитал вступил в сферу революции до такой степени, что некоторые уже говорят, что новая контрреволюция способна положить конец загрязнению окружающей среды, осуществить демографическое регулирование и т.д., даже когда никакой видимой революции не происходит. Когда происходит революция, есть только революционеры: защищать старый мир некому. Только когда движение замедляется, самоорганизуется контрреволюция. Но было бы неправильно бояться интеграции: надо быть способным жить, поддерживая тесную связь с разрывом, потому что будущая революция станет великим разрывом по отношению ко всему прошлому.

Мы до сих пор не предпринимали подробного описания разрыва с прошлым. Но данное объяснение не должно говорить о нём, как о настоящем или будущем движении. Теперь последнее чётко проявилось в течение короткого периода мая-июня 1968-го, которому предшествовала стадия, когда было уже возможно предвосхитить его и за которой последовали утверждающие его события (напр. Польша 1970 г., Шри-Ланка 1971 г.). Весь идеологический аппарат борется за то, чтобы завуалировать этот разрыв (нет ничего

лучше, чем интеграция в этом смысле и неважно какой именно министр говорит об изменении жизни, о власти воображения!). Все политические банды отрицают его, потому что признать его означало бы признать их собственную смерть. Некоторые люди, которые пробудились как революционеры в мае 1968-го, теперь обнаруживают, что это было реформистское движение. Произошёл глубокий разрыв, потому что он достиг самых корней человека. Май провозгласил освобождение действия, слова и воображения. Первые два уже были освоены капиталом в ходе его антропоморфоза, и теперь он пытается удалить третье, потому что именно благодаря воображению, использованию передней части мозга (нео-кора) люди действительно способны быть создателями и реализовать старую мечту человечества: стать богами. Май также потребовал освобождения индивида. Здесь опять это случай процесса, укоренённого во всей эволюции человека. Только благодаря своей индивидуальности человек может освободиться и перестать быть рабом вида. В обоих случаях биологическая революция может свершиться только вместе с тотальной коммунистической революцией. Так, цикл, начавшийся с разложением примитивного коммунизма (первая форма реализации человечества) закончится вместе со всей предысторией. Кроме того, будет достигнут другой цикл (историческая дуга) с гораздо более высокой амплитудой, чем тот, что начался с появлением позвоночных, с освобождения передней части человека (руки и лицо), освобождения последней от хватательных рефлексов и компенсации этой утраты у антропоидов через развитие речи и т.д., который приведёт к процветанию биологического субстрата воображения²⁸.

Очевидно, что мы собираемся не только отметить важность биологического измерения, потому что описывать его было бы слишком долго, но также предвидим возражения. Говорить о биологической революции не означает, что её должны вести за собой учёные, или что нужно ждать, когда целый социальный мир обретёт требуемое знание, которое позволит ей произойти. Напротив, мы хотим отметить тот факт, что учёные и техники различных специальностей ставят проблему социального переворота, желают решить её, даже разрабатывают рецепты против него, основанные на элементах их специальностей. Это показывает, что социальная группа, наиболее приближенная к глобальному производственному процессу капитала (капитал не может жить без науки) вынуждена отделяться от современного *Gemeinwesen*, как говорил Маркс, тем самым подтверждая, что революционное движение всё-таки происходит. Революцию могут вести не учёные как таковые, потому что они всё ещё мыслят в рамках предрассудков об этом *Gemeinwesen*. Как всегда, именно наименее знакомая с наукой группа будет способна уничтожить КСП своим действием. Движение Мая показало это: на улицах проповедовали и на стенах писали освободительные лозунги отнюдь не учёные.

Май 1968-го и предшествовавшее ему движение в США, показали в первую очередь новое биологическое измерение: потребность примирения человека с природой. С другой стороны, выводя на передний план действие, отрицая все идеологии и даже отказываясь от теории, движение показало ещё одно требование в желании утверждения жизни. Западная цивилизация с самого начала преобразовывала всю жизнь в знание, но теперь надо преобразовать всё знание в жизнь (как это показал Ницше). Общество капитала – это

---

²⁸ Ср. Леруа-Гурана, который показывает феномен овнешнения действия и речи в своей великолепной книге *Le Geste et la Parole* (Действие и речь, прим.пер.) и как техника, порождаемая человеком становится его врагом; овнешненное становится угнетателем. Заменяя технику капиталом и показывая, с какого момента эта замена становится необходимой, можно понять нынешнее столкновение между биологическими человеческими потребностями и ограничениями капитала. Мы вернёмся ко всему этому позже. На ту же тему отметим книгу Дж. Чезарано и Дж. Коллу под названием *Arcalisse e rivoluzione* (Бари, 1973).

правление смерти и было бы легко показать, что капитал, как овеществлённая (sachliche), автономизированная форма является лишь абсолютным знанием!

Надо упразднить старый процесс познания, подразумевающий, что уничтожение необходимо ради знания. Для этого индивид должен примириться сам с собой, примирив мозг и чувства, а также прийти к взаимному примирению как вид. Будущая революция интегрирует потребности прошлых. Коммунистическая теория, рождённая с появлением пролетариата в истории не должна быть отвергнута, напротив, сейчас она лучше всего доказана, но она не может быть реализована иначе, чем через радикальную революцию, как утверждал Маркс начиная с 1843-го, изменяя общество и человека.

Революция не просто решит проблему, порождённую КСП, но также все проблемы, скрыто присутствовавшие в ходе развития человеческого общества (напр. возвращение к язычеству, бунт тела против духа, см. Норманн О. Браун *Life against Death*, London, 1959). В СССР община, искомая с середины прошлого века, была скрыта революцией 1917-го. Она вернётся снова как безудержное требование и как позитивное разрешение для человеческого развития, присоединяясь к движению на Западе и, отталкиваясь уже от иных социально-исторических фактов, во всём мире. Огромная община мужчин и женщин не уничтожит, а поглотит (в их собственном развитии) все различия между людьми.

Жак Каматт,

Декабрь 1972

О революции

Различные группы, появившиеся после 1945-го, все отказываются признать смерть старого рабочего движения. Это означало бы самоотрицание. Что не мешает им говорить, интерпретировать и теоретизировать о ней под названием кризиса рабочего движения, которое, как правило, рассматривают как кризис революционного руководства. Очень редко причины этой смерти ищут в самом классе, поскольку тогда пришлось бы отрицать утверждение о том, что пролетариат интегрирован в общество и оставил свою миссию (как уже говорил Троцкий в 1939-м в «СССР и войне»). Некоторые интерпретировали этот феномен объяснениями о том, что капитализм изменился, став государственным или бюрократическим капитализмом, но пролетариат остаётся неизменным и сохраняет свою миссию – отсюда плагиат «Манифеста коммунистической партии» группой «Социализм или варварство». Мы не протестуем ни против сочинения нового манифеста, ни даже против копирования образца 1848-го, ради неприкосновенности классических текстов, но хотим прояснить ограниченность самой идеи. В этой перспективе следует отметить Ситуационистский Интернационал, появившийся несколько лет спустя и действовавший в той же манере. (По контрасту, *Potere Operaio* и *Lotta Continua* предлагают нео-ленинизм.)

Были и люди²⁹, которые осознали поражение пролетариата в 1945-м, вывели из этого бессодержательность миссии пролетариата и пришли к отрицанию теории Маркса. Они заявляли (и тысячи разных теорий в этом духе возникли потом) что пролетариат исчез из высокоразвитых индустриализированных регионов и теперь маргинальные группы или даже крестьяне бунтующие

---

²⁹ Напр. Prudhommeaux. Ср. «Invariance» II серия, № 1 стр. 33-4.

в зоне, не задушенной капиталом, должны завершить пролетарский проект, возрождая революционную динамику.

Бордига также полностью осознал поражение пролетариата и оргиастическое развитие капитала после 1945-го. Вот почему он написал «Мы уже много раз говорили, что манифест является апологией буржуазии, и сегодня, после Второй Мировой войны, и пожирания российской революции, мы должны добавить, что надо написать новый» («Марксизм заик», 1952 г.) Развитие мирового капитала на мировом уровне, по его мысли, должно численно увеличить пролетариат и кризис, причинённый экстраординарным бумом подтолкнёт к действиям пролетариат, особенно в Германии. Эту страну считали центром будущей революции.

Различные экономические спады, а также контрудары антиколониальных революций не привели ни к какому возобновлению революционного брожения в Западной Европе и США. Пассивность пролетариата казалась ещё более перманентной в начале 60-х. Теория и практика таких групп как немецкие SDS, схожие группы в США, Дзенгакурэн в Японии, ставили перед собой цель разбудить революционную силу пролетариата своим примером. Они (особенно элементы в SDS) осознавали значение поражения и считали, что рабочее движение было отброшено на 100 лет назад. Они интуитивно чувствовали начало новой эпохи... Вот почему они исчезли на повстанческой стадии, кульминация которой произошла в Париже и Мехико в 1968-м, иначе они были бы выхолощенными позже. Распад SDS в 1970-м подвергся критике, но это было единственное доказательство ценности их предыдущей деятельности. Они должны были исчезнуть с появлением новой революционной волны. То же произошло с маоистским движением во Франции, которое парадоксальным образом, если не считать нескольких мелких изолированных групп, лучше всего выразили собой спонтанное движение, родившееся из Майского кризиса. Катастрофическая жизнь маоистских организаций стала наилучшим доказательством надвигающегося процесса. Они увязли в идеологии, которую они извлекли из китайской культурной революции, пытаясь применить её к революционным потрясениям Мая и после. Но содержание каждый раз оказывалось сильнее оболочки и взрывало её. Желание быть с бунтующими массами всё больше приводило их к смене позиций (в той мере, в какой социальная борьба переходила от одной группы к другой) и к присоединению к множеству требований, которым они изначально противостояли или игнорировали – к борьбе против профсоюзов, рассматриваемых как фундаментальные организации в деле навязывания капиталистического ига, за освобождение женщин, за сексуальную революцию и т.д... Иными словами, их политическая фразеология начала шелушиться и спала столкнувшись с общими потребностями; им пришлось признать, что революция – это не просто политический вопрос, но подразумевает тотальную перемену способа производства и жизни, а захват власти это лишь момент революции, причём сведение всего к этому моменту означает просто неудачу в осознании всех измерений человеческого бунта, всех измерений революции.

После потрясений Мая, которым предшествовали крупные движения, развившиеся в областях с различными историческими ситуациями, в Китае и на Западе, и за которыми последовала широкомасштабная борьба в Италии, первые дикие стачки в Германии, забастовки в Кируне, бунты в Польше в конце 1970-го, крупное восстание в Цейлоне в 1971-м, пролетариат оказался запутанным в своих группах, как в дебрях старого рабочего движения (группирующих сотни тысяч рабочих, как ФКП, или по несколько сотен). Они организуют прошлое, чтобы продолжать его и помешать любому реальному движению борьбы, что не мешает некоторым из них, как ФКП и СП во Франции, менять свою программу для соответствия поднимающейся революционной борьбе.

Когда эти люди работали над пробуждением пролетариата от летаргии, выходили на демонстрации и боролись в течение нескольких прошлых лет, были ли они просто игрушками в руках иллюзий, или просто боролись за то, чтобы захоронить революцию как можно надёжнее? Скажем, что отныне они похоронили это прошлое, что они ликвидировали иллюзии в исчезнувшем мире.

Пролетариату было нанесено крупное поражение в 1945-м, но его нельзя было преодолеть, предлагая действия, соответствующие задачам пролетариата в данный период, но не имеющие отношения к настоящей ситуации. Поражение 1945-го означало для пролетариата невозможность

подменить или заменить собой капитал на славянских и прочих территориях, что стало очевидным после 1945-го, и не дать капиталу реализовать своё реальное господство на социальном уровне, в первую очередь непосредственно на Западе, затем на всей планете (до такой степени, что он становится высшей формой, доминирующей над другими). Мы говорили, что капитал может достичь этого, реализуя господство непосредственного бытия пролетариата – производительного труда.

Это подразумевает полный разрыв со всем, чем была теория и практика рабочего движения до 1945-го и, при том, что с 1923-го по 1945-й происходило лишь повторение событий периода между 1917-м и 1923-м, мы можем модифицировать наше предложение и сказать, что мы должны порвать с теорией и практикой рабочего движения до 1923-го.

Это, однако, не означает предложения выстраивать новое движение, отталкиваясь от остатков различных элементов старого пролетарского движения. Это ни в коем случае не означает ни написания нового манифеста, новой программы и т.д., ни возвращения к Марксу путём копирования его позиций, считая их более революционными. Возвращение к чему-то часто является бегством от чего-то ещё, от современной реальности. Фактически, оно состоит в осознанном отказе от отдельных частей работы Маркса, опускаемых потому что они были реализованы.

Работа Маркса, в общем, очерчивает три великих периода человечества с подотчётными разрывами между ними: переход от феодализма к капиталистическому способу производства, развитие этого способа производства и становление коммунизма. Эта работа также имеет отношение и к иным моментам в истории человеческого рода (до-капиталистические формации), но наиболее полно Маркс описывает период формального господства капитала. В «Манифесте», «Гражданской войне во Франции», в четырёх томах «Капитала» и в «Критике Готской программы» присутствует революционный реформизм Маркса, принимавшего во внимание возможности общества того времени. Это не помешало ему описывать полностью реализованный коммунизм (ср. «Комментарии к книге Милля» и определённые моменты в Grundrisse) и демонстрировать самые главные элементы перехода к реальному господству капитала, фундаментальные характеристики того периода; но он оказался не способен произвести работу над синтезом (неслучайно «Капитал» остался незаконченным). С большими на то основаниями, он не стал описывать революционное становление коммунизма в момент достижения капиталистическим способом производства реального господства (причём последнее он описал подробно, как и переход к нему на основании формального господства).

Многие отвечают на это, что было бы неверным утверждать, что Маркс дал все необходимые указания, потому что, в любом случае, даже во время реального господства, будут существовать классы, а значит партии, что поэтому революционный класс должен будет учреждаться в партию и т.д.

Мы не отрицаем, что существуют инварианты, но:

1) следует установить границы инвариантности, в смысле пространственно-временной делимитации с тем, чтобы инвариант класс не занимал такое же большое место как инвариант населения или производства (эти инварианты были названы *verständige Abstraktion* в предисловии 1857-го).

2) развитие, становление, происходит отталкиваясь от частичного, а не от обобщений; поэтому следует изучать новую предрасположенность.

На ещё более глубоком уровне, мы должны, благодаря этому хорошо определённому реальному господству, вновь обратиться к теории Маркса в её ключевых моментах и вновь обнаружить некоторые фундаментальные пункты, ранее опущенные, забытые или просто вычеркнутые из анализа, потому что они были недопонятыми. Это не герменевтика, а постоянно возобновляемые попытки конкретно и чётко описать, что мы имеем в виду под коммунизмом как теорией, чьим незаменимым элементом является работа Маркса.

Эта теория объясняет становление человечества в качестве коммунистических сообществ, чьё единое целое формировал примитивный коммунизм, их разложение меновой стоимостью и её автономизацией, ставшей возможной только когда производительные силы развились до определённого уровня. Это движение уничтожило сообщества и одновременно породило индивидов и классы. Его триумф, однако, не является фатальным, и есть многочисленные свидетельства о том, что старые сообщества иногда добивались преобладания. Тем не менее, оно одержало триумф на Западе, с античным способом производства, но было затем поглощено феодальным способом производства. Только на периферии феодального общества меновая стоимость могла обрести жизненную энергию и дать дорогу капиталистическому способу производства, который мог обрести господство над производственным процессом только при отчуждении людей от их средств производства. Это отчуждение Маркс называл первой концепцией капитала. Так капитал реализовал то, чего не могли реализовать деньги, а именно установление материального сообщества через принятие на себя всей человеческой материальности, антропоморфоз капитала, с овеществлением и капитализацией людей. Этот процесс был завершён формированием фиктивного капитала, и, следовательно, фиктивного сообщества, в котором человек был полностью заблокирован механизмом капитала, осязаемо-неосязуемым бытием. Человек был полностью опустошён, его созидательная энергия выкачана и высосана, и он был отвержен даже от старого способа производства. Он становится маргинальным по отношению к капиталу, его отходом. Капитал становится автономным и преодолевает свои ограничения (нечто вроде сверх-интеграции), но он не может делать этого без человека, без своих необходимых отходов. Они являются ограничением для капитала. Постоянно возрастающее угнетение, прямое или косвенное уничтожение природы, приведёт пролетариев из универсального класса к бунту против капитала. Поэтому, они не могут больше черпать свои силы в прошлом или из человеческих основ, которые надо было бы сохранить в этом обществе, потому что должно быть уничтожено всё. Они должны создать движение своего освобождения, они не могут брать взаймы у старых схем, их партией может быть только партия-Gemeinwesen (нем. филос. термин, «бытие-вместе», прим. пер.), а она не сможет функционировать, если будет взывать к принципу централизации, или к её противоположности, федерализму. Вполне возможно, что восстание универсального класса напрямую создаст организмы, соответствующие коммунистическим возможностям в этом обществе, т.е. они сформируют сообщества, осуществляющие абсолютно отличную от этого общества практику. Невозможно предвидеть детали этого феномена, но мы уже можем воспринимать его как единственную возможность в борьбе против сообщества капитала (тенденция к объединению различных отчуждённых видов деятельности, формирование иного единства промышленности и сельского хозяйства, иных отношений между мужчиной и женщиной) и помимо этого, сам момент революционного взрыва определит происхождение более или менее развитой формы.

Движение меновой стоимости встретило дальнейшие трудности в своём триумфе вне Запада. Маркс не думал, что капиталистический способ производства должен был развиваться в России. Он думал, что, напротив, община, с её особенностями, могла стать поддержкой для прививания коммунизма после победной революции на Западе. В любом случае, он не думал, что капиталистический способ производства сможет легко одержать триумф на славянских территориях, настолько сильной, по его словам, была жизненная сила общины. Столыпинские реформы и развитие капиталистического способа производства в промышленности заставили Ленина и большевиков совершить ошибку. Они недооценили жизненную силу и способность общины к сопротивлению. Община возможно меньше фигурировала в статистике, но она ещё не была уничтожена как поведение населения, привыкшего к определённой среде. Это привело к ошибочному отношению к крестьянству в желании насильно навязать ему развитие капиталистического способа производства (ср. вопрос украинского восстания и Махно, а также многогранную полемику на тему большевистского желания ускорить историческое развитие).

Деспотизм царя был заменён деспотизмом капитала, который мог быть реализован ценой пугающих репрессий рабочих и крестьян. Эти репрессии постоянно возобновлялись, словно тенденция к коммунизму была неустранимой.

Движение меновой стоимости в Азии несколько раз устремлялось к автономности. Формировались классы и индивиды, но, в конце концов, только через внешнее вмешательство капиталистических стран смог развиваться капитал. Однако, он господствует над обществом

формально, и мы живём в особенно важный период его перехода к реальному господству, благодаря усилиям мирового капиталистического сообщества, представленного американским капиталом. Азия может добиться равновесия только если старые базовые и центральные сообщества сменяются сообществами капитала, к тому же теперь, из-за слабости мирового революционного движения, мы должны исключить немедленное становление коммунизма.

По определению, вся человеческая история является историей утраты общности, более или менее укоренившейся в природе (отсюда преклонение перед природой), под воздействием меновой стоимости; борьба против неё в форме денег (общий эквивалент, универсальные деньги); затем капитал в качестве репрессивного сообщества ставит перед человеком необходимость его уничтожения в реальном человеческом *Gemeinwesen*; человеческом существе как универсальном полюсе и социальном человеке, как индивидуальном полюсе, а также в их гармоничной интерпретации.

Таков коммунизм, теория пролетариата в её классическом смысле, и в смысле универсального класса³⁰, который уже является отрицанием в терминах класса и его инвариантности.

Мы всегда можем лучше определить, чего не хватает в работе Маркса с этой точки зрения и одновременно осознать элементы, помогающие нам понять в фундаментальном смысле настоящее реальное господство капитала, переворот всех исходных посылок и их замена посылками капитала, который по достижении своего реального господства плодит преступность и безумие.

Работа над этим синтезом важна, но это будет лишь частичная деятельность если нельзя будет одновременно попытаться увидеть, что этот синтез уже исподволь присутствует в проявлениях различных элементов, хотя бы и всё ещё в форме группировок.

Май стал рождением революции. С тех пор в универсальном классе, т.е. всё ещё в классе капитала = собрания 'рабов' капитала, началась борьба, революционизирующая этот класс и способствующая его становлению как партии-сообщества, первому моменту его самоотрицания. Это противоречивое движение является фундаментальным процессом уничтожения прошлого; этот класс не может представлять сам себя, не уничтожив старые определения и представления. Ясно, что зачастую это происходит в комичной манере, потому что прошлое отрицается только тогда, когда оно проходит через своё пародийное возрождение, например, в виде возрождения немецкого и русского левого коммунизма.

Именно на социальные различия, созданные капиталом, поддерживавшие их сознание, опирались американское («Чёрные Пантеры», Йиппи), немецкое и французское революционные движения в мае 1968. Противостояние между рабочим и средним классом, основанное на разделении между производительным и непроизводительным трудом, производством и распределением, производством и потреблением, было взято Марксом в качестве основы для его видения социалистической революции и диктатуры пролетариата. Это противостояние было в перспективе развития капитализма не меньше, чем диктатуры пролетариата: распространение условий жизни производительного рабочего. Эта перспектива теперь реализована и революционный потенциал 1848-го истощился. Производство для капитала стало жизненным фактом для всего населения. Но каждой отдельной ситуации в процессе капитала соответствует «классовое» видение, противопоставляющее белых и голубых воротничков, физических и интеллектуальных, чёрных и белых рабочих; рабочих и мелких буржуа; как противостоят друг другу банды капитала³¹.

---

³⁰ Универсальный класс может быть организован капиталом – это его собственный способ отрицания классов, но он может начать делать это с того момента как он ионизируется, мигрирует к коммунистическому полюсу общества.

³¹ Лидеры КПФ больше всего привержены удерживанию пролетариата в его социальном гетто. Они считают его своей частной собственностью, поэтому они постоянно говорят о его «характерных чертах» и «добродетелях». Они свели его до ревностно охраняемой жертвы своего рэкета. Достаточно взглянуть, как они начинают лаять, когда другие рэкетеры пытаются вторгнуться на их территорию.

Движение во Франции и Германии рассматривалось как движение среднего класса, просто детонатор возможного движения, которое могло быть только рабочим, его никогда не рассматривали как движение универсального класса. Оставалась непонятой тождественность ситуаций каждого в капитале и по отношению к нему. Однако, движение 1968-го стало доказательством исчезновения средних классов, как их рассматривал Маркс, и началом человеческой борьбы против капитала.

Рабочий класс, категория капитала, будет всё больше оставлять старые партии, не учреждаясь в новые организации, но, претерпевая метаморфозу, которая позволит ему соединиться с другими элементами универсального класса.

Только те, у кого есть ностальгия к прошлому, могут заявлять, что майское движение 1968-го было тестом, те, кто неспособен представить себе революционный процесс, который занял бы несколько лет до своего завершения. После мая началось движение производства революционеров. Они начали понимать существующую потребность в революции, представление капитала, паразитирующее в мозгах каждого, которое должно быть уничтожено. Это произойдёт не благодаря Вмешательству сознательных групп, навязывающих новое представительство нашим одурманенным мозгам и не реализуется единым ударом в день светопредставления, избранный судьбой, но произойдёт после долгой борьбы, которая охватит каждую грань и все сферы жизни, навязанные нам капиталом. Реальной действенной борьбе не помешают заблуждения марксистского/психоаналитического/структуралистского бреда, а также вопросы о том, будут ли объективные условия всегда зрелыми, а субъективные нет, необходима ли организация и какова её наилучшая структура и самое полезное применение. . . Этот бред является мечтой капитала; вечно перманентная революция, потому что она не развивается, всегда сдерживается таинственной «нитью»: недостатком определённых объективных условий, несостоятельностью определённой теории.

Революцию не следует ждать, потому что она уже началась. Её не замечают те, кто ждёт её, дожидаясь определённого знака, «кризиса», высвобождающего крупное повстанческое движение, которое смогло бы произвести ещё один существенный знак, формирование партии и т. д. . . . Нарушение равновесия началось до Мая 1968-го и Май лишь вывел его на поверхность, потому что на всех уровнях целого жизненного цикла капитала, также происходят «осечки», ещё не превратившиеся в кризисы в старом смысле слова, но позволяющие пролетариям уничтожать условия своей одомашненности. Возрастающее убывание реального подчинения капиталу позволит нам поставить истинный вопрос революции, не об изменении жизни, потому что вся жизнь порабощена, одомашнена, утрачена тысячелетним существованием классов, но о созидании человеческой жизни.

(«Invariance», 2 серия № 2, апрель 1972 г.)

Демократическая мистификация

Наступление пролетариата на цитадели капитала обладает шансом на успех только при том условии, что пролетарское революционное движение покончит с демократией раз и навсегда. Демократия является последним прибежищем для всех отречений и предательств, потому что это первейшая надежда тех, кто верит в очищение и усиление современного движения, прогнившего до основания.

5.1. Общий исторический феномен

«Общественная жизнь является по существу практической. Все мистерики, которые уводят теорию в мистицизм, находят своё рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики».

(Маркс, Восьмой тезис о Фейербахе)

5.1.1. В широком смысле слова, можно определить демократию как вид человеческого поведения, организацию тех, кто утратил своё изначальное органическое единство с общиной. Поэтому, она существует в течение всего периода, отделяющего примитивный коммунизм от научного.

5.1.2. Демократия зародилась в тот момент, когда появилось разделение между людьми и распределением собственности. То есть, она возникла вместе с частной собственностью, индивидами и разделением общества на классы, вместе с формированием государства. Следовательно она становится всё более чистой по мере того, как частная собственность всё более обобщается и классы проявляются в обществе всё более отчётливо.

5.1.3. Она предполагает общее благо, разделённое между всеми. Ограниченная демократия в античном обществе предполагала существование *ager publicus* и рабов, не считавшихся людьми. В современном обществе это общее благо более универсально (распространяясь на большее количество людей). Оно также более абстрактно и иллюзорно: это родина.

5.1.4. Демократия ни в коем случае не исключает власть, диктатуру, а значит государство. Напротив, государство ей нужно в качестве фундамента. Кто может гарантировать распределение, кто может регулировать отношения между индивидами, а также между ними и общим благом, если не государство?

В развитом капиталистическом обществе, государство также представляет себя в качестве хранителя перераспределения с двух разных углов: оно охраняет прибавочную стоимость от пролетариата и гарантирует распределение этой прибавочной стоимости в виде доходов, процентов, аренды и т.д., в различных капиталистических сферах.

5.1.5. Таким образом демократия подразумевает существование индивидов, классов и государства; с тем последствием, что в итоге она является способом

правления, способом господства одного класса и механизмом союза и умиротворения.

Вообще, с самого начала экономические процессы (процесс экспроприации) разделили человечество, объединённое в примитивную общину. Древние общественные отношения были уничтожены. Золото обрело реальную власть сменив авторитеты общины. Началось противостояние между людьми по материальным интересам, способное разрушить это общество навсегда. Демократия стала средством примирения врагов, в качестве наиболее подходящей политической формы для объединения того, что было разъединено. Она стала примирением между старой общиной и новым обществом. Мистифицирующая форма заключается во внешнем переустройстве утраченного единства. Мистификация оказалась прогрессивной.

В наши дни, на противоположном полюсе истории, экономический процесс привёл к обобществлению производства и людей. Политика, напротив, стремится к их разделению, для их поддержания в качестве простых поверхностей обмена для капитала. Коммунистическая форма становится всё более и более сильной в старом капиталистическом мире. Демократия представляется примирением между прошлым, всё ещё воздействующим на настоящее, и будущим – коммунистическим обществом. Мистификация реакционна.

5.1.6. Часто говорится, что зачатки (или даже формы, по выражению некоторых) демократии находятся у истоков жизни нашего рода, в примитивном коммунизме. Однако видеть проявление зачатков высшей формы спорадически проявляющейся в низшей форме является недоразумением. Эта «демократия» появилась в очень особенных обстоятельствах. Когда они исчерпали себя, произошёл возврат к предыдущей форме организации. Например: военная демократия в её самом начале. Избрание лидера происходило в определённое время и для особых задач. Как только они исполнялись, лидер вновь поглощался коммуной. Демократия, проявлявшаяся на время, поглощалась вновь. То же самое касается тех форм капитала, которые Маркс называл допотопными. Ростовщичество было архаичной формой того денежного капитала, который мог проявиться в античных обществах. Но их существование всегда было шатким, потому что общество защищалось от их разлагающего воздействия и упраздняло их. Только когда человек стал товаром, капитал смог развиваться на безопасной основе, и не мог уже быть поглощённым вновь. Демократия может появляться только с того момента, когда люди уже разъединены полностью и пуповина, соединяющая их с общиной разрезана; то есть, когда появляются индивиды.

Коммунизм иногда может проявляться в этом обществе, но он всегда

поглощается вновь. Он сможет реально развиваться только с того момента, когда будет разрушена материальная общность.

5.1.7. Демократический феномен ясно проявляется на двух исторических этапах: во время разложения примитивной коммуны в Греции; и во время разложения феодального общества в Западной Европе. Не подлежит сомнению, что в течение этого второго периода феномен проявляется с большей интенсивностью, поскольку людей реально низводят до статуса индивидов и их больше не объединяют античные социальные отношения. Буржуазная революция всегда появляется как приведение масс в движение. Отсюда возникает буржуазная проблема: как объединить и зафиксировать их в новых социальных формах. Отсюда, учрежденческая мания и вспышка права в буржуазном обществе. Буржуазная революция – это социальная революция с политической душой.

Во время коммунистической революции, массы должны будут быть уже организованными капиталистическим обществом. Они не будут искать новые формы организации, но создадут новое коллективное бытие, человеческую коммуну. Это ясно видно, когда класс действует во времени как историческое существо, т.е. когда он организуется в партию.

В коммунистическом движении часто говорилось, что революция не является проблемой форм организации. Для капиталистического общества, напротив, всё является организационным вопросом. Вначале своего развития, он предстаёт как поиск хороших учреждений; в конце его – как поиск наилучших структур для заключения человека в тюрьмах капитала: фашизм. В обоих своих крайних проявлениях, демократия лежит в сердце этого поиска: сначала политическая демократия, затем социал-демократия.

5.1.8. Мистификация – это не феномен, спланированный членами правящего класса, не их сознательная ложь. Если бы это было так, достаточно было бы простой адекватной пропаганды для её искоренения из человеческих умов. Фактически она действует в глубинах социальной структуры, в рамках социальных отношений:

«То, что общественное производственное отношение представляется как предмет, находящийся вне индивидуумов, и что определенные отношения, в которые эти индивидуумы вступают в процессе производства своей общественной жизни, представляются как специфические свойства вещи, — это извращение; эта не воображаемая, а прозаически реальная мистификация характеризует все общественные формы труда, создающего меновую стоимость»

(Маркс – «К критике политической экономики»)

Поэтому необходимо объяснить каким образом реальность является мистифицирующей как эта простая вначале мистификация становится всё большей и большей, достигая своего пика при капитализме.

5.1.9. Изначально, человеческая община подчинялась диктатуре природы. Ей приходилось бороться против неё, чтобы выжить. Диктатура была непосредственной, и община целиком подчинялась ей.

С развитием классового общества, государство выдает себя, как представителя общины и претендует на воплощение борьбы человека против природы. Однако, если учитывать слабость развития производственных сил, диктатура природы всегда эффективна. Она косвенна и опосредована государством и особенно давит на самые непривилегированные слои. Когда государство определяет человека, оно принимает человека из господствующего класса за субстрат человека по определению. Мистификация завершена.

5.1.10. При капитализме, есть первый период, когда, несмотря на захват власти буржуазией, капитал господствует лишь формально. Сохраняются многочисленные пережитки предыдущих социальных формаций, препятствующие господству капитала над всем обществом. Это эпоха политической демократии с её апологией индивидуальной свободы и свободной конкуренции. Буржуазия представляет её как средство для освобождения людей. Но это мистификация, потому что:

«В условиях свободной конкуренции свободны не индивиды, а капитал»

(Маркс, «Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.2)

«Отсюда... происходит та нелепость, что свободную конкуренцию рассматривают как конечное развитие человеческой свободы, а отрицание свободной конкуренции отождествляют с отрицанием индивидуальной свободы и основанного на индивидуальной свободе общественного производства. Это есть лишь свободное развитие на ограниченной основе — на основе господства капитала. Поэтому этот вид индивидуальной свободы есть вместе с тем полнейшее упразднение всякой индивидуальной свободы и полное порабощение индивидуальности такими общественными условиями, которые принимают форму вещных сил и даже сверхмощных вещей — вещей, независимых от самих индивидов, вступающих в те или иные отношения друг к другу. Раскрытие того, чем является свободная конкуренция, есть единственный рациональный ответ на превознесение свободной конкуренции со стороны пророков буржуазии или на проклятия в ее адрес со стороны социалистов»

(Маркс, «Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.2)

5.1.11.

«Демократия и парламентаризм жизненно необходимы буржуазии после её победы, одержанной посредством силы и террора, потому что буржуазия хочет править обществом, разделённым на классы»
(«Battaglia comunista» № 18, 1951 г.)

Ей потребовалось согласие для того, чтобы господствовать, потому что её господство не могло продолжаться исключительно благодаря террору. После захвата власти путём насилия и террора, пролетариату не нужна будет демократия, не потому что классы должны могут исчезнуть не сегодня - завтра, но потому что не должно будет оставаться никакой маскировки или мистификации. Диктатура потребуется для предотвращения возврата враждебного класса. Причём, захват пролетариатом государства является его собственным самоотрицанием себя как класса, так же, как и отрицанием других классов. Это начало объединения всего рода, формирования коммуны. Требовать демократии означало бы принимать потребность в согласии между классами, что значило бы подвергать сомнению тот факт, что коммунизм является разрешением всех антагонизмов, а значит согласием человека с самим собой.

5.1.12. С капиталом, экономическое движение больше не отделено от движения социального. Купля и продажа рабочей силы объединяются, но это ведёт к подчинению человека капиталом. Капитал устанавливается в виде материальной общины и у него нет иной политики, поскольку именно капитал организывает рабство людей.

До этой исторической фазы существовало более или менее чёткое разделение между производством и распределением. Политическую демократию можно рассматривать в качестве средства для более равномерного распределения продуктов. Но когда достигнута материальная община, производство и распределение связаны уже неразрывно. Императивы обращения воздействуют на распределение. Однако, обращение больше не является чем-то полностью внешним по отношению к производству, но является для капитала основным моментом всех его процессов. Именно капитал определяет условия распределения.

Все люди выполняют определённые функции для капитала, от которого фундаментальным образом зависит их существование. Через исполнение ими этих функций, люди получают распределённые определённым образом продукты через посредничество зарплаты. Так мы приходим к социал-демократии. Политика доходов является средством их достижения.

5.1.13. В период формального господства капитала (политическая демократия) демократия не является формой организации, противостоящей капиталу, это механизм, используемый капиталистическим классом для достижения господства над обществом. В течение этого периода все организационные формы, вовлечённые в эту борьбу, достигают одного и того же результата. Вот почему пролетариат может также на некоторое время вмешиваться и на этой территории. С другой стороны, противостояния могут также происходить внутри одного класса, например, между промышленной и финансовой буржуазией. Поэтому парламент становится ареной столкновения этих различных интересов. Пролетариат может использовать парламент в качестве платформы для обличения демократической мистификации и использовать всеобщее избирательное право в качестве средства для классовой организации.

Когда капитал достигает реального господства и устанавливается в качестве материальной общины, вопрос был разрешён: он захватил государство. Захват государства изнутри уже не стоит, потому что он является лишь:

«формальностью, *haut gout** народной жизни, некоей церемонией. Словный элемент есть санкционированная, узаконенная ложь конституционных государств: государство является-де интересом народа, или народ — интересом государства» (Маркс, «К критике гегелевской философии права», М: ПСС, т.1)

5.1.14. Демократическое государство представляет собой иллюзию контроля человека над обществом (что человек может управлять экономическим феноменом). Оно провозглашает человека суверенным. Фашистское государство является реализацией данной мистификации (в данном смысле оно может казаться её отрицанием). Человек не является суверенным. В то же время, фактически, это реально признанная форма капиталистического государства: абсолютное господство капитала. Социальное единство не может существовать в условиях разрыва между теорией и практикой. Теория говорит: человек является суверенным; практика утверждает: это капитал. Лишь постольку, поскольку последний не приходит к абсолютному господству над обществом, существует возможность неравномерного распределения. В фашистском государстве реальность подчиняет себе идею для того, чтобы сделать из неё реальную идею. В демократическом государстве идея подчиняет реальность для того, чтобы сделать из неё воображаемую реальность. Демократия рабов капитала подавляет мистификацию для того, чтобы лучше реализовать её. Демократы хотят подчеркнуть это, когда верят, что могут примирить пролетариат с капиталом.

Общество, обнаружив реальность своего угнетения (что упраздняет дуальность, диспропорцию между реальностью и мыслью), должно противопоставить ей

освободительное бытие, представляющее собой человеческую коммуну: коммунистическую партию.

5.1.15. Большинство теоретиков девятнадцатого века были государственниками. Они думали, что социальные проблемы можно решить на уровне государства. Следовательно, они были посредниками.

Они не понимали лишь того, что пролетариат должен не только уничтожить старую государственную машину, но также заменить её другой. Многие социалисты верили, что государство можно захватить изнутри, а анархисты считали, что его можно упразднить со дня на день.

Теоретики двадцатого века являются уже корпоративщиками, потому что они думают, что все проблемы разрешимы через иную организацию производства и его гуманизацию. Это имедиатисты. Их аргументы - косвенное доказательство теории пролетариата. Говорить, что необходимо примирить пролетариат с экономическим движением значит признавать возможность решения лишь на этой почве. Этот имедиатизм проистекает из факта, что коммунистическое общество постоянно усиливается внутри самого капитализма. Вопрос заключается не в примирении, но в уничтожении власти капитала, его организованной силы, капиталистического государства, поддерживающего частную монополию, когда все экономические механизмы ведут к её исчезновению. Коммунистическое решение находится посередине. Сама реальность уходит от государства, необходимо подчёркивать это и, в то же время, указывать на необходимость другого, переходного состояния: диктатуры пролетариата.

5.1.16. Развитие в сторону социал-демократии было обречено с самого начала:

«Пока власть денег не является отношением между вещами и людьми, общественные отношения должны быть организованы политически и религиозно» (Маркс)

Маркс всегда обличал обман политики и выявлял реальные отношения:

«естественная необходимость, свойства человеческого существа, в каком бы отчуждённом виде они ни выступали, интерес, — вот что сцепляет друг с другом членов гражданского общества. Реальной связью между ними является не политическая, а гражданская жизнь»

(Маркс, «Святое семейство», М: ПСС, т.2)

«Именно рабство гражданского общества по своей видимости есть величайшая свобода, потому что оно кажется завершённой формой независимости индивидуума, который принимает необузданное, не связанное больше ни общими узами, ни человеком, движение своих отчуждённых жизненных элементов, как, например, собственности, промышленности, религии и т. д., за свою собственную свободу, между тем как оно, наоборот, представляет собой его завершённое рабство и полную противоположность человечности. На место привилегии здесь стало право».

(Маркс, «Святое семейство», М: ПСС, т.2)

Вопрос демократии предстаёт в иной форме в виде фальшивого противостояния между конкуренцией и монополией. Материальная община интегрирует и то, и другое. С фашизмом (= с социал-демократией), также интегрируются демократия и диктатура. Это средство для преодоления анархии.

«Анархия есть закон гражданского общества, эмансипированного от расчленяющих общество привилегий, а анархия гражданского общества составляет основу современного публично-правового состояния, равно как публично-правовое состояние, со своей стороны, является гарантией этой анархии. Поскольку и в какой степени они противоположны друг другу, постольку и в той же степени они друг друга обуславливают»
(Маркс, «Святое семейство», М: ПСС, т.2)

5.1.17. Теперь, когда буржуазный класс, возглавивший революцию, приведшую к развитию капитала, исчез и сменился капиталистическим классом, живущим с капитала и его процесса увеличения стоимости, а господство капитала уже было гарантировано (фашизм) и благодаря этому нет больше необходимости в политическом согласии, т.к. оно поверхностно, но лишь в согласии экономическом (корпоративизм, доктрина о потребностях и т.д.), адептами демократии становятся средние классы. Чем больше разрастается капитализм, тем больше испаряется иллюзия о том, что с капиталом можно делиться управлением. Всё, что остаётся – это требование социал-демократии с политическими претензиями: демократическое планирование, полная занятость и т.д. Однако, созданием социальных гарантий, при одновременном поддержании полной занятости о которых оно говорит, капиталистическое общество достигает искомой социал-демократии: демократии рабов капитала.

С развитием новых средних классов, требование демократии приобретает оттенок – и только – коммунизма.

5.1.18. Изложенное выше касается Европы/Северной Америки и не относится к тем странам, в которых долгое время превалировала азиатская модель производства (Азия, Африка) или где она доминирует до сих пор (напр. Индия). В этих странах, не было производства индивидов. Частная собственность могла появляться, но она не могла стать автономной; то же самое касается индивидов. Это связано с гео-социальными условиями этих стран и объясняет неспособность капитала к развитию в них, постольку поскольку он не установил там своей общины. Если изложить это по-другому, то лишь достигая этой стадии капитализм способен заменять древнюю общину и завоёвывать огромные территории. Однако, в этих странах люди не могут вести себя так, как на Западе. Политической демократии обязательно избегают. В лучшем случае, здесь может быть социал-демократия.

Вот почему в этих странах, больше всего страдающих от установления капитализма, мы встречаем двойной феномен: примирение между реальным движением и древней коммуной, а также с будущей коммуной: с коммунизмом. Отсюда трудности в объяснении этих обществ.

Иными словами, огромная часть человечества не узнает демократической мистификации, такой, как её знают на Западе. Это позитивный факт для грядущей революции.

В случае с Россией мы имеем дело с переходным феноменом. Очевидны трудности, с которыми там установился капитализм. Ему понадобилась пролетарская революция. Там также, для западной политической демократии не было основы для развития и можно отметить, что там она процветать не может. Как на современном Западе, здесь возможна социал-демократия. К несчастью, также там, контрреволюция ввела свой яд в виде пролетарской демократии и, для многих, проблема революции обретаётся в нереализованности демократии.

Коммунистическая революция начнётся вновь, признав эти факты и их соответствующую значимость. Пролетариат возродится как класс, а значит как партия, преодолевая сковывающие ограничения всех классовых обществ. Человеческий род наконец-то объединится и сформирует единое бытие.

5.1.19. Все исторические формы демократии соответствовали стадиям развития, на которых производство было ограниченным. Различные революции, следовавшие одна за другой были частичными революциями. Экономический прогресс не мог происходить и развиваться, без классовой эксплуатации. Мы можем отметить, что с древности революции совершали вклад в освобождение увеличивающейся части человечества. Отсюда идея о том, что мы движемся к совершенной демократии, объединяющей всех людей. В результате многие

спешат вывести уравнение: социализм = демократия. Это правда, что можно утверждать, что с коммунистической революцией и диктатурой пролетариата, большая чем прежде часть человечества, войдёт в это царство идеальной демократии; и что путём распространения пролетарского условия на всё человечество, пролетариат упраздняет классы и достигает демократии («Манифест коммунистической партии» утверждал, что революция является завоеванием демократии). Однако, необходимо добавить, что этот крайний переход, это обобществление, является в то же время уничтожением демократии. Потому что в то же время, человеческая масса не остаётся в установленном статусе простой суммы индивидов, равных в правах если и не на деле. Это может стать реальностью лишь на очень краткий момент времени, из-за насильственного уравнения всех. Человечество установится в качестве коллективного бытия, Gemeinwesen. Такое бытие зародится вне демократического феномена и именно пролетариат, ставший партией, привьёт его обществу. Когда переходишь к будущему обществу, происходит качественная перемена, а не только количественная. Демократия – это «антимарксистская власть количества, неспособного, во веки веков, стать качеством». Требовать демократии в пост-революционном обществе будет означать требовать бессилия. Вдобавок, коммунистическая революция – это уже не частичная революция. Вместе с ней, заканчивается прогрессивное освобождение и достигается освобождение радикальное. Здесь опять происходит качественный скачок.

5.1.20. Демократия основана на дуализме и является средством его преодоления. Так, она разрешает дуализм духа и материи, равный дуализму великих людей и масс, через делегирование полномочий; дуализм между гражданином и человеком, через избирательный бюллетень и всеобщее право голоса. Фактически под предлогом допуска к реальности целостного бытия, существует делегирование суверенности человека государству. Человек лишает себя своей человеческой силы.

Разделение властей требует их единства, а это всегда требует нарушения конституции. Это нарушение основано на разводе между ситуацией на деле и ситуацией в правах. Переход от одного к другому заверяется насилием.

Демократический принцип в реальности является лишь приятием данного факта: отколом от реальности, дуализмом, связанным с классовым обществом.

5.1.21. Часто некоторые противопоставляют демократию вообще, пустую концепцию, форме демократии, которая станет ключевой для человеческого освобождения. Что является установленным фактом, чья характеристика не только противоречит её общей концепции, но должна стать её отрицанием? В реальности теоретизирование о некоей особой демократии (о пролетарской

демократии, к примеру) всё ещё уходит от качественного скачка. На деле, или искомая демократическая форма противоречит общей концепции демократии и таким образом является чем-то ещё (зачем тогда называть её демократией?), или она сочетается с данной концепцией и здесь может быть лишь противоречие качественной природы (например, что она включает большее количество людей), и из-за этого, она не выходит за рамки концепции, даже если она толкает их назад.

Этот тезис часто проявляется в форме: пролетарская демократия – это не буржуазная демократия и тогда начинают говорить о прямой демократии для того, чтобы показать, что в то время как второй нужен раскол, дуализм (делегирование полномочий), первая отрицает его. Будущее общество определяют таким образом как осуществление прямой демократии.

Это всего лишь негативное отрицание буржуазного общества, далеко не позитивное его отрицание. Оно всё ещё стремится определить коммунизм как форму организации, более адекватную для различных человеческих проявлений. Но коммунизм является утверждением бытия, истинного *Gemeinwesen* человека. Прямая демократия кажется средством достижения коммунизма. Но коммунизму не нужно такое посредничество. Вопрос не в том что иметь или делать, а в том чтобы быть.

«Invariance» №6, Серия 1

Против приручения

Время, в котором мы живём, несомненно, является самым критическим периодом, который когда-либо знало капиталистическое общество. Все черты, которые мы связываем с классическим кризисом, теперь присутствуют как перманентное состояние дел, хотя само производство не претерпело изменений, кроме ограниченного числа стран. Общественные отношения и традиционное сознание разлагаются вокруг нас, в то время как все институты общества продолжают гарантировать себе своё выживание, интегрируя противостоящее ему движение. (Очевидным примером здесь является католическая церковь, уже утратившая счёт всем «модернизациям», через которые она прошла). Можно было бы подумать, что насилие и пытки, ставшие эндемическими повсюду должны были бы заставить людей мобилизоваться и восстать против них с оружием в руках, но несмотря ни на что, они продолжают процветать на мировом уровне. В самом деле, сегодняшняя ситуация заставляет «варварство» нацистов выглядеть довольно непрофессиональным и архаичным. Все условия кажутся созревшими; должна произойти революция. Откуда тогда препятствия? Что останавливает людей от преобразования кризисов и катастроф, которые стали сами результатом мутации капитала, в катастрофу для самого капитала?

Объяснение этому можно найти в приручении человечества, которое происходит, когда капитал утверждает себя в качестве человеческой общности. Процесс начинается с фрагментации и разрушения человека, которого затем реструктурируют по образу капитала; люди превращаются в капиталистические существа и в конечном итоге капитал антропоморфизируется. Приручение человечества тесно связано с другим феноменом, ещё более усилившим пассивность человека: фактически капитал «ускользнул» от него.

Экономические процессы вышли из-под контроля, а те, кто мог повлиять на них, теперь осознают, что они бессильны перед их лицом: они были полностью обойдены. На глобальном уровне, бегство

капитала очевидно в монетарном кризисе³², перенаселении, загрязнении окружающей среды и истощении природных ресурсов. Приручение человечества и бегство капитала являются концепциями, объясняющими менталитет и деятельность тех, кто называют себя революционерами и думают, что могут вмешаться, чтобы ускорить пришествие революции: на деле, они играют роли, принадлежащие старому миру. Революция всегда уходит от них и, когда происходит какое-либо брожение, оно им чуждо и им приходится гнаться за ним ради того, чтобы их признали как «революционеров».

Долгое время человека, строго говоря, опережало движение капитала, которое он уже не способен контролировать. Это объясняет, почему некоторые думают, что единственным решением может быть уход в прошлое, как в случаях с модными увлечениями мистикой, дзэном, йогой и тантрой в США. Другие находят убежище в старых мифах, отрицающих тотальную и повсеместную тиранию науки и технологии. (Часто всё это сочетается с использованием какого-либо наркотика, дающего иллюзию быстрого пришествия мира, отличающегося от того ужаса, в котором мы живём³³). С другой стороны, есть люди, утверждающие, что только наука и технология могут предоставить ответы – которые объяснили бы, почему некоторые женщины в феминистском движении могут представлять себе своё освобождение через партеногенез или через производство детей в инкубаторах.³⁴ Есть также люди, которые думают, что могут бороться с насилием посредством лекарств против агрессивности и т.д. Все эти люди разделяют, в общем виде, предположение, что каждая проблема предполагает своё частное научное решение. Они в целом пассивны, поскольку приемлют тот взгляд, что человек является простым объектом для манипуляций. Они совершенно не готовы для создания новых межчеловеческих отношений (это то общее, что у них есть с врагами науки); они неспособны понять, что научное решение является капиталистическим решением, потому что уничтожает людей и открывает перспективу тотально контролируемого общества.

Теперь мы перейдём к категории людей, которые чувствуют, что должны «что-то сделать»: им нужно осознать, что их понимание ситуации абсолютно неадекватно, а их попытки скрыть этот факт лишь подчёркивает их бессилие. «Молчаливое большинство», из которого состоит остающаяся часть человечества, поражено уверенностью, что делать что-либо бессмысленно, потому что у них просто нет перспективы. Их молчание это не простое и чистое согласие, а скорее свидетельство их неспособности как-либо вмешаться. Доказательством служит то, что, когда они мобилизуются, это происходит не ради, а против чего-то. Поэтому их особенная пассивность негативна.

Важно отметить, что две группы, о которых мы говорили выше – активисты и молчаливое большинство – нельзя определять как просто левых и правых: старая политическая дихотомия здесь

---

³² То, что мы называем монетарным кризисом – это больше чем просто определение цены золота или придание ему новой роли; это также не просто вопрос установления нового общего эквивалента (совершенно нового стандарта) или установления чёткого паритета между национальными валютами, или интегрирования экономик в денежные рынки (капитал как тотальность — Маркс). Монетарный кризис касается роли капитала в его денежной форме, или, точнее, преодоление самой денежной формы, так же как и преодоление товарной формы.

³³ Он ещё хуже, чем «бессердечный мир», о котором Маркс писал в «Критике Гегелевской философии права».

³⁴ Предпосылка этого абсурдного требования – это предполагаемая биологическая неполноценность женщин, что является научной иллюзией. Наука обнаружила в женщинах дефект и заявляет, что именно наука должна излечить его. Если мужчины больше не нужны (благодаря партеногенезу) и если женщины также больше не нужны (поскольку эмбрионы и даже яичники можно разводить в колбах), тогда нам остаётся вопрос, есть ли вообще потребность в человеческом виде. Разве он не стал лишним? Эти люди верят, что можно решить все проблемы путём калечения. Почему бы не избавиться от боли, уничтожив органы чувств? Наука и технология не могут решить социальных проблем. Единственным эффектом их применения станет растущая поверхностность человечества. Очевидно, что никто не может выносить суждение о феминистском движении как о целом, ссылаясь лишь на обсуждаемый нами аспект. Феминистское движение обладает огромным значением в борьбе против капитала и мы надеемся поднять эту тему в будущем. Оно сделало замечательный вклад в критику капиталистического общества и традиционного революционного движения.

уже бездейственна. Путаница, которая возникает в связи с этим, тем не менее, важна по отношению к науке, потому что в прошлом левые были преданы науке, в то время как сейчас Новые Левые (например, в США) отвергают её. Однако лево-правая дихотомия продолжает жить среди старых группировок, левых и правых партий и политических рэкетиров прошлого, хотя эти противоположности уже не обладают никаким значением: так или иначе они равным образом защищают капитал. Самыми активными являются различные компартии, потому что они защищают капитал, будучи приверженными научным формам и рациональным структурам капитала.

Все левые и правые движения обладают одной и той же функцией, поскольку они участвуют в большем, более общем движении к уничтожению человеческого вида. Остаются ли люди с ограниченными устаревшими стратегиями и формами, подчиняются ли они механизмам технологии – результат остаётся тем же. В историческом смысле, левая и правая категории появились как дуализм в начале девятнадцатого века, когда капиталистический способ производства начинал обретать реальное господство над производительным процессом и становиться реальной социальной силой. Так, люди вроде Карлайла, оказались в оппозиции апологетам капитала³⁵, но именно Марксу выпала честь пойти дальше: он подтверждал необходимость развития производительных сил (а значит также науки и технологии) и, в то же время, обличал их негативное воздействие на людей в непосредственной ситуации. Но он считал, что в конечном итоге это приведёт к такому противоречию, при котором развитие производительных сил станет невозможным без уничтожения капиталистического способа производства. Тогда эти силы будут управляться самими людьми, и отчуждение отомрёт. Но это подразумевало бы, что капитал неспособен стать реально автономным, что он не может уйти от

---

³⁵ Борьбу человека против капитала рассматривали всегда лишь сквозь узкую призму класса. Единственным способом заслужить звание врага капитала было активное самоотожествление с пролетариатом; всё остальное считалось романтическим, мелкобуржуазным и т.д... Но сам акт мышления в классистских терминах означает, что любой отдельный класс ограничен пределами классового анализа. Это особенно важно, когда видишь, что миссией рабочего класса является уничтожение всех классов. Этим также избегается вопрос того, как этот класс совершит самоуничтожение, поскольку классовый анализ не позволяет извлекать какие-либо уроки из трагической интеллектуальной судьбы тех, кто противопоставил себя капиталу даже не признав и не поняв своего врага (как, например, в случае с Бергсоном). Сегодня, когда весь классовый анализ был лишён какой-либо твёрдой основы, можно пересмотреть правые движения и их мышление. Правые – это движение противостояния капиталу, которое стремится восстановить момент, твёрдо укоренившийся в прошлом. Отсюда для уничтожения классового конфликта, излишества капиталистического индивидуализма, спекуляция и т.д., Action Française и Nouvelle Action Française (NAF) воображают себе общность, которая может быть гарантирована, по их словам, монархической системой. (см. их главу о капитализме в Les Dossiers de l'Action Française).

Кажется, что все течения и группы, противостоящие капиталу всегда должны фокусироваться на человеческом как на основе всего. Оно принимает различные формы, но у него глубоко последовательная основа, и оно удивительно однообразно везде, где обретается человеческое население. Так, в поисках восстановления (и установления) *volksgemeinschaft*, даже нацисты представляют собой попытку создать подобную общность (ср. их идею *Urmensch*, «изначального человека»). Мы уверены, что феномен нацизма широко недопонят: многие рассматривают его лишь как демоническое выражение тоталитаризма. Но нацисты в Германии подняли старую тему, о которой до них теоретизировали немецкие социологи вроде Тонниса и Макса Вебера. В ответ, мы находим франкфуртскую школу, особенно Адорно, которая занимается пустыми и стерильными концепциями «демократии», из-за неспособности понять феномен нацизма. Они не смогли понять великую мысль Маркса о необходимости реформирования общности и признание им того, что это реформирование должно вовлекать в себя всё человечество. Проблемы остаются у всех; они серьёзны и требуют срочного решения. Люди пытаются выработать их с разных политических углов. Однако, не эти проблемы определяют, что революционно, а что контрреволюционно, а решения – т.е. эффективны они или нет? И здесь к нам опять приходит менталитет рэкетира: каждая левая или правая банда создаёт себе свою интеллектуальную территорию; любой кто заходит на одну из них автоматически клеймится как член соответствующей банды, контролирующей эту территорию. Так происходит овеществление: всё определяет объект, субъект пассивен.

ограничений социального и экономического базиса, на котором он построен: закона стоимости, обмена между капиталом и рабочей силой, жёсткого общего эквивалента (золота) и т.д.

Переводя во внутреннюю плоскость социальную основу, на которой он был построен, капитал стал автономным, и поэтому смог ускользнуть. Стремительное продвижение его развития в течение нескольких лет высвободило серьёзные опасности для человечества и для всей природы. Даже самые дальновидные эксперты и старые зануды не могут игнорировать окружающие нас опасности. В определённой мере, они даже вынуждены присоединяться к тем, кто говорит в терминах апокалипсического будущего. Апокалипсис в моде, потому что наш мир приближается к концу, мир, в котором человек, несмотря на всю свою очевидную слабость и деградацию, всегда оставался нормой, ориентиром. Но, столкнувшись с фактом смерти бога, мы теперь слышим провозвестие о смерти человека. И бог, и люди сдаются перед наукой, которая является заодно богиней и служанкой капитала: наука представляется в сегодняшнем мире как изучение механизмов адаптации, ассимилирующих человека и природу в структуру производительной деятельности капитала. Все признаки указывают на то, что наименее разрушенные люди, в частности молодые люди, теперь неспособны смириться с этим наступлением адаптации и приручения; поэтому они отвергают систему.

Процесс приручения иногда происходил через насилие, как во времена примитивного накопления; но чаще он происходит через хитрость, потому что революционеры продолжают мыслить в соответствии с предпосылками, присущими капиталу и развитию производительных сил, и все они преклоняются перед одним божеством, наукой. Поэтому благодаря приручению и репрессивному сознанию наши умы окаменели более или менее до состояния дряхлости; наши действия утратили гибкость, а наши мысли стали стереотипными. Мы стали бездушной замороженной массой, застывшей на месте, всё время будучи уверенными, что смотрим в будущее. Но в период мая-июня 68-го, новая жизнь совершила прорыв, и движение роста к коммунизму началось вновь. Не появилось ни одной новой теории, или новых способов действия. Важный факт заключается в том, что у борьбы появилась новая цель. У неё нет ничего общего с политикой, идеологией, наукой или даже социальной наукой (последняя была полностью дискредитирована). Скорее это было утверждение особой жизненной необходимости против этого общества и независимо от него: для того, чтобы положить конец пассивности, навязанной капиталом, вновь обнаружить общение между людьми, свободное творчество и ничем не связанное воображение в движении человеческого становления.

Мифология пролетариата

С пришествием мая-июня 68-го всё изменилось и всё продолжает меняться с тех пор. Вот почему невозможно рассматривать лицейское движение 1973-го (рассмотрено ниже) и его потенциал кроме как в связи с этим предшествовавшим ему движением.

Согласно нашему анализу, деятельность в мае-июне 68-го стала ясным свидетельством того, что революция позитивно возродилась, означая собой начало нового революционного цикла. Но наш аргумент соответствовал классовому анализу: так мы пришли к утверждению, что результатом мая станет возврат пролетариата к классовой основе. Более того, в событиях того периода мы обнаружили подтверждение нашей уверенности, что революция будет следовать по курсу, очерченному Марксом. Но на деле, первыми восставшими классами в 1968-м стали социальные слои наиболее приближенные к истеблишменту, те, чьи объективные интересы тесно совпадали с интересами государства. Угнетённые классы последовали за ними позже, и именно они радикально разрешили противоречия, которые иные социальные классы хотели лишь реформировать. Ход развития английской и французской революций содержал в себе субстанцию, из которой формировалась мысль Маркса. Так, в случае с французской революцией, аристократия вмешалась в ситуацию на самых ранних стадиях, именно знаменитый бунт аристократов за несколько лет до 1789-го, способствовал борьбе буржуазии (в то же время, готовя почву просвещённому деспотизму). Буржуазные слои, менее привязанные к государству, формировавшие что-то вроде интеллигенции, по выражению Каутского, последовали за ними. Только тогда, после поражения реформы, внутреннего разложения системы и падения монархии, были вовлечены крестьяне и ремесленники (четвёртое сословие, будущий пролетариат), создавшее окончательный решительный разрыв и гарантировавшее, что возврата назад не будет. Без них, революция, за которой последовала перемена в способе производства, происходила бы гораздо дольше. В России события развивались схожим образом. Здесь мы предполагаем, что самые угнетённые и наиболее заинтересованные в бунте – и те, из кого состоит, согласно некоторым, истинный революционный класс – могут прийти в движение только в такой период, когда в сердцевине общества уже произошел разрыв, и государство существенно ослабилось. Из этого разрыва появляется новая перспектива, хотя бы и лишь через осознание, что жизнь уже не будет такой как прежде, что стало

необходимо найти иной путь. Этот процесс — это один из элементов, который придаёт каждой революции характер, отличный от строгого классового подхода. Это тем более верно в отношении будущей коммунистической революции, потому что это будет деятельность не просто одного класса, но всего человечества, восставшего против капитала.

В центре явления, которое мы когда-то рискнули назвать универсальным классом, или, проще человечеством (потому что оба являются теперь рабами капитала), находятся социальные слои, существующие в непосредственной близости капитала, (т.е. новые средние классы и студенты), бунтующие против системы. Они рассматривают себя как особые слои в обществе в той мере, в какой они способны детонировать движение, которое революционизирует пролетариат и приведёт его в движение, но это только карикатура на революцию, поднятая на поверхность по случаю и разряженная в старые регалии в своём неуклюжем ходе через все прошлые стадии.

Классовый анализ, которого мы придерживались изначально, мог только интерпретировать реальные события, не более. Тем же недостатком обладали участники мая-68, воспринимая себя из-за него в соответствии со старыми схемами. Становится всё более очевидным, что эти активные участники были мужчинами и женщинами, лично и интимно вовлечёнными в жизнь капитала, особенно те, кто должен был поддерживать и оправдывать его представления³⁶, взбунтовавшимися против него. Но их бунт был полностью рекуперирован, потому что пошёл по избитой дорожке классовой борьбы, стремясь пробудить пролетариат для выполнения его миссии.

Здесь мы вступаем в очевидный тупик. Ролью пролетариата было уничтожение капиталистического способа производства для того, чтобы освободить заключённые в нём производительные силы: коммунизм должен был начаться только после выполнения этой задачи. Но капитализм не заключает производительные силы, а поднимает их на невиданные вершины, потому что они существуют ради капитала, а не ради человечества. Пролетариат поэтому является поверхностным феноменом. Обращение перспективы вспять, в соответствии с которым производительные силы освобождаются капиталом, а не пролетариатом, благодаря развитию науки, является развитием, параллельным приручению человека. Их приручение — это приятие развития капитала, о котором теоретизировал Маркс, которое само по себе является архи-защитником роста производительных сил. В ходе этого развития, пролетариат, как производитель прибавочной стоимости, утратил даже эту функцию через обобществление наёмного труда и уничтожение всех различий между производительным и непроизводительным трудом. Пролетариат, перед которым некогда преклонялись, стал теперь самой сильной поддержкой капиталистического способа производства. Чего хочет этот пролетариат? И те, кто говорят от имени пролетариата и преклоняются перед ним — чего они хотят? Если полной занятости и самоуправления, то это станет лишь гарантией продолжительности капиталистического способа производства, поскольку теперь он станет более гуманным. Все левые уверены, что нужно лишь сделать так, чтобы процесс производства, будучи действующим рационализмом, начал действовать для человеческих потребностей. Но этим рационализмом является сам капитал.

Именно из-за мифологии пролетариата «народничество» мая-68, как мы назвали его, стало «пролетаризмом». Люди начали говорить: «Мы должны пойти к пролетариату, восстановить его боевой дух, призвать его способности к самопожертвованию и тогда он сможет прогнать злых боссов и последовать за другими 'пролетариями' по дороге к революции».

Май-68 сопровождался великим презрением и путаницей. Люди презирали самих себя, потому что не были «пролетариями» и друг друга по той же причине, в то время как никто ничего не понимал о пролетариате, классе, который всегда считался потенциально революционным. Нет иного способа объяснить тупик, в который зашло движение, сформировавшееся в оппозиции к существующему обществу. Этот тупик не стал ясным сам по себе, потому что в энтузиазме, который последовал за маем-68, движение оппозиции начало жить своей собственной жизнью, и основные вопросы остались на его полях. Но не только это, шок мая-68 вызвал возрождение и возвращение течений рабочего движения, которые до тех пор презирались официальными партиями и приговаривались ими к забвению: движение рабочих советов во всех вариантах, старая Немецкая Рабочая Коммунистическая Партия (KAPD), идеи таких индивидов как Лукач и Корш и т.д. Это возвращение прошлого стало признаком того, что люди не воспринимали текущую ситуацию напрямую, и что сама ситуация была неспособна породить новые формы борьбы или теоретические подходы. Тем не менее,

---

³⁶ Здесь мы говорим о технических экспертах, интеллектуалах, политиках и экономистах, таких как члены Римского клуба, Маншольт, Дюмон, Лабори и т.д.

интеллектуальное прохождение по этой уже хорошо проторенной дорожке всё ещё остаётся формой бунта, потому что таким образом не сгибаются перед тиранией того, что просто «произошло». Более того, это может стать началом поиска истоков блужданий человечества и первым шагом в противостоянии судьбе человечества, которое должно быть исключено из своего собственного человеческого контекста и обречено на преисподнюю продуктивизма.

Выше мы говорили о «тупике». Это не самый красноречивый образ, но, тем не менее, он является сердцем иной темы. Это словно стена, стоящая перед различными группами этого широкого течения в обществе, и этой стеной является пролетариат и его представление³⁷. Активисты переходят из одной группы в другую, при этом «меняя» идеологию, каждый раз волоча за собой груз непримиримости и сектантства. Некоторым из них удаётся, при их крайне широких траекториях, перейти от ленинизма к ситуационизму, вновь обнаружить нео-большевизм и затем перекинуться к коммунизму рабочих советов. Все они натываются на эту стену и отлетают, иногда дальше, чем другие. Стена – это эффективный барьер против любой возможной теоретической и практической комбинации. (В Германии можно найти и антиавторитарных троцкистов, коршистских троцкистов и т.д.)

Очевидно, что в этих группах, как и у некоторых индивидов, есть аспекты, которые далеки от негативных, поскольку определённое количество вещей были правильно поняты; но даже это понимание деформировано всеядным менталитетом, который является духовным дополнением образования группировки.

В предыдущих статьях было ясно показано, что нельзя найти ключ к представлению пролетариата, не поставив под вопрос марксистскую концепцию развития производительных сил, закон стоимости и т.д. И всё же пролетариат стал фетишем и, подразумевая такие сильные этические и практические мотивы, он всё ещё остаётся самым тяжким грузом на сознании революционеров. Но как только этому фетишу брошен вызов, и он предстаёт тем, чем является, всё теоретическое/идеологическое здание рушится. Но остаётся невысказанное предположение, что каждый индивид должен быть частью группы и отождествляться как таковой для того, чтобы обладать силой и безопасностью при встрече с врагом. Существует страх остаться одному – сопровождаемый, правда, искренним осознанием, что нужно объединяться для того, чтобы уничтожить капитализм – но есть также страх индивидуальности³⁸,

---

³⁷ Человек не всегда погружён в природу; существование не всегда совпадает с сутью, бытие с сознанием и т.д. Это отчуждение вызывает к жизни потребность в представлении. Когда время начинают воспринимать как необратимое, субъект прошлого рассматривают как отличный от субъекта настоящего, а память начинает приобретать определяющую роль. Здесь для того, чтобы обеспечить посредничество в игру вступает представление. Из такого понимания открывается дорога для пересмотра философии и науки, задачи, которая однажды должна будет быть предпринята. Некоторые читатели найдут схожие идеи (которые на деле будут иными, потому что они оставят в стороне значимость представления в социальных контекстах) в работе Кардана и социал-воображения, у ситуационистов с их спектаклем, у академиков, в анализе представления в шестнадцатом веке Фуко (который мы подняли в изучении демократической мистификации). Мы хотели бы прояснить нашу собственную позицию: мы используем термин «представление» точно так же как Маркс (*vorstellung*) для того, чтобы указать, например, что стоимость может быть представлена в цене. В статье «A propos du capital» (*Invariance*, III серия, № 1), мы кратко обсудили способ, которым капитал становится представлением, становящимся, в свою очередь, автономным, и как он затем может существовать, только если все будут принимать и признавать его реальность. Поэтому людям теперь приходится переводить капитал во внутреннюю плоскость. Вопрос о представлении вообще очень важен. С того момента, когда человек и природа больше не будут существовать вместе в непосредственном единстве (оставляя на данный момент в стороне вопрос о том возможно ли вообще «непосредственное единство»), становится необходимым представление. Представление является человеческим овладением реальностью и наших средств общения и в этом смысле его никогда нельзя упразднить: человек не может существовать в безраздельном единстве с природой. Смысл в том, что представление не должно становиться автономным, очередным выражением отчуждения.

³⁸ Этот пункт проясняет в Эросе и Танатосе Норманн О. Браун. Сам по себе страх индивидуальности не может объяснить глубокий феномен стереотипизации человека, вынужденного самоотождествляться с определённым типом бытия и растворяться в группе. Люди боятся сами себя, потому что не знают самих себя. Отсюда потребность в норме, для того чтобы ограждать себя от «излишеств», способных повредить

неспособность самостоятельно решать фундаментальные вопросы нашей эпохи. Это ещё одно проявление прирученности человека, страдающего от болезненной зависимости.

Лицевое движение, Париж, 1973

Исходя из вышесказанного, можно лучше оценить реальную ценность лицевого движения (весна, 1973г.). Оно придало ясную перспективу тому, что было лишь очерчено в мае-68: критике репрессивного сознания. Репрессивное сознание зародилось в марксизме постольку, поскольку последний был конкретной формулой для будущего человеческого вида: когда позволят производительные силы, должна была прийти пролетарская революция. Это правовое и репрессивное сознание действует через объяснение народных восстаний, клеймя их как незрелые, мелкобуржуазные, работу несознательных элементов и т.д. Именно это сознание становится корнями для овеществления, потому что оно может быть лишь организованным сознанием, принимая форму партий, профсоюзов и группировок. Все они организуют репрессии против тех, кто не организован, или организован не в соответствии с их методами. Разница между этими организациями измеряется количеством репрессий, которые они готовы осуществить.

Критика репрессивного сознания не атакует миф о пролетариате напрямую, споря с ней, но скорее косвенно, игнорируя и высмеивая её. В этом случае молодые люди не попадают в ловушку рабочих организаций для того, чтобы сформировать единый фронт в стиле мая-68. Но политики всех видов гонятся за ними, пытаясь «вовлечь» их: КПФ, СП, ОСП, СЖТ, СФДТ³⁹ и прочие преследуют студентов, пытаясь убедить их, что все они находятся под более или менее одним знаменем. Когда студенты уходят с единых демонстраций, как это часто происходит, наружу выходит политический маскарад, непристойно предлагающий себя на продажу: болтливые политические ветераны и окаменевшие старые соблазнительницы из КПФ и СЖТ через пять лет после мая-68 обнаруживают политическую значимость молодёжи, скандируя свои лозунги во время своих маршей, в то время как студенты стоят в стороне и смеются над ними. Кажется, что молодёжь утратила дух и её место заняли взрослые!

Ещё больше насмешек ожидало политиков всех мастей, которые снова пытались утверждать первенство пролетариата во время этих событий, заявляя, что критический революционный момент должен была настать после забастовки квалифицированных рабочих. Это потому что они не могут представить себе революцию, если она не одета в спецовку. Квалифицированные рабочие не угрожают капиталистической системе; капиталистический способ производства давно уже принял повышения зарплаты, и он вполне способен улучшить условия труда. Отсюда упразднение конвейера является осознанной необходимостью в кругах некоторых боссов.

социальному порядку точно так же как и индивидуальному сердцу. Казалось бы, организации слишком хрупки для того, чтобы позволить свободное развитие человеческого потенциала. При капиталистическом способе производства всё возможно как элемент капитализации, но возможно только то, что позволено; это означает, что индивид сводится к модальности бытия, которое не является ни нормальным, ни аномальным; в то время как тотальность существует только в дискурсе капитала, где она остаётся извращённой и вне достижимости. Страх индивидуальности очевиден в большинстве утопий, изображающих триумф деспотической и эгалитарной рациональности.

³⁹ Аббревиатуры означают компартию, соцпартию, объединённую соцпартию и две крупнейшие профсоюзные конфедерации: СЖТ (коммунистическая) и СФДТ («независимая» левая). Открытое брожение в лицах началось 22 марта, когда 30 000 молодых людей вышли на демонстрацию в Париже против закона Дебре о 15-месячной военной обязанности (раньше это было два года) для всех 18-летних, но без отсрочки после 21. В течение первой половины апреля в Париже прошли крупные демонстрации (в одной из них приняло участие 100 000 человек согласно The Times от 10 апреля 73 г.), как и во многих других городах Франции, а также в Страсбурге. В лицах были сформированы стачкомы и всеобщие собрания. Зачастую их контролировали политические активисты (как правило, из троцкистских организаций, La Ligue Communiste Révolutionnaire и L'Alliance Marxiste; молодые члены компартии оставались в существующих студенческих организациях), и этим лидерам удалось, несмотря на значительную оппозицию, наладить контакты с профсоюзами, выпускавшими длинные декларации в поддержку бастующих учеников лицеев. Это привело к «объединённым» демонстрациям 9 апреля, на которых колонны возглавляли лидеры СЖТ.

Лицейское движение уменьшило в размерах учреждения общества и их защитников. Те, кто хотел (может быть и с неохотой) снизить до уровня «нашей храброй молодёжи» вели себя смешно – помимо всего прочего интегрированность должна платить свою цену. С другой стороны, тот, кто безуспешно хотел противостоять движению изнутри просто продолжили питать к нему презрение и таким образом навлекли насмешки на самих себя. Но затем настала очередь правительственных мужей: они начали блять о том, что у нас есть депутаты и парламент, и мы должны использовать их для решения неразрешённых проблем. Молодёжь действовала так, как будто ничто из всего этого не существовало. Опять же, как в мае-68, не было сообщения, понимания между двумя сторонами («Мы не закрыты перед аргументами, но я, правда, не понимаю, чего они все хотят» – Фонтане, министр образования. Они с удовольствием воображают себе молодёжь, которая вела бы с ними дискуссии и выдвигала свои аргументы. Это революция самой жизни⁴⁰, поиск иного образа жизни. Диалог должен касаться только планов и идей о реализации этого желания. Не может быть никакого диалога между социальным порядком и теми, кто свергнет его. Если диалог возможен, это служит указанием, что движение всё ещё хромает.

Под всем этим находится глубокий, важный феномен: вся человеческая жизнь, с самого начала своего развития в капиталистическом обществе, прошла через обеднение. Более того, капиталистическое общество является организованной смертью с видимостью жизни. Речь идёт не о смерти как уничтожении жизни, но о смерти-в-жизни, смерти с субстанцией и силой жизни. Человек мёртв и является не более чем ритуалом капитала. Молодёжь всё ещё обладает силой отрицать эту смерть; она способна восстать против приручения. Она требует жизни. Но огромному количеству самодовольных людей, которое живёт в пустых мечтах или фантазиях, это требование, эта страстная потребность всё ещё кажется иррациональным, или, в лучшем случае, недостижимым по определению раем.

Молодёжь остаётся серьёзной проблемой для капитала, потому что она является всё ещё неприручённой частью общества. Студенты лицеев проводили демонстрации не только против военной службы и армии, но так же, и настолько же, против школы, университета и семьи. Школы действуют в качестве организации душевной пассивности, и это касается также активных и освободительных методов; освобождение школы стало бы освобождением угнетения. Во имя истории, науки и философии, каждый индивид должен уходить в коридоры пассивности, в мир, окружённый стенами. Знание и теория представляют столько же неодолимых препятствий, не позволяющих индивиду узнать других индивидов, препятствующих какому-либо диалогу между ними. Разговор должен протекать по определённым каналам, вот и всё. Затем, в конце трубопровода, находится армия, фабрика для приручения; она организует народ в общую волю к убийству других, структурируя уже отложившуюся в их сознании дихотомию вековой моралью «моей нации» и «чужого народа», потенциального врага. Людей тренируют и обучают, как оправдывать то, что не подлежит никакому оправданию – убийство женщин и мужчин.

Мы не отрицаем, что брожение перед Пасхой обладало реформистскими тенденциями. Реформистские аспекты повлекли за собой интеграцию, но нас здесь интересует не это, потому что это ничего не говорит нам о борьбе вида против капитала. Как и в мае-68, это движение было поверхностным, (хотя лишь более радикальное движение снизу смогло позволить ему выйти на поверхность), и оно откроет дверь улучшенной реструктуризации деспотизма капитала, позволяя ему лучше реализовывать свою «модернизацию».

Деспотизм капитала

Школы и университеты являются слишком жёсткими структурами для глобального процесса капитала, и то же самое касается армии⁴¹. Стремительный упадок знания и развитие СМИ уничтожили старую

---

⁴⁰ В 1964-м Кардан видел, что молодёжные восстания были очень важны, но он рассматривал их как нечто внешнее, чем следует воспользоваться. Такую дань идеология платит старой идее привнесения сознания извне: «Революционное движение сможет дать позитивное направление сегодняшнему грандиозному бунту молодёжи. Если оно сможет обнаружить тот новый и искренний язык, который ищет молодёжь, оно сможет обратить их бунт в фермент социального преобразования и показать им иную деятельность для борьбы против мира, который они теперь отрицают». *Socialisme ou Barbarie* №35, стр. 35

⁴¹ В отношении армии, мы настаиваем, что аргументы, проводящие различия между добровольцами, профессиональной армией и призывниками в национальную армию являются обманом, абсурдным шантажом. Если вы закрываете военную службу, у вас всё ещё остаётся профессиональная армия,

школьную систему. Учителя и профессора являются, с точки зрения капитала, бесполезными существами, которые будут заменены программируемыми уроками и обучающими машинами. (Точно так же капитал избавится от бюрократии, потому что она препятствует передаче информации, являющейся основой мобильности капитала). По иронии, многих из тех, кто спорит о необходимости жизни, легко убеждают решения, доверяющие обучение машинам и таким образом уничтожающие человеческую жизнь. Как правило, можно сказать, что все сторонники «модернизации» фактически провоцируют свою обречённость как индивидов с определённой функцией в обществе; они требуют собственных лишений. Но даже те, кто проповедует возвращение к жёсткому и авторитарному климату, превалировавшие до 1968-го, не смогут добиться ничего, потому что для успеха их планов, им нужно всё ещё опираться на капитал, а капитал приобретает выгоды как слева, так и справа.

Капитал навязывает свой деспотизм человеку посредством предметов и вещей, несущих в себе новые способы бытия, присущие новым требованиям капитала. Это подразумевает мир вещей в быстром движении, постоянно изменяющихся и дифференцирующихся (процесс явно не чуждый ощущению бессмысленности). Эти качества неизбежно вступают в конфликт с традиционными социальными отношениями и прошлым образом жизни, включая прошлый образ мышления. Реальными субъектами являются вещи. Они навязывают свой собственный ритм жизни и гарантируют ограниченность людей уровнем их собственного существования. Но поскольку предметы и вещи управляются и контролируются движением капитала, всегда остаётся возможность, что растущее новое угнетение может привести в движение повстанческую деятельность против общества самого капитала. И всё же капитал, в свою очередь способен получать выгоду от подрывной деятельности для собственного укрепления, как он это делал в начале этого века. Бунт пролетариата, ограниченного пространством своей фабрики и направленный на управление производством, стал фактором, который на деле помог капиталу в его движении к реальному господству. Конечным результатом стало уничтожение слоёв, который были лишними для прогресса капитала, триумф полной занятости, отход от либерализма *laissez-faire* и т.д.

Мы не предполагаем, что революция зародится напрямую из конфликта, о котором мы говорили только что, не говорим мы и что её начнут мужчины и женщины, которые в обычной жизни очень консервативны. Мы хотим сделать ударение на следующем утверждении: капитал должен прийти к господству над всеми людьми и для этого он уже не может полностью зависеть от старых социальных слоёв, которые сами, в свою очередь, оказываются под угрозой. Эту тенденцию весьма точно понял Франц Боркено:

В этом громадном контрасте с предыдущими революциями отражён один факт. До этих последних лет, контрреволюция обычно зависела от поддержки реакционных властей, которые были технически и интеллектуально ниже сил революции. Это изменилось с приходом фашизма. Теперь, любая революция будет сталкиваться с атаками самого современного, эффективного и безжалостного аппарата, который когда-либо существовал. Это означает, что век революций свободных эволюционировать в соответствии со своими собственными законами закончился⁴².

преторианская гвардия, возможность возвращения фашизма. (Некоторые левацкие группы совершили «вмешательства» во время агитации 1973-го, требуя демократического и народного контроля за национальной армией. На практике, нынешняя система во Франции является смешанной: профессиональная армия, обучающая и тренирующая новобранцев, из которых потом создаётся национальная армия. И откуда пришла идея этой национальной армии, которую так превозносил Жоре? – из священного союза 1914-го, из священной бойни, перед которой до сих пор преклоняются. Есть книга под названием Новая армия (изд. 10/18), демонстрирующая в какой мере «фашизму» не нужно было изобретать свежих теорий в этой области, поскольку её уже разработал социал-демократический Интернационал. Жоре хотел примирить армию с нацией (а именно этого хотел и добился Гитлер). Примирение было достигнуто в 1914-м, когда храбрые французы бодро пошли на бойню. Как сильно это отличалось от культа родины Жоре. «Она коренится в самих основах человеческой жизни и даже, если угодно, в психологии людей» (*l'Armée Nouvelle*, стр.268). В Германии, примерно в то же время, Бебель размышлял схожим образом.

⁴² Цит. По Ноам Чомски: *American Power and the New Mandarins* (Pelican, 1969) стр. 247.

Мы должны помнить, что капитал, постоянно переворачивающий традиционный жизненный уклад, сам по себе является революцией. Это должно снова приводить нас к мысли о природе революции и к осознанию того, что капитал способен контролировать социальные силы и совершать перевороты в существующем порядке путём восстаний против самого общества, над которым он господствует⁴³. Никогда раньше видение и понимание не были более жизненно необходимы; каждый отдельный бунт теперь становится стимулом для движения капитала. Но людей лишили возможности мыслить теоретически и воспринимать реальность как часть итогов исторического процесса – это произошло в результате процесса приручения. Схожим образом, эта способность к теоретической мысли не смогла укорениться в материальном развитии нашей планеты и в нас, как в человеческом виде, из-за существующего раскола между сознанием и телом и старого разделения между физическим и умственным трудом (которое теперь преодолевается автоматизированными машинами в угоду капиталу).

Революция больше не может означать уничтожения всего старого и консервативного, потому что сам капитал уже добился этого. Она проявится скорее, как возвращение к чему-то (революция в математическом значении термина), возвращение к общности, хотя и не в одной из существовавших прежде форм. Революция проявится в уничтожении всего самого «современного» и «прогрессивного» (потому что наука является капиталом). Ещё одним из её проявлений станет новая экспроприация всех тех аспектов и качеств жизни, которым до сих пор удавалось утверждать человеческое. В попытках понять, что означает эта тенденция, нам не поможет ни одна из старых дуальных, манихейских категорий. (Это та же тенденция, которая в прошлом тормозила процесс самовозрастания стоимости капитала в его движении к ситуации полной автономии). Если триумф коммунизма должен привести к творчеству человечества, он должен добиваться возможности этого творчества, он должен быть желанием, которое существовало всегда, в течение столетий. Однако здесь опять же нет ничего лёгкого, явного, несомненного, и можно законно сомневаться о том, что значит быть человеком после колониализма и нацизма, а затем и второго колониализма, борющегося против бунтов угнетённых стран (известные бои и пытки осуществлялись британцами в Кении, французами в Алжире и американцами во Вьетнаме), и перед лицом зверского и глубоко укоренённого насилия, продолжающегося повсюду. В самом деле, возможно ли, что человечество слишком заблудилось и увязло во время своих inferнальных блужданий для того, чтобы спасти себя?

Вопрос насилия

Движение лицейских студентов было утверждением коммунистической революции в её человеческом измерении. Студенты подняли вопрос насилия (хотя и не всегда в полном объёме) своим отрицанием армии, военной службы и универсального права на убийство. По контрасту, левые и крайне левые группировки, кроме анархистов, проповедуют необходимость учиться убивать, потому что думают, что могут заставить смерть «воздействовать» на капитал. Но никто из них (и это в особенности касается крайних элементов) не принимает в расчёт тот факт, что они предполагают необходимость уничтожения человека ради революции. Как можно праздновать революцию прикладом? Принимать армию по одной причине, какой бы она ни была, значит укреплять репрессивную структуру на всех уровнях. Любой аргумент на эту тему служит лишь поддержанию репрессивного сознания, согласно которому люди должны подавлять желание не убивать, потому что на каком-то этапе в будущем от них потребуются убийство. (А некоторые просто упиваются подобной перспективой). Репрессивное сознание заставляет меня быть бесчеловечным под тем предлогом, что в один прекрасный день, предопределённый теоретической судьбой, я наконец-то превращусь в человека.

[Различные левые и крайне левые течения] заверяют, что между «буржуазным» желанием упразднения воинской повинности и либертарным пацифизмом, нет ничего общего, что вызывает сознательные возражения, более или менее присущие молодым.

(Т. Pfister, Le Monde от 27 марта 73 г.)

---

⁴³ Азиатский способ производства испытал на себе большое количество повстанческих движений, которые возрождали его. Согласно некоторым историкам, некоторые бунты поднимались самим государством. Великая культурная революция Мао стала лишь переигрыванием подобных бунтов. Эти факты подтверждают тезис, который мы поднимали несколько раз, о сходстве между азиатским способом производства, при котором классы не могут стать автономными, и капиталистическим способом, при котором они поглощаются.

Насилие является жизненным фактом в современном обществе; вопрос теперь в том, как можно отменить насилие. Революция высвобождает насилие, но оно должно быть под нашим контролем и управлением; оно не должно действовать вслепую и, разумеется, его нельзя прославлять и расширять его поле действия. Подобные заявления могут звучать резонно, но они будут бесполезными, если мы не будем продолжать изучать точнее действительную природу насилия, определяемую в первую очередь её объектом: так, насилие, направленное против капиталистической системы, надо хвалить и поощрять, а насилие против народа нет. Но капиталистическая система представлена народом, и именно этот народ иногда захлещивает насилие. Вот где вопрос ограничения насилия становится актуальным; если его не поднимать, мы будем продолжать жить по предписаниям капитала. При том, что деспотизм капитала поддерживается общим насилием против людей, факт также, что он может достичь господства над людьми сначала противопоставляя их друг другу, а затем распределяя между ними различные роли. Когда происходят конфликты, каждая сторона представляет другую, как нечеловеческую (так американцы рассматривали вьетнамцев). Если человека нужно уничтожить, его сначала нужно лишить его человечности. Итак, если во время революционной борьбы люди предпочитают придерживаться этого взгляда, разве они не просто имитируют методы капиталистов и не продолжают этим уничтожение человека?

Мы можем задаться вопросом, какую игру ведут леваки когда они теоретизируют об уничтожении господствующего класса (скорее чем его поддержки), или полицейских («хороший мент – мёртвый мент»)? Можно вывести уравнение $CRS=SS$ ⁴⁴ на уровне лозунга, потому что это реально передаёт реальность двух ролей, но не оправдывает уничтожения участвующих людей по двум причинам. Во-первых, это полностью вычёркивает возможность подрыва полиции. Когда полицейские чувствуют, что её сводят к статусу недочеловеков, они сами начинают бунтовать против молодёжи для того, чтобы утвердить свою человечность, в которой им отказывают, и, таким образом, они играют роль не просто машин убийства/репрессий. Во-вторых, любой ОМОНовец или любой другой мент является ещё и личностью. Каждый является личностью с определённой ролью, как и любой другой. Опасно делегировать всю бесчеловечность одной стороне социального целого, а всю человечность другой. Речь здесь идёт не о проповеди не-насилия⁴⁵, но скорее о точном определении, какое насилие должно осуществляться и в каких целях. В связи с этим, следующие пункты должны чётче очерчивать нашу позицию: во-первых, все стереотипы и функции следует принимать за то, чем они являются – роли, навязанные нам капиталом; во-вторых, мы должны отвергать теорию, постулирующую, что те индивиды, что защищают капитал, должны быть просто уничтожены; в-третьих, мы не можем делать исключений лишь на том основании, что некоторые люди несвободны, что и полицию и революционеров производит «система». Если бы это было правдой, логическим заключением была бы или позиция не-насилия, или ситуация, при которой люди становятся автоматами, что оправдывало бы всякое насилие против них. Если с самого начала отрицать любую человечность в людях, как можно ожидать от них, что они станут реальным человечеством? Их следует рассматривать как людей, как человеческие существа. Хотя большинство и мыслит в терминах радикального решения проблем, выработанных классовым обществом – т.е., репрессии против твоих оппонентов – даже в этой форме революция должна осуществляться в соответствии со своей истинной природой, а именно будучи человеческой. Когда наступит конфликт, а он наступит неизбежно, не должно быть попыток свести различных индивидов, защищающих капитал к уровню «скота» или механических противников; их следует ставить в контекст человечества, потому что они знают, что являются частью человечества и в потенциале могут обрести свою человечность снова. В этом смысле конфликт приобретает интеллектуальное и духовное измерения. Представления, оправдывающие защиту индивидом капитала, должны быть обнажены и демистифицированы; люди в данной ситуации должны осознать противоречия, и в их сознании должны появиться сомнения.

Терроризм также следует рассматривать в этой перспективе. Недостаточно просто обличать его ужасы. Те, кто приемлет терроризм, капитулировали перед властью капитала. Терроризм – это не просто уничтожение отдельных людей: это также взывание к смерти для того, чтобы вызвать гипотетический

---

⁴⁴ CRS – это военизированная полиция для подавления беспорядков. В мае 1979-го появился новый вариант старого лозунга, когда троцкисты из Ligue Communiste Révolutionnaire (LCR) объединились со сталинистами и CRS в насильственном подавлении «автономов» во время демонстраций сталеваров из Лонгви и Денэна в Париже: LCR=CRS, или LCRS.

⁴⁵ Не-насилие само является лишь пресной, лицемерной формой насилия, признаком неспособности некоторых людей постоять за себя и за своё человеческое достоинство.

бунт. Этот аспект следует особо отметить, не порицая и не одобряя его, но его следует отвергать как план действия. Терроризм подразумевает, что «стена» (пролетариат и его представление) стала непреодолимой и нерушимой. Терроризм признаёт поражение, и все его недавние примеры подтверждают это.

Мы должны признать, что подавляющее господство капитала воздействует на всех без исключения. Нельзя рассматривать отдельные группировки как «избранных», вырванных из-под деспотизма капитала и неотмеченных им. Революционная борьба является человеческой борьбой, и она должна признавать в каждом человеке возможность человечности. В гуще конфликта между рэкетирами, «капиталистами» и полицией во всех её формах, каждый индивид должен с силой отвергать, как в самом себе, так и во внешнем мире, приручение капитала и все его комфортабельные, самоочевидные «объяснения».

Арена борьбы

Ничто из вышесказанного не может обладать значением, если не будет происходить одновременного отказа от всех устаревших форм борьбы. Как движение мая-68, так, и даже сильнее, лицейское движение ставило ясное ударение на том, что приверженность старым формам борьбы неизбежно ведёт к определённому поражению. Теперь становится всё более признанным фактом, что демонстрации, марши, зрелища и шоу никуда не ведут. Размахивание флагами, расклеивание плакатов, раздача листовок, атаки на полицию и любая деятельность, является повторением ритуала – ритуала, в котором полиция всё время играет роль неодолимых поработителей. Поэтому методы борьбы следует подвергнуть тщательному анализу, потому что они являются препятствием для создания новых способов действия. Для того чтобы они стали эффективными, надо отказаться от старых арен борьбы – как на рабочих местах, так и на улицах. Пока революционная борьба происходит на территории капитала, а не на своей, не может быть существенного прорыва, качественного революционного скачка. Здесь мы должны сконцентрировать наше внимание; мы должны иметь дело с этим вопросом, если не хотим, чтобы революция не оказалась в смертельном застое, в такой ситуации, из которой пришлось бы выбираться долгие годы. Если мы успешно покинем старые центры борьбы, это потребует одновременного движения к созданию нового образа жизни. Какой смысл в захвате фабрик – например, автомобильных фабрик – производство в которых должно быть остановлено в любом случае? Разносятся крики: «Захватывайте фабрики и управляйте ими сами!» Так все пленники этой системы должны захватить свои тюрьмы и начать сами управлять своим заключением. Новые социальные формы не основываются на старых и лишь в редких случаях в прошлом мы видим основание новых цивилизаций на фундаменте старых. Буржуазия одержала победу, потому что вела борьбу на своём поле битвы – в городах. Но в наших нынешних условиях это помогло бы появлению коммунизма, который не стал бы ни новым обществом, ни новым способом производства. Сегодня человечество должно начать свою борьбу против капитала, которая будет происходить не в городах и не в деревне, но вне и тех и других⁴⁶: отсюда необходимость появления коммунистических форм, которые бы находились в настоящем антагонизме по отношению к капиталу и собирали бы вокруг себя силы революции. После пришествия мая-68, капиталу пришлось принять во внимание тот факт, что революция вновь вернулась в качестве жизненного императива, необходимости. В ответ, контрреволюции пришлось адаптироваться и моделироваться (поскольку она существует только в связи с революцией). Но как бы она ни пыталась ограничить развитие противника обычными методами, ей это никогда не удастся, потому что революция всегда будет представляться реальностью, а это значит, что она всегда будет иррациональной. Эта иррациональность является её фундаментальной характеристикой. Всё что рационально по отношению к существующему порядку

---

⁴⁶ Старого противостояния между городом и деревней очевидно не существует. Капитал урбанизировал планету; Природы была минерализована (стала неорганичной). Теперь мы видим новые конфликты между урбанистическими центрами и теми частями деревни, где всё ещё остаются крестьяне.

Урбанистические центры требуют всё больше и больше воды, что означает сооружение многочисленных резервуаров на расстоянии пятидесяти-ста километров от города. Это ведёт к уничтожению хорошей сельскохозяйственной земли, а также угодий для охоты и рыболовства; в результате крестьяне лишаются воды, поскольку вся она уходит в резервуары и каналы. Этот конфликт может с двух сторон сказаться на человеке, если у него есть дача. Проблема, таким образом, выходит за рамки традиционного крестьянства; она включает в себя глобальное отношение людей к природному миру и новый подход к своему образу жизни.

может быть поглощено и интегрировано. Если революция действует на той же территории, что и противник, её всегда можно остановить. Она не может восстать; ей препятствуют в её самом страстном желании, в реализации собственного проекта на своей собственной территории.

Обретение человеческой общности должно стать целью, к которой движется революция. Поэтому революционное движение должно отражать в себе эту же цель. Методы, родившиеся при классовых обществах, увели нас от этой цели; по самой своей природе они бесчеловечны и поэтому их невозможно использовать. Было бы абсурдом желать проникнуть в структуры установленного порядка и заставить их функционировать в интересах революционного движения. Те, кто действует подобным образом, работают, будучи мистифицированными насчёт исторического проекта, который якобы достигает своей истинной цели в капитале. Эта мистификация представляет человека как второстепенный элемент. В капиталистической системе человек стал поверхностным, но лишь настолько, что человечество сохранило свою нерушимую последовательность со времён своего происхождения, оно ещё не полностью уничтожено, поскольку идея бунта остаётся живой и притом, что молодёжь не полностью демобилизована приручением. Всё остаётся возможным. В любом случае, борьба оживляет человеческую сущность в каждом индивиде; борьба выводит нас из ловушки восприятия других только в качестве их овеществлённого внешнего вида. Даже там, где индивид был овеществлён в высшей степени и превратился в органический автомат капитала, всё ещё остаётся возможность, что вся эта конструкция рухнет. Здесь мы можем последовать за хорошим советом Маркса: Недостаточно указывать на цепи, надо сделать их позорными. Каждый индивид должен испытать кризис. В конфликтах с полицией, импульс должен быть не просто к уничтожению репрессивной силы, препятствующей коммунистическому движению, но также к уничтожению системы, провоцируя человеческое возрождение в умах полицейских.

Этого никогда не произойдёт, если будут использоваться старые методы конфронтации; нам надо найти новые методы, например, презирать и высмеивать власти⁴⁷, оставлять их изолированными в ловушке собственных забот. Было бы абсурдом теоретизировать и обобщать это. Но можно быть уверенными насчёт одной вещи: это было эффективно в прошлом и станет эффективным снова, но мы должны изобретать всё больше новых методов действия. Основой для нас будет понимание, что территория и методы борьбы надо изменить; эту необходимость до сих пор понимали в ограниченной и иногда негативной манере люди, которые бросали всю и уходили на дорогу, выражая желание оставить порочный круг борьбы, которая происходит в повседневном мире.

Леваки упорствуют в своём хорошо известном цикле провокаций-репрессий-подрывной деятельности, который должен привести к революции в определённое время в будущем. Но эта концепция революции полностью недопустима, потому что означает принесение в жертву мужчин и женщин для мобилизации других. Коммунистической революции не требуются мученики, потому что ей не нужно делать требований. Мученик становится приманкой для привлечения остальных. Какой была бы польза от революции, использующей смерть в качестве приманки⁴⁸? И всё же всегда есть кто-то, кто умирает как раз вовремя (или смерть жертвы может быть «ускорена»), а кто-то ещё ходит вокруг потрясая трупом, чтобы привлечь революционных мух.

Поскольку коммунистическая революция будет триумфом жизни, она ни в коем случае не может прославлять смерть, или пытаться эксплуатировать её, потому что так она только вернётся на почву классового общества. Есть некоторые, кто будет сравнивать или заменять «тех, кто пал за революцию» с теми, кто умер, служа капиталу: но это всё тот же старый карнавал мертвечины!

Революция никогда не представляется как необходимый и естественный феномен, и у этого недопонимания серьёзные последствия. Всегда кажется, что революция зависит строго от той или иной группы, излучающей истинное сознание. Сегодня перед нами следующие альтернативы: или происходит настоящая революция – весь процесс от формирования революционеров до уничтожения капиталистического способа производства – или происходит уничтожение человеческого вида в той

---

⁴⁷ Именно так следует рассматривать деятельность американских психиатров, добровольно лежащих в психбольницы, показывая так, что нет системы знания способной определять безумие. (Можно добавить, что производство настоящего безумия необходимо для существования капитала).

⁴⁸ Смерть стала существенным элементом с самосознанием человека, но это сознание передаётся с большим трудом. Переход от внешнего к внутреннему очень сложен, но к счастью существуют уловки и обходные пути.

или иной форме. Другой возможности нет. Когда начнётся революция, не будет уже потребности оправдывать то, что произошло; скорее это будет вопрос силы избежать злоупотреблений и излишеств. А это возможно только если индивидуальные мужчины и женщины начнут становиться автономными до революционной вспышки: поскольку им не нужны лидеры, они будут хозяевами своего бунта.

Ясно, что в нынешних обстоятельствах люди могут пройти лишь какое-то расстояние в данном направлении; но ясно, что это может реализоваться только через отрицание людоедского дискурса, представляющего революцию как сведение счетов, физическое уничтожение одного класса или группы другим. Коммунизм является потребностью человеческого вида, ему не нужны подобные методы.

В целом, большинство революционеров сомневается, что революция когда-либо произойдёт, но для того, чтобы убедить себя, что она произойдёт, им приходится как-то оправдывать её перед самими собой. Это позволяет им ждать, но также скрывает тот факт, что проявления революции постоянно проходят мимо них. Для того чтобы изгнать свои сомнения, они обращаются к вербальному насилию (опять же подмена), и постоянно занимаются отчаянным и упорным прозелитизмом. Процесс оправдания функционирует так: как только они набирают добровольцев, это служит доказательством, что ситуация созрела, и что уровень агитации должен быть повышен и т.д. и т.п. В соответствии с этой схемой, революция означает агитацию, которая означает привнесение сознания извне. Они всё ещё не поняли того факта, что революция происходит как раз тогда, когда некому защищать старый порядок; революция одерживает триумф, потому что у неё нет противников. Смысл в том, что всё станет иным после неё, вот где проблема насилия снова становится актуальной. Потребность в коммунизме является потребностью всех. Это истина, которая, так или иначе, станет явной во время фермента революции. Это не означает, что люди избавятся от всего мусора старого общества за одну ночь. Это означает, что те, кто совершит революцию, будут правыми, также как и левыми; так, когда надстроечные элементы капиталистической системы будут уничтожены и глобальный процесс производства остановится, предпосылки капитала останутся неизменными, а старые формы поведения и старые схемы будут проявляться вновь, потому что будет казаться, что каждый раз человечество схватывает новую возможность, начинает новое созидание, оно оборачивает его в формы прошлого и адаптирует его к эпохе. Конечно, коммунистическая революция будет развиваться не так же как предыдущие, но если её цель как-то ограничена, она всё ещё будет частью содержания пост-революционного движения. Движение будет стремиться придать новые измерения человеческой общности, вновь утверждая и укрепляя всё, что возникло в течение революции. На этой стадии, когда дело станет трудным, вновь проявятся старые учрежденческие формы, а некоторые элементы захотят утвердить свои привилегии в скрытой форме и попытаются сделать преобладающими такие решения, которые пойдут им на пользу. Другие захотят вновь ввести самоуправление. Они так и не поймут, что коммунизм – это не новый способ производства, а новый вид бытия.

Настало также время, когда старая практика распределения всего по категориям, столь характерная для любого рэкета, должна быть уничтожена раз и навсегда. Мы должны понимать, что новое может появляться в мантиях прошлого; было бы крупной ошибкой рассматривать лишь эти поверхностные сходства с прошлым, исключая всё остальное. Суть не в том, чтобы рассматривать пост-революционное движение как апофеоз немедленного примирения, когда благодаря какому-либо чуду, угнетение прошлого самоупразднится. Поскольку новый образ жизни будет порождён действенной борьбой, вопрос стоит о модальности этой борьбы. Любой дух сектантства или инквизиторства будет смертельным для революции, что становится ещё одной причиной почему классическая диктатура уже невозможна, поскольку она означала бы вид бытия, присущий классовому обществу. Период промежуточных перемен не может быть преодолён кроме как через самые разнообразные выражения освобождения человека. Коммунизм несёт в себе это многообразное давление. Это давление, которое будет осуществляться большинством людей в поисках создания человеческой общности, которая позволит им избавиться от всех препятствий, стоящих на их пути. Именно это утверждение жизни имел в виду Маркс, когда сказал «если мы будем считать человека человеком, а его отношение к миру человеческим, тогда любовью можно воздавать только за любовь, доверием за доверие...» Насилие и стычки станут исключением из правила.

Те, кто уверен, что потребуются диктатура уже пришли в своём сознании к убеждению, что общество никогда не будет способно дорасти до коммунизма. Это долгий, болезненный и трудный путь к экстраординарному осознанию, что мистификации больше нет, что блуждания человечества привели его к самоуничтожению, что это произошло в основном потому, что оно доверило свою судьбу

чудовищной, автономной системе капитала⁴⁹. Мужчины и женщины осознают, что сами являются определяющим элементом, и что им не обязательно уступать свою власть машине и отчуждать своё бытие в ложной вере, что это может привести к счастью.

В тот момент, когда будет достигнута эта точка, всё будет окончено и возвращение назад станет невозможным. Представления капитала будут разрушены как картонный домик. Люди, чьи умы свободны от капитала будут способны вновь обрести самих себя и своих меньших братьев. С этого времени, созидание человеческой общности нельзя будет остановить.

Идеология, наука, искусство и всё остальное, через целый ряд учреждений и организаций действуют вместе, насаждая мнение, что человек не обладает значением или властью действовать⁵⁰. Более того, все они укрепляют идею о том, что если нам кажется, что мы пришли к определённой стадии социальной эволюции, то это потому что иначе быть не могло с самого начала, когда мы впервые овладели технологией и развили её. Технологию окружает некая фатальность: если мы не примем её, мы не сможем совершить прогресс. Всё что мы можем сделать – это исцелить некоторые недостатки, но мы не можем избежать машины, которой является само общество. Ловушка захлопнулась, люди стали неподвижными, а определяющим фактором стали представления капитала – он представляет самого себя (т.е. капитал) как рациональный социальный процесс, который вызывает чувство, что систему больше нельзя воспринимать как репрессивную. Для того чтобы объяснить какие-либо негативные аспекты, капитал просто использует категории, описываемые как находящиеся «вне капитала».

Надо избавиться от долгих привычек сознания, позволивших человеческому уму стать вместилищем паразитических представлений капитала. Менталитет и поведение слуги (чьим хозяином является капитал) должны быть искоренены. Эта потребность стала сейчас всё более и более насущной, потому что старая диалектика повелителя и раба исчезает в процессе, при котором даже раб – человеческое существо – становится ненужным.

---

⁴⁹ Процесс, описанный Чезарано и Коллу как «протезирование» в *Apocalisse et Rivoluzione* (Dedalo, Bari, 1973). Книга представлена как «манифест биологической революции», и ни одно краткое изложение не способно выразить богатство его мысли. (Авторы также поднимают вопрос о представлении и символизме в социальных отношениях. См. прим. 7). Вот два отрывка, характерных для их позиций: Прогрессивные мыслители, написавшие отчёт MIT (О воздействии человека на окружающую среду, 1972) и предположения выдвинутые Маншольтом, утверждают, что капитал неспособен выжить если не будет постоянно увеличивать объём товарного производства (основа процесса валоризации). Но они ошибаются в понимании товара, как вещи. Не важно касается ли товарная форма вещи или «человека». Для того, чтобы капитал продолжал расти ему нужно лишь следующее: в процессе обращения должен быть момент, когда на один товар любого вида возлагается задача обмена на А с последующим обменом на Х. В теории это абсолютно возможно, благодаря тому, что постоянный капитал вместо инвестирования в проекты по производству предметов, посвящается проектам, призванным создать корпоративный народ («социальные услуги», «кадровые услуги»). (стр. 82) Фикция (le fictif) достигает пика последовательности, когда она способна представлять себя как чистый образ, а отсюда, как организацию образов, которые абсолютно нереальны; наконец, он способен к полному отделению от конкретного, до такой степени, что он исчезает. (Эта фикция является основой всех религий). Человеческий вид сможет окончательно освободиться от протезирования, фикции и религии только когда он открыто признает, что субъективно действует как неотделимая часть органического движения природы в её глобальном процессе. Биологическая революция заключается в обращении вспять раз и навсегда тех отношений, которые были характерными для предыстории (т.е. для всего периода, предшествовавшего коммунистической революции), при котором физическое существование вида подчинено роли социального механизма; это освобождение органической субъективности, приручение машины раз и навсегда в любой форме, в которой она может проявиться. (стр. 153)

⁵⁰ Здесь мы говорим о человеке не как об индивидуе, существующем в определённый исторический период, но как об инвариантной константе.

Глобальная перспектива

Борьбу против приручения надо рассматривать на глобальном уровне, на котором начинают появляться важные силы. Априорная универсальная рациональность капитализма может быть демистифицирована только когда мы начнём серьёзно ставить под вопрос линейную схему человеческой эволюции, а также мнение о том, что капиталистический способ производства был прогрессивным для всех стран.

В особенности страны, которые, по словам пророков роста и «экономического чуда» являются неразвитыми или находятся на пути к развитию на деле являются странами, где капиталистический способ производства не смог утвердиться. В Азии, Южной Америке и Африке живут миллионы людей, которые ещё не полностью поддались деспотизму капитала. Их сопротивление является негативным в том смысле, что они неспособны выстроить для себя иную общность. Поэтому необходимо поддерживать мировую сеть человеческих дебатов, которую лишь коммунистическая революция сможет преобразовать в движение за установление новой общности. Более того, во время революционного взрыва эта сеть или полюс будут обладать решительным влиянием на работу по уничтожению капитала.

В т.н. развивающихся странах молодёжь восстала (в Цейлоне, на Мадагаскаре в 1972-м, слабее в Сенегале, Тунисе, Заире и т.д...) и выразила различными способами те же потребности, что и молодёжь Запада. В течение более, чем десяти лет восстание молодёжи продемонстрировало, что его фундаментальной характеристикой была направленность против приручения. Не желая делать пророчеств о каком-то точном результате, важно попытаться различить в этом некую перспективу. В мае 68-го мы снова приняли прогноз Бордиги о возрождении революционного движения около 1968-го и революции в период 1975-1980 гг. Мы продолжаем придерживаться этого «предсказания». Недавние социально-политические и экономические события подтверждают это, и различные авторы пришли к этому выводу. Капиталистический способ производства оказывается в кризисе, потрясающем его от самой вершины до самого низа. Это не кризис в стиле 1929-го, хотя определённые аспекты такого кризиса и могут проявиться; это скорее кризис глубоких перемен. Капитал должен пройти через реструктуризацию для того, чтобы замедлить разрушительные последствия его глобального производительного процесса. Все дебаты о росте очень ясно показывают, что это реально. Эксперты полагают, что могут просто привлечь внимание к движению капитала и заявить, что должно произойти ослабление, замедление. Но капитал, в свою очередь может освободиться от человеческого противостояния, совершенствуя своё господство над ними на ещё более высоком уровне. Это господство, простирающееся до горизонта нашей жизни, но против него восстаёт молодёжь в своём широком движении, а растущее число взрослых начинает понимать и поддерживать их.

Революционное возрождение очевидно повсюду, кроме одной огромной страны, СССР, которая запросто может стать сдерживающим фактором, тормозом для революции (в этом случае наш предыдущий прогноз можно сдать в чистилище благих пожеланий). Но события в Чехословакии и Польше, а также постоянное усиление деспотизма в советских республиках стали показателем (негативным), что подрывная деятельность, лишь слабое эхо которой доходит до нас присутствует там. Репрессии в СССР должны ожесточиться, чтобы предотвратить распространение восстания. С другой стороны, процесс де-сталинизации принимает ту же роль (если принять во внимание исторические отличия), что и бунт дворян в 1825-м, который проложил дорогу бунту интеллигенции, а затем и всему народническому движению. Эта идея приводит нас к мысли о том, что в настоящий момент там существует подрывная деятельность, достаточная для выхода за рамки демократической оппозиции, выраженной академиком-диссидентом Сахаровым. Стоит помнить некоторые другие исторические константы: например, общее революционное действие проявилось в самой радикальной форме во Франции и России, зародившись в других странах. Французская революция распространила буржуазную революцию по Европе. Российская революция распространила двойную революцию – пролетарскую и буржуазную – результатом которой стал окончательный триумф капиталистической революции. Студенческий бунт зародился не во Франции, но здесь он приобрёл наиболее обострённую форму; он смог заставить содрогнуться капиталистическое общество, и его последствия всё ещё ощущаются. В СССР не может быть революционного движения, но последствия 1917-го – волна анти-колониальных революций – всё ещё происходят. Самой важной из них стала китайская, и теперь, когда китайская революция подошла к завершению цикла, мы увидим начало нового революционного цикла в СССР.

Важные исторические изменения между французской и российской революцией отчётливо видны в подъёме нового революционного цикла. Сегодня деспотизм капитала более мощен, чем тот, что был при царе, а священный союз между СССР и США оказался более эффективным, чем англо-русский

альянс 19 века. Итог может откладываться, но его нельзя остановить: можно ожидать, что «общинное» измерение революции в СССР проявится яснее, чем на Западе и что оно пойдёт гигантскими шагами.

Революция и будущее

Во время периода полной контрреволюции, Бордига был способен выстоять его расщепляющий эффект, сохраняя видение будущей революции, но особенно, потому что он смог сместить свой фокус мышления о борьбе. Он не смотрел только лишь в прошлое, которое в поддонный период становится лишь мёртвым грузом, и не участвовал в настоящем, полностью покорённом установленным порядком, но жил в будущем⁵¹. Настроенность на волну будущего позволила ему воспринимать революционное движение таким, каким оно было на самом деле, а не в соответствии с его собственными характеристиками. С тех пор, «индустрия будущего» приобрела невиданный размах. Капитал вторгся в эту новую сферу и начал эксплуатировать её, что ведёт к дальнейшей экспроприации людей и усилению их приручения. Эта хватка за будущее отличает капитал от прочих способов производства. Отношение капитала к прошлому и настоящему с самых его истоков всегда значило для него меньше, чем его отношение к будущему. Единственным жизненным соком капитала является обмен, который он осуществляет с рабочей силой. Так, когда создаётся прибавочная стоимость, это, в непосредственном смысле, лишь потенциальный капитал; он может стать действующим исключительно через обмен с будущим трудом. Иными словами, когда прибавочная стоимость создаётся в настоящем, она обретает реальность только если рабочая сила может оказаться готовой и доступной в будущем (в будущем, которое может быть только гипотетическим, а не обязательно ближайшим). Если этого будущего нет, тогда настоящее (а значит и прошлое) упраздняются: это падение стоимости капитала через полную утрату субстанции. Ясно, что первым начинанием капитала должно стать доминирование над будущим, чтобы гарантировать завершение производительного процесса. (Это завоевание удалось кредитной системе). Так капитал экспроприрует время, которое он оформляет по своему подобию, как количественное время. Однако, настоящая прибавочная стоимость была реализована и прошла через процесс самовозрастания через обмен с будущим трудом, но теперь, с развитием «индустрии будущего», нынешняя прибавочная стоимость сама стала открытой для капитализации. Эта капитализация требует программируемости времени, и эта потребность выражается в научной моде на футурологию. Следовательно, капитал производит время⁵². С этих пор, где люди смогут размещать свои утопии и ухронии?

Установленные общества, существовавшие в прежние времена, господствовали над настоящим и в меньшей степени над будущим, в то время как революционное движение оккупировало будущее. Буржуазный и пролетарские революции должны были гарантировать прогресс, но этот прогресс зависел от существования будущего, обладавшего ценностью по отношению к настоящему и прошлому, которые должны были быть упразднены. В каждом случае, в более или менее чёткой степени, в зависимости от типа революции, прошлое представало облачённым во тьму, а будущее в сиянии лучей света. Капитал завоевал будущее. Капитал не боится утопий, поскольку он даже производит их. Будущее является полем для производства прибыли. Для того, чтобы породить

---

⁵¹ Бордига утверждал, что «мы единственные основываем наши действия в будущем». В 1952-м он написал: «Наша сила заключается больше в науке будущего, чем прошлого или настоящего». («Explorateurs de l'avenir», Battaglia Comunista № 6)

⁵² Капитал характеризуется не столько своим ударением на количестве, сколько фактом существования фундаментального противоречия между количеством и качеством, причём количество преобладает над всеми аспектами качества. Дело здесь не в реализации желаемого качества путём отрицания количества (точно так же, мы не приходим к потребительной стоимости путём подавления меновой). Это потребует полной мутации до того как будет сметена вся логика этого господства. И количество, и качество существуют в тесной связи с измеримостью, и все они в свою очередь связаны со стоимостью. Измеримость одинаково действует на уровне и потребительной, и меновой стоимости. В первом случае, она тесно связана с одним типом господства: потребительными стоимостями измеряется социальное положение человека, а также вес угнетения, который они в себе несут. Потребительные стоимости осуществляют собственный деспотизм, облекающий собой другой деспотизм (меновая стоимость), а теперь и капитал. Маркс, в своих заметках по работе Дж. С. Милля, обличал утилитаризм как философию, в которой человек измеряется только с точки зрения потребительной стоимости, в то время как обмен автономизируется.

будущее, привести его к бытию, люди должны быть теперь обусловлены функцией строго предопределённого процесса производства: это высшая ступень программирования. Человек, которого Маркс некогда называл «оболочкой времени» теперь исключён из времени. Вместе с господством над прошлым, настоящим и будущим это порождает структурное представление, в котором всё сводится к комбинации социальных отношений, производительных сил, или мифем и т.д., составленных так, что они кажутся последовательной тотальностью. Структура, совершенствуясь, уничтожает историю. Но историю сотворили люди.

Это приводит нас к пониманию, что революция должна не только породить иную концепцию времени, но также ассимилировать её с пространством в новом синтезе. Они будут созданы одновременно, будучи порождёнными новыми отношениями между человеком и природой: отношениями примирения. Ранее мы говорили, что всё фрагментированное является зерном для мельницы контрреволюции. Но революция значит больше, чем просто возвращение себе тотальности; это интеграция всего, что было разделено, слияние будущего бытия, индивидуальности и *Gemeinwesen*. Это будущее бытие уже существует как тотальная и страстно ощущаемая необходимость; оно лучше всего выражает истинный революционный характер движения мая-68 и лицейских студентов весны 1973-го.

Революционная борьба – это борьба против власти, какой она была во все времена и во всех странах, как и во всех аспектах жизни. В течение пяти лет эта борьба захватила все сферы жизни капитала. Теперь революция вышла на настоящую арену своей борьбы, чей центр находится повсюду, но чьё место — нигде. В этом смысле её задача бесконечна: уничтожить приручение и породить бесконечное проявление человека в будущем. У нас есть ощущение, основанное не просто на оптимизме, что в течение следующих пяти лет мы увидим начало революции и уничтожения капиталистического способа производства⁵³.

---

⁵³ «С нашей нынешней точки зрения, это предсказание представляется неверным. Но мы должны иметь в виду, что невозможно делать предсказания с абсолютной точностью; весь процесс будет постоянно опаздывать в своём следовании за прогнозом, и существует также фактор, что предсказание является выражением глубокого желания самого индивида, делающего его. А желание всегда в спешке, оно не умеет ждать.

Мы должны обсуждать будущее реалистично: т.е. в терминах движения и процесса в сторону революции и с той точки зрения, что мы должны оставить этот мир. Но это нельзя так просто утверждать; иначе это начнёт выглядеть как обман. Мы должны быть способны исследовать прогноз, который мы сделали и всё, что из него вытекает. Правдой в нём является факт, что в 1978-м, отказ о котором мы часто говорили становится теперь более явным, более чётким, чем в предыдущие годы. Более того, этот отказ несёт в себе последствия, ведущие к уничтожению капитала.

До сих пор мы говорили лишь о перманентном элементе перспективы, но он не проясняет ситуацию в настоящий момент, в который мы видим, что речь идёт уже не о борьбе против капитала, как такового. В 1973-м уже можно было видеть, что разрушение, направленное против капитала было косвенным: оно не исходило от мужчин и женщин, которые формировали бы фронтальную оппозицию против него. Если система страдает от нестабильности – «кризис», как его называют теперь экономисты – это само по себе не ставит капитал под вопрос, а катастрофа лишь начинает развиваться (хотя ход событий может ускориться).

Фундаментальная вещь, появившаяся после 1978-го – это тот факт, что мы быстро приближаемся к концу цикла капитала. Этот процесс стал более интенсивным, но также более растянутым, но с любой точки зрения, благодаря ему нам легче покинуть капитал. Легко занимать какую-то позицию по отношению к чему-то, что уже достигнуто и закончено; гораздо труднее это сделать по отношению к чему-то, что всё ещё находится в процессе формирования и развития».

(из «*La separation necessaire et l'immense refus*», 1979)

Это было вполне очевидно в январе 1979-го, когда я писал это. В более недавней статье («*l'Echo du Temps*», февраль, 1980 г.) я попытался более точно описать как может произойти это «разрушение» общности

Блуждания человечества

I. Блуждания человечества — Репрессивное сознание — Коммунизм

1. Деспотизм капитала

Когда капитал достигает реального господства над обществом, он становится материальной общностью, преодолевая стоимость и закон стоимости, которые выживают лишь как нечто «преодоленное». Капитал выполняет это двумя способами: 1) количество труда, включенное в продукт-капитал, значительно снижается (падение стоимости капитала); 2) отношения обмена всё больше исчезают, сначала из наёмного труда, потом из всех экономических транзакций. Капитал, который изначально зависел от наёмного труда, становится деспотом. Когда есть стоимость, она назначается капиталом.

Капитал — это капитал в процессе. Он начинает становиться таковым с восхождением фиктивного капитала, когда противостояние между самовозрастанием и падением стоимости капитала всё ещё обладает значением, когда капитал ещё не преодолел закон стоимости.

Капитал в процессе — это капитал в постоянном движении; он капитализирует всё, ассимилирует всё и превращает всё в собственную субстанцию. Становясь автономным, он является «овеществлённой формой» в движении. Он становится неосязаемым. Он вдыхает новую энергию в своё бытие — это огромный обмен веществ, поглощающий старый обмен, сводящий его к обмену биологического типа — грабя человеческое существо и всякую его деятельность, какой бы фрагментарной она ни была (вот почему капитал вынуждает человеческие существа заниматься самой разнообразной деятельностью). В качестве эксплуатируемого субъекта выступает человечество. Более чем когда-либо, отвратительно звучит выражение «эксплуатация человека человеком».

В своём идеальном состоянии капитал является **представлением**. Он обязан своим подъёмом до этого состояния своей антропоморфизации, а именно капитализации всех человеческих существ⁵⁴ и преодолению старого, всеобщего эквивалента, золота. Капитал нуждается в идеальном представительстве, поскольку представительство без субстанции мешает его процессу. Золото, если оно не демонетизировано полностью, больше не может играть роль стандарта. Капитализированная человеческая деятельность становится стандартом капитала, до тех пор, пока даже эта зависимость от стоимости и её закона не начинает полностью исчезать. Это предполагает интеграцию человека в процесс капитала и интеграцию капитала в сознание человека.

Капитал становится представлением, продвигаясь следующим историческим путём: меновая стоимость становится автономной, человек экспроприируется, человеческая деятельность сводится к труду, а труд сводится к абстрактному труду. Это происходит, когда капитал возрастает на основании закона стоимости. Капитал становится автономным, приручая человека. Анализируя-фрагментируя-

---

капитала. Это попытка поднять вопрос о том, что я называю потенциальной смертью капитала, из-за движения антропоморфизации и капитализации человека.

В то время как капитал открыто насаждает свою общность, он осуществляет проект человеческого вида и в то же время исчерпывает его возможности. Для того чтобы быть реальными современниками нашего периода, нужно ясное осознание потенциальной смерти капитала, для того, чтобы мы потом могли влиться в новую динамику жизни.

(Автор, март, 1980 г.)

⁵⁴ Что не исключает противоположного движения: капитал провоцирует человека, становится более человеческим.

препарируя человека, капитал воссоздаёт человека как функцию своего процесса. Отделение тела от сознания позволило преобразовать сознание в компьютер, который можно программировать законами капитала. Именно из-за своих ментальных способностей, люди не просто поработаются, но превращаются в добровольных рабов капитала. Самым большим парадоксом кажется то, что сам капитал вновь вводит в обращение субъективность, уничтоженную во время подъёма меновой стоимости. Вся человеческая деятельность поработается капиталом. Мы можем перефразировать утверждение Маркса, «живой труд не только добавляет новую стоимость, но самым актом добавления новой стоимости к старой стоимости сохраняет и увековечивает последнюю [т.е. капитал]»⁵⁵ и сказать: вся человеческая деятельность «увековечивает» капитал.

Капитал как представление преодолевает старое противоречие между монополией и конкуренцией. Каждый квант капитала стремится стать тотальностью; конкуренция функционирует между различными капиталами, каждый из которых стремится стать тотальностью. Производство и обращение объединяются; старое противоречие между потребительной и меновой стоимостью теряет свой смысл существования. Кроме того, потребление — это использование не только материальных продуктов, но, в основном, представлений, всё больше структурирующих человека, как существо капитала, и оживляющих капитал, как общее представление. Цены больше не обладают функцией, которой они обладали в период формального господства капитала, когда они были представлением стоимости; они становились простыми показателями или знаками представлений капитала. Бесплатные товары не являются невозможностью. Капитал мог бы назначать специфическое количество своих продуктов каждому запрограммированному индивиду; это количество могло бы зависеть от деятельности, навязанной этому индивиду. Такой деспотизм был бы сильнее, чем нынешний. Люди хотели бы обладать деньгами, которые «дали» бы им свободный доступ ко всему разнообразию товаров.

В ходе своего развития, капитал всегда стремился к отрицанию классов. Это было, в конце концов, достигнуто через универсализацию наёмного труда и формирование — в качестве переходной стадии — универсального класса, простого собрания пролетаризированных мужчин и женщин, собрание рабов капитала. Капитал достиг полного господства, мистифицируя требования классического пролетариата, доминируя над пролетариатом, как над производительным работником. Но, достигнув господства через посредство труда, капитал принёс исчезновение классов, поскольку капиталист, как лицо, был уничтожен⁵⁶. Государство становится обществом, когда наёмный труд преобразуется в отношения принуждения, в государственно-капиталистические отношения. В то же время государство становится предприятием или рэкетиром, посредничающим между различными бандами капитала.

Буржуазное общество было уничтожено, и пришёл **деспотизм капитала**. Классовые конфликты были подменены борьбой между организациями гангстерского типа, которые являются варьирующимися способами бытия капитала. Как результат господства представления, все организации, которые хотят противостоять капиталу, поглощаются им; их пожирают паразитические микроорганизмы.

Это реальный конец демократии. Нельзя более считать, что существует класс, представляющий собой будущее человечество, и тем более не существует такой партии, группы; делегирование власти невозможно.

Реклама элементарно отражает тот факт, что капитал является представлением, что он выживает, потому что является представлением в сознании каждого человека (заставляя его усваивать внутри себя то, что навязывается ему извне). Реклама является дискурсом капитала⁵⁷: всё возможно, все нормы исчезли. Реклама организует диверсии против настоящего, ради будущего, которое явно должно стать совсем иным.

«Теперь мы столкнулись с той проблемой, что средний американец должен чувствовать себя моральным, когда он флиртует, когда он тратит деньги, даже когда он покупает вторую или третью машину. Одной из основных проблем этого процветания является санкционирование и оправдание этого, убеждение в том,

---

⁵⁵ Маркс, «Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.1.

⁵⁶ Здесь мы видим совпадение с азиатским способом производства, при котором классы никогда не могли стать автономными; при капиталистическом способе производства, они были поглощены им.

⁵⁷ См. книгу Д. Верра, «Le discours du capitalisme», изд. L'Herne. Интересный материал можно найти также в работах Бодрийяра: "Система вещей" и "К критике политической экономии знака", изд. Gallimard.

что удовольствие, получаемое от этого морально, а не аморально. Это разрешение даётся потребителю для того, чтобы он свободно наслаждался жизнью, ему показывают, что у него есть право окружать себя товарами, обогащающими его существование, это должно стать одной из основных тем в рекламе и в любом другом проекте, направленном на увеличение продаж».

Разложение сознания, которое можно видеть в таких проявлениях, как движения за освобождение женщин, геев и против психиатрии (которые стали возможными только после работ Фрейда, Райха и феминистского движения начала века) не является частью спонтанного зарождения революционной сознательности, но лишь отражает конец буржуазного общества, основанного на стоимости, на закреплённом стандарте, воздействующем на все уровни человеческой жизни. Разложение началось, когда общий эквивалент вступил в конфликт с обращением. Если прошлый общий эквивалент уступает, он утрачивается. Государству пришлось заставить все субъекты уважать нормальность, основанную на стандарте, устанавливающем общественные ценности. Закон стоимости заключал в несвободу людей, заставляя их соответствовать стереотипам, устоявшемуся образу жизни. Высшая точка развития моральности проявилась в Кантовом категорическом императиве. Поглощая общий эквивалент, становясь своим собственным представлением, капитал упразднил все запреты и жёсткие схемы. На этом уровне люди прикрепляются к его движению, которое может отталкиваться от нормального или аномального, морального или аморального человека.

Конечный, ограниченный человек, индивид буржуазного общества, исчезает. Люди страстно призывают к освобождению человека, существа, которое является заодно социальным и *Gemeinwesen* (бытием-вместе, примеч. пер.). Но в настоящее время именно капитал видоизменяет человека, придаёт ему форму и материю; и общинное бытие реализуется в форме коллективного рабочего, а индивидуальность в форме потребителя капитала. Поскольку капитал является неопределённостью, он предоставляет человеку доступ к состоянию по ту сторону конечного, в бесконечном становлении овладения, которое никогда не реализуется, в каждый момент обновляя иллюзию всеобщего процветания.

Человек по образу капитала перестаёт рассматривать любое событие как ключевое, он видит его как момент в бесконечном процессе. Удовольствие дозволено, но не бывает возможным. Человек становится чувственным и пассивным вуайеристом, а капитал чувственным и сверхчувственным существом. Человеческая жизнь перестаёт быть процессом и становится линейной. Вдохновляясь процессом капитала, люди уже не могут быть «самими собой». Эта вдохновлённость опустошает его, создаёт вакуум, который он должен постоянно удовлетворять представлениями (капитала). В общем, капитал в процессе гарантирует себе господство, делая линейным любой процесс. Так он нарушает движение природы, что ведёт его к её уничтожению. Но если это уничтожение ставит в опасность его собственный процесс, капитал адаптируется к природе (через экологов, например).

Неживое становится автономным — и одерживает триумф. Смерть в жизни: Гегель интуитивно чувствовал её, Ницше описал её, Райнер Мария Рильке воспевал её, Фрейд практически сделал её официальной истиной (инстинкт смерти), дадаисты изобразили её в шутовском искусстве, а «фашисты» поклонялись ей: «Да здравствует смерть!». Американское феминистское движение индивидуализировало её :

«Мужчина любит смерть — она сексуально возбуждает его и, уже мёртвый внутри, он хочет смерти».
(Valérie Solanas : *Scum*, изд-во Olympia, 1971 г.)

Автономия формы воздействует на все аспекты жизни, над которыми господствует капитал. Знание обладает ценностью только если оно формализовано, опустошено, освобождено от содержания. Абсолютное знание — это реализованная тавтология; это мёртвая форма, используемая для всех знаний. Наука — это его систематизация; эпистемология — его избыток.

В эпоху своего реального господства, капитал предпринял «gun away» (как говорят кибернетики)⁵⁸, бежал от человека. Люди уже не контролируют его. (Люди в форме пролетариев могут, по крайней

---

⁵⁸ Мы проанализировали автономизацию капитала в книге «VI неопубликованная глава «Капитала» и экономическая работа Маркса» (1966), особенно в примечаниях 1972-го.

В будущей статье мы проанализируем эту тему более тщательно, показав, что Маркс поднял проблему, но не понял всей её тотальности и анализируя современный капиталистический способ производства. Это также приводит нас к определению труда и его роли в развитии человечества. Ж. Брюле уже начал подобный анализ в своей статье во втором номере «Invariance», серия II : «Le travail, le travail productif et les

мере, пассивно, представлять собой барьер для развития капитала). Он больше не ограничен природой. Некоторые производительные процессы, осуществлявшиеся в течение долгого времени, привели к столкновениям с природными барьерами: численное увеличение человечества, разрушение природы, загрязнение окружающей среды. Но эти барьеры нельзя теоретически рассматривать как барьеры, которые капитал не может преодолеть. В настоящее время для капиталистического способа производства есть три возможных курса (в дополнение к уничтожению человечества — гипотеза, которую нельзя сбрасывать со счетов):

- полная автономия капитала: механистическая утопия, в которой люди становятся простыми дополнениями к автоматической системе, хотя всё ещё выполняют исполнительную роль;
- мутация человека, или видоизменение человеческого рода: производство абсолютно программируемого существа, утратившего все характеристики вида *Homo sapiens*. Для этого не потребуется автоматизированная система, поскольку подобный совершенный человек будет делать всё, что потребуется;
- всеобщее помешательство: вместо человека, на основе его современных ограничений, капитал реализует всё, чего он не пожелает (нормальное и ненормальное), но человек не может найти сам себя, и удовольствие постоянно лежит в будущем. Бегство капитала увлекает за собой человека, который поддерживает его функционирование⁵⁹.

Конечный результат будет одним и тем же во всех случаях: эволюция человека замораживается, в одном случае раньше, чем в другом. Эти возможности — абстрактные ограничения; в реальности они разворачиваются одновременно и противоречивым образом. Для того, чтобы продолжать свой бесконечный курс, капитал вынужден обращаться к человеческой деятельности, восхвалять человеческое творчество. А для того, чтобы гарантировать себе вечную жизнь, капитал должен действовать быстро. Он натывается на препятствия во времени и пространстве, связанные с уменьшением природных ресурсов, (которые нельзя подменить синтетическими заменителями) и безумным увеличением человечества (которое вызывает исчезновение многочисленных форм жизни).

Становится ясно, что те, кто поднимает знамя труда или его упразднения, остаются на территории капитала, в рамках его эволюции. Даже движение к безграничному обобществлению желания изоморфно по отношению к бесконечному движению капитала.

---

mythes de la classe ouvriere et de la classe moyenne». (Труд, продуктивный труд и мифы о рабочем и среднем классах).

В целом, мы можем сказать, что концепция труда редуцирует: она включает только часть человеческой деятельности. Но призыв к его упразднению — это призыв к уничтожению этого напоминания о деятельности, что является утопическим требованием капитала. Проект коммунизма входит в контекст человеческой жизни, при том, что деятельность — это лишь вид самовыражения. Любовь, размышление, мечты, игра и другие проявления человека располагаются снаружи поля жизни, когда мы загоняем себя в ловушку труда. Маркс определял труд как деятельность, преобразующую природу или материю ради той или иной цели, но эта концепция природы уже стала неприемлемой. В период господства капитала, человек больше не находится в контакте с природой (особенно во время работы). Между природой и человеком встаёт капитал. Капитал становится природой.

С другой стороны, в своих так называемых «философских» работах Маркс ясно говорит о всей человеческой деятельности и утверждает, что коммунизм не может быть сведён к освобождению труда. Эта позиция не исчезает полностью из остальных работ Маркса и выживает наряду с «революционно-реформистской» концепцией, выраженной в *Капитале*. Для марксистов проблема впоследствии упрощается: они преклоняются перед трудом, чистым и простым. В работе Троцкого, например, нет уже и следа от сложного анализа Маркса, речь в ней скорее идёт на языке приручения, на языке капитала: «Вся история человечества является историей организации и образования социального человека для труда, в целях достижения наибольшей возможной продуктивности» (Терроризм и коммунизм (фр. изд.: Paris: Ed. 10/18, 1963, стр. 2181.)

⁵⁹ Эта возможность описывается и превозносится в «Шоке будущего» Элвина Тоффлера.

Капиталистический способ производства не является упадочным и не может прийти в упадок. Буржуазное общество расщепляется, это верно, но это не ведёт к коммунизму. В лучшем случае мы можем сказать, что коммунизм утвердился в оппозиции к буржуазному обществу, но не в оппозиции к капиталу. Бегство капитала было неразличимым; фактически это бегство было реализовано только с подъёмом фашистских, нацистских движений, народных фронтов, Новой Сделки и т.д., т.е. движений, которые стали переходом от формального к реальному господству капитала. Считалось, что из обобществления человеческой деятельности, а, следовательно, из уничтожения частной собственности появляется коммунизм, в то время как на деле, в виде материальной общности, появился капитал.

2. Рост производительных сил; Приручение человека

Капиталистический способ производства приходит в упадок только с началом успешной революции против капитала. На данный момент, в течение века загнивают скорее люди, прирученные капиталом. Эта прирученность проистекает из неспособности пролетариата освободить человечество. Производительные силы продолжают расти, но это силы капитала.

«Капиталистическое производство, следовательно, развивает технику и комбинацию общественного процесса производства лишь таким путем, что оно подрывает в то же самое время источники всякого богатства: землю и рабочего». («Капитал», книга первая, Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.23, стр.315, 1960)

Не имеет смысла заявлять, что производительные силы человечества перестали расти, что капиталистический способ производства начал загнивать. Подобные взгляды выказывают неспособность многих теоретиков распознать бегство капитала и через него понять коммунизм и коммунистическую революцию. Парадоксальным образом, Маркс анализировал разложение буржуазного общества и условия для развития капиталистического способа производства: общество, при котором производительные силы развивались бы свободно. То, что он представлял как проект коммунизма, было реализовано капиталом.

Человек выработал диалектику развития производительных сил⁶⁰. Он считал, что освобождение человечества зависит от их полнейшего развития. Коммунистическая революция — а, следовательно, конец капиталистического способа производства — должна была произойти, когда этот способ производства уже не был бы «достаточно большим» для того, чтобы содержать в себе производительные силы. Но Маркс попал в ловушку двусмысленности. Он считает, что человек является препятствием для капитала и что капитал уничтожает человека как препятствие для своего развития, как производительной силы. Маркс также предполагает, что капитал может преодолеть человеческое препятствие. Это ведёт его к постулированию самоотрицания капитала. Это самоотрицание принимает форму кризисов, которые он воспринимает либо как моменты реструктуризации капитала (обновление через уничтожение продуктов, задерживающих процесс: ещё одна причина, по которой капитализм должен исчезнуть), или как сам момент уничтожения капитала.

Иными словами, обеспечивая элементы, необходимые для понимания реального господства капитала над обществом, Маркс не развил эту концепцию; он не осознал бегство капитала. Для Маркса, золото оставалось препятствием для капитала, противоречие между самовозрастанием и падением стоимости капитала оставалось в силе, а грабёж и отчуждение пролетариев оставались препятствием для эволюции капитала.

«В своём развитии производительные силы достигают такой ступени, на которой возникают производительные силы и средства общения, приносящие с собой при существующих отношениях одни лишь бедствия, являясь уже не производительными, а разрушительными силами (машины и деньги). . .».

(Перед тем как продолжить цитату, мы должны упомянуть опоздание тех, кто предвещает, что капитал только теперь развивает разрушительные силы. Оказывается, что для Маркса, в 1847-м, капитал являлся разрушением; он так и сохранил этот взгляд).

---

⁶⁰ Это требует детального изучения, которое должно включать анализ труда. В следующей статье мы начинаем это изучение: она представляет первые выводы, которых мы достигли. В частности, мы хотим проанализировать данную стадию упадка человечества, её выражение, и т.д. В дополнение к этому, мы хотим показать тесную связь между движением стоимости и диалектикой производительных сил. Конец движения стоимости и капитала является концом способа представления и уничтожает его автономию. Марксова диалектика будет полностью преодолена.

«... Вместе с этим возникает класс, который вынужден нести на себе все тяготы общества, не пользуясь его благами, который, будучи вытеснен из общества, неизбежно становится в самое решительное противоречие ко всем остальным классам; этот класс составляет большинство всех членов общества, и от него исходит сознание необходимости коренной революции, коммунистическое сознание, которое может, конечно, — благодаря пониманию положения этого класса, — образоваться и среди других классов».

Пролетариат был великой надеждой Маркса и революционеров его эпохи. Это класс, чья борьба за освобождение освободит всё человечество. Работа Маркса стала заодно анализом капиталистического способа производства и роли пролетариата в нём. Вот почему теория стоимости и теория пролетариата взаимосвязаны, хотя и не напрямую:

«Вышеупомянутое применение теории Рикардо о том, что весь социальный продукт принадлежит рабочим, как их продукт, потому что они являются единственными реальными производителями, напрямую ведёт к коммунизму. Но, как Маркс указывает в процитированном абзаце, формально это неверно с экономической точки зрения, потому что это просто применение морали к экономике. Согласно законам буржуазной экономики, самая большая часть продукта не принадлежит рабочим, которые его произвели. Если мы теперь скажем: это несправедливо, это не должно быть так — это не будет иметь ничего общего с экономикой. Мы просто говорим, что этот экономический факт противоречит нашему моральному чувству. Маркс, следовательно, основывал свои коммунистические требования не на этом, а на неизбежном падении капиталистического способа производства, ежедневно происходящего на наших глазах на возрастающем уровне...» («Немецкая идеология», Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.23, стр.69, 1955).

Маркс не развивал философию эксплуатации, как об этом часто упоминал Бордига. Как будет уничтожен капиталистический способ производства, и в чём будет состоять его «уничтожение»? (Энгельс, в 1884-м, предоставил аргументы для тех, кто сегодня говорит об упадке капитализма). Это не уточняется. После Маркса пролетариат остался в качестве класса, необходимого для окончательного, полного упразднения капитализма, и считалось само собой разумеющимся, что пролетариат будет вынужден сделать это.

Бернштейн осознал этот аспект Марксовой теории и применил его для того, чтобы продемонстрировать, что противоречий, толкавших к распаду, не существовало⁶¹. Но это привело Бернштейна к апологии старого буржуазного общества, которое капитал собирался уничтожить, особенно после 1913-го; его последующая работа нисколько не проясняет нынешнюю ситуацию.

Маркс оставил нам материал, при помощи которого можно преодолеть теорию стоимости, а также материал, необходимый для преодоления теории пролетариата. Обе теории взаимосвязаны и подтверждают друг друга. В «Экономических рукописях» (Grundrisse), Маркс превозносит капиталистический способ производства, который он считает революционным. Чего не утверждается открыто, так это того, что пролетариат обладает своими атрибутами лишь в той мере, в какой он исполняет внутренние законы капитализма. Пролетариат присутствует в анализе. Маркс постулирует, что нищета пролетариата обязательно подтолкнёт его к бунту, к уничтожению капиталистического способа производства и таким образом к освобождению всего, что есть прогрессивного в этом способе производства, а именно тенденции к расширению производительных сил.

В Капитале пролетариат рассматривается уже не как класс, представляющий собой распад общества, как отрицание в действии. Класс, находящийся под вопросом здесь — это рабочий класс, класс, более или менее интегрированный в общество, вовлечённый в революционный реформизм: в борьбу за повышение зарплаты, в борьбу против тяжёлого женского и детского труда, в борьбу за сокращение рабочего дня.

В конце первого тома, Маркс объясняет динамику, ведущую к экспроприации экспроприаторов, к увеличению нищеты, которая заставит пролетариат восстать против капитала.

Во втором томе «Капитала», а также в «Критике Готской программы», Маркс не описывает реальный разрыв между капитализмом и коммунизмом. Производительные силы продолжают расти. Разрыв заключается в том факте, что производство инвертируется (после революции; т.е., разрыв является временным). Целью перестает быть богатство, ей становится человек. Однако если между капитализмом и коммунизмом нет разрыва, люди должны измениться по собственной воле; как ещё

---

⁶¹ См. в частности «Движение дохода в современном обществе» и «Кризисы и возможности адаптации» в Предпосылках социализма и задачах социал-демократии, Rowohlt Verlag, pp. 75ff.

можно инвертировать цель? Здесь революционный реформизм Маркса достигает своей вершины. Диктатура пролетариата, переходный период (в «Экономических рукописях» в качестве переходного периода фигурирует капиталистический способ производства: очевидно, что это крайне важно для того, как мы определяем коммунизм сегодня) — это период реформ, самыми важными из которых являются сокращение рабочего дня и использование трудовых ваучеров. Здесь мы должны отметить связь между реформизмом и диктатурой, хотя мы и не можем настаивать на этом.

Кажется, что пролетариат нужен для того, чтобы руководить развитием производительных сил от полюса стоимости к полюсу человечества. Может случиться так, что пролетариат будет интегрирован капиталом, но — и этим злоупотребляют всевозможные марксисты — кризисы уничтожают резервы пролетариев и восстанавливают его в революционной роли. Тогда восстание против капитала вновь становится возможным.

Таким образом, работа Маркса представляется подлинным самосознанием капиталистического способа производства. Буржуазия, и капиталисты, следовавшие за ней, смогли выразить только фальшивое сознание с помощью различных своих теорий. Более того, капиталистический способ производства реализовал пролетарский проект Маркса. Оставаясь на чисто марксистской территории, пролетариат и его теоретики были обойдены последователями капитала. Капитал, достигнув реального господства, ратифицирует ценность работы Маркса в её урезанной форме (как исторический материализм). В то время как немецкие пролетарии в начале этого века считали, что их действия уничтожают капиталистический способ производства, они не видели, что лишь пытаются управлять им сами. Фальшивое сознание завладело пролетариатом.

Исторический материализм — это прославление блужданий, на которые человечество было обречено в течение более чем века: рост производительных сил, как *sine qua non* условие освобождения. Но, по определению, весь количественный рост происходит в сфере неопределённости, фальшивой бесконечности. Кто измерит «размер» производительных сил для того, чтобы определить наступил великий день или нет? Для Маркса существовало двойственное и противоречивое движение: рост производительных сил и обнищание пролетариев; это должно было привести к революционному столкновению. Иными словами, существовало противоречие между обобществлением производства и частной собственностью.

Тот момент, когда производительные силы должны были достичь уровня, требуемого для преобразования способа производства, должен был стать моментом кризиса капитализма. Этот кризис должен был обнажить ограниченность этого способа производства и его неспособность включать в себя новые производительные силы, т.о. обнажая также противостояние между производительными силами и капиталистическими формами производства. Но капитал обратился в бегство; он поглотил кризисы и успешно предоставил социальные резервы для пролетариев. Многим не осталось ничего иного, кроме как бежать вперёд: некоторые говорят, что производительные силы были недостаточно развиты, другие говорят, что они перестали расти. И те, и другие сводят проблему либо к организации авангарда, партии, или к деятельности, предназначенной для воспитания сознательности.

Развитие в контексте странствий — это развитие в контексте мистификации. Маркс считал мистификацию результатом обратного отношения: капитал, продукт деятельности рабочего, представляется создателем. Мистификация кроется в реальных событиях; мистифицирует реальность в процессе становления. Мистифицируется даже борьба пролетариата против капитала; всеобщая мистификация — это триумф капитала. Но, если вследствие своей антропоморфизации, эта реальность, производимая мистификацией, становится единственной реальностью, тогда вопрос следует задавать по-другому. 1) Поскольку мистификация является стабильной и реальной, нет смысла ожидать разоблачения мистификации, которая только обнажит истину предыдущей ситуации. 2) Из-за бегства капитала, мистификация представляется как реальность, и т.о. мистификация поглощается и становится неэффективной. Приходит деспотизм капитала.

Утверждение, что мистификация всё ещё действует, означает, что люди способны вступать в реальные отношения и постоянно мистифицируются. Фактически, мистификация действовала когда-то и затем стала реальностью. Она относится к исторической стадии, завершённой в прошлом. Это не упраздняет значимость её понимания и изучения для того, чтобы понять движение, ведущее к нынешней стадии капиталистического способа производства и осознать, кто был реальными действующими лицами на протяжении столетий.

Как мистифицирующая-мистифицированная реальность, так и предыдущая мистифицированная реальность должны быть уничтожены. Мистификация является «видимой» только если порываешь с

представлениями капитала (без иллюзий об ограничениях этого разрыва). Работа Маркса очень важна для этого разрыва. Но она содержит большой недостаток: она не объясняет всё величие мистификации, потому что не осознаёт бегство капитала.

Ранее, революция была возможной, как только обнажалась мистификация; революционный процесс был её уничтожением. Сегодня, человек поглощён, не только в предопределённости класса, в ловушке которого он находился веками, но как биологическое существо. Уничтожена должна быть тотальность. Разоблачения мистификации уже недостаточно. Бунт человека, поставленного под угрозу в своей непосредственной повседневной жизни выходит за рамки разоблачения мистификации. Проблема в том, чтобы создать иную жизнь. Эта проблема лежит одновременно по ту сторону старого дискурса о рабочем движении и его старой практики, так и вне критики, рассматривающей это движение как идеологию (а человека как идеологический осадок).

3. Репрессивное сознание

Мистификация воздействует не только на капиталистическое общество, но и на теорию капитализма. Марксистская теория, поднятая до ранга пролетарского сознания, является новой формой сознания: репрессивного сознания. Мы опишем некоторые из его характеристик, оставляя в стороне проблему определения того, все ли формы сознания в истории были репрессивными.

Объектом репрессивного сознания является цель, которую, оно, по его собственному мнению, контролирует. Поскольку между этой целью и непосредственной реальностью существует разрыв, это сознание становится теологическим и рафинирует различия между минимальной или непосредственной программой и максимальной, будущей, или переходной программой. Но чем длиннее путь к её реализации, тем больше сознание становится самоцелью и рафинируется в организации, которая воплощает эту цель.

Проект этого сознания подразумевает подгонку реальности под свою концепцию. Это источник всех софизмов о различиях между субъективными и объективными элементами. Оно существует, но не может быть. И как раз из-за своей неспособности быть, оно должно отрицать и презирать всё, что пытается проявиться, быть.

Иными словами, оно существует, но нуждается в определённых событиях для того, чтобы быть реальным. Поскольку оно является продуктом прошлого, любое текущее событие отрицает его. Так оно может существовать только в качестве полемики с реальностью. Оно отрицает всё. Оно может выжить только в замороженном виде, становясь всё более тоталитарным. Для того, чтобы действовать, оно должно быть организованным: отсюда мистика партии, советов и прочих коагуляций деспотического сознания.

Любое прямое действие, не признающее это сознание (а любой политический рэкет притворяется воплощением истинного сознания), осуждается им. За осуждением следует оправдание: нетерпение тех, кто бунтует, недостаток зрелости, провокации господствующего класса. Картину дополняют литании мелкобуржуазного характера вечных анархистов и утопизм интеллектуалов и молодёжи. Борьба не является реальной если не оживляет классовое сознание; некоторые даже желают войны для того, чтобы это сознание наконец появилось.

Теория превратилась в репрессивное сознание. Пролетариат стал мифом, не в смысле своего существования, а в смысле своей революционной роли класса, который должен освободить человечество и таким образом разрешить все социально-экономические противоречия. В реальности он существует во всех странах, характеризующихся формальным господством капитала, где этот пролетариат всё ещё является большинством населения; в странах, характеризующихся реальным господством капитала, можно найти огромное количество мужчин и женщин, живущих в условиях пролетариев 19-го века. Но деятельность любой партии или группы организуется вокруг мифа. Миф является их источником. Всё начинается с появлением этого класса, который определяется как единственный революционный класс в истории, или, по крайней мере, самый революционный. Всё что случилось до этого рассматривается как функция для возникновения этого класса, а все предыдущие события вторичны по отношению ко всему, что пережил или создал пролетариат. Он определяет даже поведение. Любой пролетарий спасён; любой не-пролетарий должен искупить своё непролетарское происхождение различными видами деятельности, вплоть до отбывания сроков на фабриках. Группа достигает революционного существования только в тот момент, когда она может предъявить одного или нескольких «подлинных» пролетариев. Наличие человека с мозолистыми руками является гарантией, сертификатом революционной подлинности. Содержание программы, отстаиваемой

группой, её теория, даже её действия, перестают быть важными; обладает значением лишь присутствие или отсутствие «пролетария». Миф поддерживает и оживляет антагонизм между интеллектом и физическим трудом. Многие коммунисты рабочих советов превратили анти-интеллектуализм в культ, служащий им в качестве замены теории и оправдания. Они могут плести любой идиотизм; они будут спасены; они пролетарии.

Точно так же, как многие думают, что тот, кто выходит из партии перестаёт быть революционером, считается невозможным быть революционером, не занимая пролетарскую позицию, не обладая пролетарскими добродетелями. Контрреволюция заканчивается на мифических границах, отделяющих пролетариат от остального социального тела. Любое действие во имя пролетарского движения оправдано. Человек действует не из потребности действовать, не из ненависти к капиталу, но потому что пролетариат должен восстановить свою классовую базу. Действие и мысль разоблачаются посредниками.

Вот как, особенно после 1945-го, пролетариат, как революционный класс, изжил себя: через свой миф.

Историческое изучение пролетарских революционных движений пролило бы свет на ограниченный характер этого класса. Сам Маркс ясно показал его реформистский характер. В общем и целом, начиная с 1848-го, когда он требовал права на труд, до 1917-1923 гг., когда он требовал полной занятости и самоуправления для рабочих профсоюзов, пролетариат бунтовал исключительно внутри капиталистической системы. Это кажется противоречием с Марксовыми «Критическими заметками к статье Пруссака ‘Король Пруссии и социальная реформа’». Но в этот момент пролетариат реально выказывал себя как класс без резервов, как воплощение тотального отрицания. Он был вынужден пойти на полный разрыв с обществом, который позволяет представить какой могла бы стать коммунистическая революция, а следовательно коммунизм. Маркс был прав; но капиталистический способ производства, для того, чтобы выжить, был вынужден уничтожить подрывавшее его отрицание. Пролетариат, который находится вне общества, как Маркс и Энгельс говорят в «Немецкой идеологии», всё больше интегрируется в общество; он интегрируется в той степени, в которой он борется за выживание, за укрепление; чем более он самоорганизуется, тем более он становится реформистским. Он успешно, вместе с немецкой социалистической партией, формирует контр-общество, которое в конечном итоге поглощается сообществом капитала, и тогда наступает конец отрицающего движения пролетариата⁶².

Разве Каутский, Бернштейн и Ленин не распознали просто реальность рабочего движения, когда они заявили, что его необходимо было объединить с социалистическим движением: «Рабочее движение и социализм ни в коей мере не идентичны по своей природе» (Каутский)?

Разве дискредитированное заявление Ленина о том, что пролетариат, сам по себе, способен обрести лишь профсоюзное сознание, не описывает истину о классе, привязанном к капиталу? Его можно критиковать только с точки зрения различия, проводимого Марксом в Ницете философии, между классом, как объектом капитала и классом как субъектом. Без революционного подъёма пролетариат не может стать субъектом. Процесс, через который он должен был стать субъектом, подразумевал вмешательство постороннего, внешнего сознания, которое в данный момент воплотилось бы в пролетариате. Это сознание, исходящее извне — это самая овеществлённая, самая отчуждённая форма репрессивного сознания! Следовательно, смысл не в возобновлении дебатов и возвращении к Марксу, но в признании того, что цикл пролетарского класса теперь окончен, в первую очередь, потому что его цели были реализованы, во вторую, потому что он уже не играет решающую роль в глобальном контексте. Мы достигли конца исторического цикла, в течение которого человечество (особенно та его часть, что проживает на Западе) двигалось в рамках классовых обществ. Капитал реализовал отрицание классов — посредством мистификации, поскольку он всё ещё сохраняет конфликты и столкновения, характерные для существования классов. Реальность — это деспотизм капитала. Мы должны противостоять капиталу, а не прошлому.

Почти все социал-демократы осознавали разрыв между реальным, реформистским движением рабочего класса и социалистической целью. Бернштейн заявлял, что было необходимо адаптироваться раз и навсегда, ясно и прямо, не лицемерно (как большинство социалистов) путём революционных

---

⁶² Что доказывает невозможность придерживаться «классистского» дискурса и поведения в то же время поддерживая основной «а-классистский» тезис о необходимости самоотрицания пролетариата.

заявлений, чтобы утаить компромиссы⁶³. В то же время, определять и классифицировать пролетариат становится всё более проблематичным. Эта проблема стала настолько острой, что в начале века почти все революционеры пытались определять пролетариат через сознание: Люксембург, Паннекук напрямую, Ленин, Троцкий косвенно через партию и т.д. Российская революция лишь увеличила срочность определения пролетарского класса; таков контекст попыток Корша и особенно Лукача в «Истории и классовом сознании». Позже Бордига считал, что класс следует определять в терминах способа производства, который он выстраивает. Так, он может быть классом для себя только с того момента, когда его действия движутся к этой цели, только в той степени, в какой он осознаёт свою программу (описывающую этот способ производства). Для Бордиги он существует, если существует партия, потому что программу может осуществить только партия. *«Нам всё ещё нужен объект, партия, для того, чтобы представить себе коммунистическое общество»*⁶⁴. Но в той мере, в какой мужчины и женщины способны двигаться к коммунизму сами по себе, как это наблюдается среди современной молодёжи, становится очевидно, что этот объект, партия, не нужен.

В общем, для адвокатов партии, так же, как и советов, проблема действия во многом сводится к поиску прямых или косвенных средств сделать пролетариат восприимчивым к собственному сознанию — поскольку согласно этому взгляду пролетариат является самим собой только через самосознание.

4. Коммунизм

Революционный реформизм — проект создания социализма на основе капитализма и в продолжение капиталистического способа производства — пришёл в упадок между 1913-м и 1945-м. Этот период стал концом иллюзии: иллюзии о том, что можно управлять развитием производительных сил в направлении отличном от того, в котором они развиваются в реальности. Мы можем согласиться с взглядом Маркса, что после 1848-го коммунизм был возможен именно потому, что прорыв капиталистического способа производства разрушил все социальные и естественные барьеры, благодаря чему стало возможным свободное развитие. Но менталитет, представления людей были таковыми, что они не могли ни представить себе, ни воспринять подобное будущее. Они слишком зависели от тысячелетнего движения стоимости, или были слишком ослаблены ограничениями извратившихся останков своих старых общин, для того, чтобы выйти на новый путь к иной общности. Даже Маркс и Энгельс в конечном итоге рассматривали капитализм как необходимый момент и считали, что все люди на земле неминуемо пройдут через него. Только бунты русских народников и их желание избежать капиталистического пути, заставили Маркса осознать свою ошибку. Но этого осознания было недостаточно. С середины 19-го века, при помощи оправдания, предоставленного марксистской теорией (теорией пролетариата), всё человечество начало свои странствия: оно начало развивать производительные силы.

Если мы больше не можем принимать теоретический анализ Маркса о роли производительных сил, мы, тем не менее, можем согласиться с ним обходным путём. Капитал поработает человечество во имя самого человечества, потому что он антропоморфизируется. Это не что иное, как царство смерти. Над людьми довлеет их прошлое бытие, в то время как они созерцают его. Это процесс, который постоянно возобновляется с самого начала. Капитал проникает в мысль, сознание и уничтожает человека, воспроизводившегося в течение веков классовых обществ. Утрата человеком субстанции — это утрата своего прошлого бытия, выкачанного из него капиталом. Поскольку этот процесс уже почти завершён, капитал переходит теперь от атаки на прошлое измерение человечества к атаке на его будущее измерение: теперь он должен завладеть воображением. Человек лишён всего и сводится к чисто биологическому измерению. Феномен возвращается к своим корням. Иными словами, развитие производительных сил кажется необходимым для разрушения старых схем, образов мысли, архаичных представлений, ограничивавших человека (это разрушение анализируется сейчас философами вроде

---

⁶³ На эту тему, см. книгу Г. Мюллера, опубликованную в 1892-м, *Der Klassenkampf in der Deutschen Sozialdemokratie*, Verlags-kooperative Heidelberg-Frankfurt-Hanover-Berlin, 1969. Эта книга ясно показывает двойственность-двуличность таких людей как Бебель, выказывавших себя «правыми» в парламенте и «левыми» на рабочих митингах, которые говорили одной аудитории, что пройдёт очень много времени прежде чем принципы социализма смогут быть реализованы, в то же время говоря другой, что социализм находится за углом. Эта книга интересна также тем, что содержит позиции, которые позже заняла KAPD (Немецкая Коммунистическая Рабочая Партия).

⁶⁴ Бордига на собрании в Милане, 1960.

Фуко). Человек, чьё биологическое существование находится под угрозой, начинает восставать против капитала. Именно на этой точке всё может быть вновь экспроприровано обобщённым созиданием. Но это становление не является простым, однолинейным. Капитал всё ещё может извлекать выгоду из созидательности человека, возрождаясь и получая новую субстанцию через грабёж человеческого воображения. Значение и глубину борьбы можно понять перед лицом альтернативы: коммунизм или уничтожение человеческого вида. И нельзя забывать, что, если во время блужданий различные революционные движения искали выхода и различные возможности были блокированы; теперь они могут проявиться⁶⁵.

Нам надо прекратить наши странствия и уничтожить репрессивное сознание, препятствующее появлению коммунизма. Для этого нам нужно перестать воспринимать коммунизм, как продолжение капиталистического способа производства и перестать считать, что достаточно подавить меновую стоимость и дать одержать триумф потребительной стоимости. Эта дихотомия больше ничего не значит. Потребительная стоимость привязана к стоимости, даже если она обращается вокруг принципа полезности вместо продуктивности; будучи основанной на прямом господстве над человеком, она неотделима от частной собственности.

Коммунизм — это не новый способ производства⁶⁶; это утверждение новой общности. Это вопрос бытия, жизни, хотя бы, потому что происходит фундаментальное смещение: от генерируемой энергии

---

⁶⁵ Абсолютная необратимость не является историческим фактом. Возможности, проявившиеся тысячи или сотни лет назад, не были упразднены навеки. История не является Молохом, поглощающим возможности, обрекая человеческое будущее на неизбежное и безнадежное разграбление. В таком случае история была бы просто оправданием для всего того, что случилось. Многие хотели бы свести историю к этому, превратив её в наихудшего из деспотов.

Философия Гегеля с её диалектикой преодоления (*Aufhebung*), упраздняющего и сохраняющего в одно и то же время движения, было попыткой спасти всё, что человек произвёл в предыдущие эпохи. Гегеля тревожила проблема утраты реальности, множества проявлений и возможностей и т.д. Так он придавал огромное значение памяти (см. в частности главу «Абсолютное знание» в Феноменологии духа).

По контрасту, движение капитала упраздняет память о его предыдущих стадиях (путём мистификации и магии), как и о стадиях человечества, и представляет себя, в текущем состоянии, высшей стадией развития — «овеществлённой» (или застывшей) формой» (См. Маркс, Теории прибавочной стоимости, [Москва: 1971 г.], т. III, глава «Доход и его источники. Вульгарная политическая экономия»).

⁶⁶ Концепция способа производства в реальности обладает ценностью только в случае с капиталистическим способом производства, точно так же как концепция класса в реальности действует только в буржуазном обществе. Концепция производства довольно богата своими атрибутами в работе Маркса. Она обедняется по мере перехода от Рукописей 1844 и Немецкой идеологии к Капиталу. Она тесно связана с концепцией природы, а также с определённой концепцией человека. Иными словами, перед нами гораздо более сложная «данность», когда мы исследуем её только в связи с существованием первобытных коммунистических общин и их распадом. Отделение человека от общности (*Gemeinwesen*) является его грабежом. Человек, в качестве рабочего утратил атрибуты, сформировавшиеся как целое, когда он был связан с общиной.

Процесс экспроприации человека реален. Те, кто не понимает этого, не понимают, что такое капитализм. Человек сводится к существу без выражения; он утратил свои чувства, а его деятельность была сведена к количественному труду. Человек, превратившийся в абстрактное существо, тоскует по музыке, которая всё ещё сохраняет чувственность предков (отсюда мода на джаз и южноамериканскую музыку). Урезанное человеческое существо обладает теперь лишь одним элементом, связующим его с внешним миром: сексуальностью, заполняющей пустоту чувств. Именно это объясняет пансексуальность, или точнее пансексуализацию бытия, которую Фрейд истолковывал как инвариантную характеристику человека, в то время как она является результатом его искалеченности. Что такое подсознательное, если не аффективно-чувственная жизнь человека, подавляемая капиталом? Человека следует приручить, подогнать под рациональность, которую он должен внутренне усвоить — рациональность процесса производства

к живому существу, производящему её. До сих пор мужчины и женщины отчуждались этим производством. Они не добьются господства над производством, но создадут новые отношения между собой, которые определяют совершенно иную деятельность.

Не является коммунизм и новым обществом⁶⁷. Общество появляется из покорения одних этнических групп другими или из формирования классов. Общество — это сеть социальных отношений, которые быстро становятся деспотическими посредниками. Человек в обществе — это человек порабощённый обществом.

Коммунизм кладёт конец кастам, классам и разделению труда (к которому было привито движение стоимости, в свою очередь оживляющее и стимулирующее это разделение). Коммунизм — это в первую очередь союз. Это не господство над природой, а согласие с ней, а отсюда её возрождение: человек обращается с природой уже не как с объектом для своего развития, как с полезной вещью, но как с субъектом (не в философском смысле) неотделимого от него, хотя бы, потому что природа находится в нём. Натурализация человека и гуманизация природы (Маркс) реализуется; диалектики субъекта и объекта больше нет.

За этим следует уничтожение урбанизации и формирование множества коммун, распространяющихся по всей Земле. Это подразумевает упразднение монокультуры, ещё одной формы разделения труда, и полное преобразование транспортной системы: транспортировка сильно уменьшится. Только коммунитарный (общинный) образ жизни может позволить человеку управлять своим воспроизводством, ограничить (безумный сегодня) рост населения, не обращаясь к достойным презрения методам (вроде уничтожения мужчин и женщин).

Господство одной группы над другой, классовое общество, берёт истоки в седентаризации человека. Мы всё ещё живём с мифами, порождёнными во времена этого оседания в том или ином уголке нашей матери Земли: с мифами Родины, чужестранца; с мифами, ограничивающими видение мира, калечащими нас. Очевидно, что реакцией не может быть возвращение к кочевничеству того типа, который практиковали наши предки, собиратели. Мужчины и женщины приобретут новый образ бытия по ту сторону кочевничества и оседлости. Оседлая жизнь вкупе с отсутствием телесной активности стали главной причиной почти всех соматических и психологических заболеваний современного человека. Активная и непривязанная к одному месту жизнь излечит эти проблемы без медицины или психиатрии.

Переход к коммунизму подразумевает преобразование техники. Технология не нейтральна; её определяет способ производства. На Западе, более чем где-либо, различные способы производства в

капитала. Как только это приручение достигается, человека лишают этой репрессированной чувственной жизни, которая становится объектом изучения, науки; она становится капитализируемой. Бессознательное, становясь предметом торговли, нарезается ломтями и продаётся в розницу на рынке знания.

Бессознательное существовало не всегда, и оно существует теперь только в качестве компонента дискурса капитала; то же самое касается человеческих извращений.

Будучи сведённым к абсолютной невыразительности, человек становится всё более и более похожим на элементарную частицу, изучаемую ядерной физикой, в которой можно найти принципы психологии капитализированного человека, движущегося в поле капитала.

⁶⁷ Разговоры о примитивном обществе также являются нездоровым признаком. Мы обоснуем это в новом анализе примитивных общин. Если верно, что работа Маркса неадекватно раскрывает вопрос существования, развития и распада первобытных общин, неверно, что Маркс был абсолютно неправ из-за евроцентризма или духа Просвещения, а именно, что его работа страдает от тех же недостатков, что и буржуазная теория. Большинство тех, кто придерживается этого взгляда не поняли вопрос коммуны в работе Маркса и свели его работу к простому историческому материализму.

Работе Маркса не хватает детального анализа того, как в примитивных коммунах появилась «экономика», спровоцировавшая их распад.

Следует добавить, что разговоры о капиталистическом обществе становятся всё более обманчивыми. Мы ещё вернёмся к этому.

возрастающей мере отделяли человека от технологии, которая изначально была лишь человеческой модальностью. Призыв к удобной технологии — это призыв к технологии, которая станет опять же продлением человека, а не автономной вещью на службе у угнетателя⁶⁸.

Людей при коммунизме нельзя определять как просто пользователей; это был бы коммунизм в виде земного рая, в котором люди бы владели всем, что есть с такой непосредственностью, что человек не отличался бы от природы (человек, как сказал Гегель в данном контексте, был бы животным). Люди являются создателями, производителями, пользователями. Весь процесс реконструируется на более высоком уровне и для каждого индивида. В отношениях между индивидами, другой больше не рассматривается с точки зрения пользы; поведение в терминах пользы прекращается. Мужской и женский пол достигают примирения, сохраняя свои различия; они утрачивают различия и жёсткие противостояния, ставшие плодом тысячелетий их антагонизма.

Эти несколько характеристик должны адекватно прояснять, как можно представить себе движение восхождения к общечеловеческой коммуне.

Мы все рабы капитала. Освобождение начинается с отказа воспринимать себя в рамках категорий капитала, а именно, как пролетария, члена нового среднего класса, капиталиста и т.д. Так, мы перестаём воспринимать также другого — в его движении к освобождению — в рамках тех же категорий. На данной точке может начаться движение к признанию человека. Ясно, что это может быть только началом движения освобождения, и ему постоянно будет грозить провал. Отказ принимать это во внимание отрицает власть капитала. Воспринимать следует его динамику. Мы рабы; наша цель не в том, чтобы стать повелителями, хотя бы и без рабов, но в том, чтобы упразднить диалектику повелителей и рабов. Эта цель не может быть реализована организацией отдельных общин, которые, будучи всегда изолированными, никогда не становятся препятствием для капитала, легко могут быть взяты в окружение капиталом и являются не более чем извращением по отношению к его нормам (извращением, которое выказывает что такое норма). Цель не может быть достигнута также через культивацию индивидуальной жизни, в котором отдельный человек наконец-то обрёл бы реальное человеческое бытие. В реальности оба эти подхода должны быть связаны. Восприятие самого себя как человека, которому не мешают никакие атрибуты, уже снимает с тебя ошейник, надетый классовым обществом. Желание общности абсолютно необходимо. Утверждение индивидуальности (особенно в её временном аспекте) является отрицанием прирученности. Но его недостаточно даже для того, чтобы стать первым элементом бунта; человек является индивидом и *Gemeinwesen* (бытием вместе, примеч. пер.). Сведение человека к нынешнему невыразительному состоянию смогло произойти только из-за упразднения *Gemeinwesen*, возможность каждого индивида вобрать в себя универсальное, объять всё целое человеческих отношений в целостности времён. Различные религии, философии и теории просто заменяли собой этот важнейший компонент человеческого бытия. Поскольку коммунизм является

---

⁶⁸ В примитивных общинах человек правит технологией. Технология начала становиться автономной в древнем западном обществе, и древние боялись этого. Технология принуждает человека копировать природу, даже если позже он сможет найти процедуру, которой нет в природе; так, он подчиняется обязательной процедуре, умениям, чему-то вроде естественного порядка. Кажется, что он теряет способность свободно созидать. (На эту тему, см. комментарии Ж.П. Вернана в Мифе и мысли у греков (*Mythe et pensee chez les grecs*, Ed. Maspero). Когда человек уже не боится технологии, он в то же время приходит в согласие с искусством, которое было дискредитировано в конце эры рабовладельческого общества. Это произошло во время Возрождения, когда философы определяли человека как существо производящее себя (См. Кассирер, Индивид и космос в философии Ренессанса). Но развитие технологии не ведёт человека к природе; напротив, оно привело к экспроприации человека и разрушению природы. Человек всё больше утрачивает созидательные качества. В этом смысле, страх древних был обоснованным.

От философов Возрождения, через Декарта и Гегеля, до Маркса, человек определяется по отношению к технологии (человек — создатель орудий: Франклин) и к производству. Для того, чтобы выйти по ту сторону Маркса, необходимо пересмотреть «человеческий феномен» от распада примитивных сообществ до сегодняшнего дня и переосмыслить работы философов и экономистов от Аристотеля до Маркса для того, чтобы лучше понять, как человек воспринимает сам себя в период господства стоимости, а затем и капитала, а также для того, чтобы понять как, теперь, когда мы подошли к концу феномена стоимости, мы можем воспринимать человечество, а значит и коммунизм.

смертью одинаковости, повторения, люди проявятся во всём своём своеобразии; Gemeinwesen будет утверждаться каждым. Это подразумевает, что с данных пор мы отвергаем деспотизм религии, философии, теории.

Отказ пребывать в ловушке теории — это не отрицание всякого теоретического размышления. Как раз наоборот. Но это отрицание постулирует, что теоретической деятельности недостаточно. Теория может призывать к примирению чувств и рассудка, но она остаётся в границах этого разделения. Утверждать следует целостность жизни, всех её проявлений, всего единого бытия. Может быть, всё ещё необходимо пользоваться прозрениями Маркса, например, но становится всё большей глупостью считать себя марксистом. Более того, как и репрессивное сознание, теория может стать простым алиби для бездействия. Сначала, отказ от действия может быть абсолютно оправдан. Тем не менее, оторванность от реальности часто ведёт к неспособности воспринять новые феномены, формирующие её. На этой точке теория, вместо того, чтобы помогать устанавливать контакт с реальностью, становится агентом отчуждения, отдаления и, в конце концов, превращается в уход от мира, самоизгнание. Ожидание особенно трудно для тех, кто не хочет признать, что другие могут прийти к теории без нас, нашей группы, или нашей партии в качестве посредников. Теория, как и сознание, требует объективации до такой степени, что даже индивид, отрицающий политический рэккет может поднять теорию до статуса рэккета. В революционном субъекте, теория является деспотизмом: все должны признать это.

После доминирования ума над телом в течение более чем двух тысячелетий, ясно, что теория всё ещё является проявлением этого доминирования.

Определяющей становится целостность жизни. Разнообразные проявления прошлого — искусство, наука — являются фрагментами. Это элементы повально обворованного человека, а также попыток излечить его. Но смысл уже не в том, чтобы реализовать искусство или науку; капитал уже сделал это своими методами; смысл в том, чтобы завоевать и создать иной мир: мир, в котором весь биологический потенциал вида мог бы, наконец, получить развитие. В этом широком движении, было бы тщетным выдавать себя за хранителя истины. Во-первых, истина, как и стоимость, нуждается в измерении, стандарте, общем эквиваленте, норме, а значит в государстве. Во вторых, истина — это всегда лишь одна истина. Историческая инфляция этой концепции происходит параллельно со всё более тщательным уничтожением человека. Нельзя предполагать ничего меньшего, чем иная жизнь, при которой жесты, слова, представления и чувства человека больше не были бы скованными, при которой чувства и разум соединились бы — только этот союз может уничтожить всю одержимость безумия. Ясно, что всё это может быть завоёвано только посредством уничтожения капиталистического способа производства. Человечество всех времён враждебно капиталу. Человек должен будет глубоко революционизировать сам себя для того, чтобы быть способным противостоять капиталу; действия этого движения должны сопровождаться производством революционеров.

Появление революции во всех сферах нашей жизни приводит некоторых к приданию излишнего значения местам, где они впервые почувствовали это появление.

Революция появляется не из той или иной части нашего бытия — из тела, пространства или времени. Наша революция, как проект восстановления коммуны была необходима ещё с того момента, когда были уничтожены древние общины. Сведение коммунистической революции к восстанию, которое должно разрешить противоречия капиталистического способа производства нанесло немалый вред. Революция должна разрешить все старые противоречия, созданные классовыми обществами, поглощёнными капиталом, все противоречия между относительно примитивными общинами и движением меновой стоимости в данный момент поглощаются движением капитала (в Азии и особенно в Африке). Кроме того, революционное движение — это революция в природе, доступ к мысли и овладение бытием с возможностью использования предлобных центров мозга, связанных, как считается, с воображением. Революция обладает биологическим, а следовательно, космическим измерением, если считать космическое ограниченным (нашей солнечной системой); космической также в значении древней философии и мистики. Это означает, что революция — это не просто объект страсти нашей эпохи, но также миллионов людей, от наших древних предков, бунтовавших против движения меновой стоимости, которую они рассматривали как фатализм, через Маркса и Бордигу, которые, в своём измерении пророков, были свидетелями неутолимой страсти к созданию новой общности, человеческой общности. Желать как-то позиционировать революцию — это всё равно, что желать зарегистрировать её вершину. Сен-Жюст сказал, что революция не может остановиться до тех пор пока счастье не будет реализовано, показывая этим ложность стремления судить людей чисто в терминах историко-материальных фактов данной эпохи. Человек никогда не является чистым здесь-бытием. Он может быть, только преодолевая, и он не может быть только тем, что должно быть

преодолено (Ницше). Человек является преодолением, потому что структурно и биологически он является существом преодолевающим. Иными словами, человек является исследователем возможного и не удовлетворяется немедленно реализуемым, особенно если оно ему навязано. Он утрачивает эту страсть, эту жажду к созиданию, поскольку, что такое возможное, если не изобретение? — когда его деградируют, отчуждают, отрезают от его *Gemeinwesen*, а значит калечат, превращают просто в индивида. Только с реальным господством капиталистического способа производства человек опустошается полностью.

Все революции вида являются революциями, которые пытаются выйти за рамки настоящего момента, по ту сторону всего, что дозволено развитием производительных сил (Бордига). Этот выход за пределы возможного является связью человеческих поколений, точно так же как перспектива коммунизма, рассматриваемого как уничтожение классов, обмена и стоимости является связью между различными революционерами; вот что, вслед за Марксом, мы называем исторической партией⁶⁹.

Борьба против урезывания этой амплитуды революции уже является революционной борьбой. Читателя не должно удивлять, если для поддержки этой амплитуды мы обращаемся к авторам, на которых классически навешивается ярлык религиозных, мистических писателей и т.д. Важна новая экспроприация *Gemeinwesen* (а прошлые жизни являются частью его), которую можно произвести только после объединения вида, а это объединение можно рассматривать только как стремление, желание, страсть и волю к общности, выраженную в веках. Человек может одновременно быть *Gemeinwesen* только если человечество живёт в общности. Как только проявляется фрагментация, появляется потребность в воссоздании единства. На Западе это единство обладало переходной и принудительной формой: индивида определяло государство; знание было средством для установления иерархии и оправдания установленного порядка; появился порочный круг практики-теории.

Коммунистическая революция — это совершенная революция. Биологическая, сексуальная, социальная, экономическая революции — лишь частичные атрибуты; преобладание одного из них калечит революцию, которая может сбыться только будучи всем.

Коммунистическую революцию можно понять, только если рассматривать её через историю и палеонтологию человека, а также других существ. Осознав это, мы поймём, что, если эта революция давно уже была необходимой, её можно реализовать. Раньше она была возможной, но не неизбежной. Всё ещё существовали иные «человеческие» пути, позволявшие человеческое развитие; в особенности, она делали возможным воплощение человеческих сил. Теперь почти всё уже было воплощено и разграблено, что оставляет лишь один путь кроме коммунистической революции: полное отрицание человека. Поэтому мы должны понять наш мир; мы должны понять деспотизм капитала и движение бунта против него. Этот акт понимания, происходящий не только на интеллектуальном, но и на чувственном уровне (бунт в огромной мере является бунтом тела) может быть только через отрицание блужданий человечества и репрессивного сознания.

II. Упадок капиталистического способа производства или упадок человечества?

Часто думали и писали, что коммунизм будет процветать после уничтожения капиталистического способа производства, который будет подорван такими противоречиями, что его конец будет неизбежным. Но, благодаря многочисленным событиям этого века, в нашем поле зрения, к несчастью, появились и другие возможности: возвращение к «варварству», которое анализировала Р. Люксембург и всё левое крыло немецкого рабочего движения, Адорно и франкфуртская школа; уничтожение человеческого вида, очевидное для всех сегодня; наконец, состояние застоя, при котором капиталистический способ производства выживает, адаптируясь к деградированному человечеству, у которого не хватает сил для того, чтобы уничтожить его. Для того, чтобы понять провал будущего, считавшегося неизбежным, мы должны принять во внимание приручение человека классовыми обществами, но в основном, капиталом, и мы должны подвергнуть анализу автономизацию капитала.

Мы не собираемся полностью исследовать эти исторические отклонения здесь, на нескольких страницах. Комментируя фрагмент в «Экономических рукописях» мы можем показать, что понятие автономизацию капитала можно на основе работы Маркса, и мы можем также объяснить противоречия

---

⁶⁹ «Происхождение и функция партийной формы» (1961), опубликовано в *Invariance*, № 1, Серия 1. См. ниже в настоящем сборнике.

в мысли Маркса и его неспособность решить проблему. Фрагмент взят из главы об обращении. Для того чтобы понять его, мы должны помнить, что Маркс сказал незадолго до его написания:

«Итак, время обращения выступает в качестве границы для производительности труда; увеличение времени обращения равносильно увеличению необходимого рабочего времени, т. е. сокращению прибавочного рабочего времени, т. е. уменьшению прибавочной стоимости, т. е. задержке, ограничению процесса самовозрастания стоимости [Selbstverwertungsprozess] капитала». (Маркс, «Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.2, 1969).

Здесь Маркс делает крайне важное отступление:

«Здесь проявляется универсальная тенденция капитала, отличающая его от всех прежних ступеней производства. Несмотря на то что капитал ограничен по самой своей природе, он стремится к универсальному развитию производительных сил и таким образом становится предпосылкой нового способа производства, основанного на развитии производительных сил не для воспроизводства определенного состояния или в лучшем случае — для его расширения, но такого способа производства, при котором свободное, ничем не стесненное, прогрессивное и универсальное развитие производительных сил само составляет предпосылку общества, а потому и его воспроизводства; такого способа производства, единственной предпосылкой которого является выход за пределы исходного пункта». (Маркс, «Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.2, 1969).

Здесь не говорится о том, что превращает капитал в барьер, в то время как акцентируется его революционный, позитивный аспект (этот аспект акцентируется на многих других страницах «Экономических рукописей» и «Капитала»): тенденция к универсальному развитию производительных сил. Однако, что для нас существеннее, капитал не может реализовать это; это является задачей иного, высшего способа производства. Будущее общества принимает форму неопределённого, кумулятивного движения.

«Эта тенденция, которую имеет капитал, но которая вместе с тем противоречит ему как ограниченной форме производства и поэтому толкает его к гибели, — отличает капитал от всех прежних способов производства и вместе с тем содержит в себе то, что капитал является всего лишь переходным пунктом». (там же)

Соответственно, капитал движется к разложению через это противоречие. Жаль, что Маркс не упомянул здесь, что именно он понимает под «ограниченной формой производства», поскольку это не позволяет нам ясно «увидеть», что он имеет в виду под противоречием в данном, конкретном случае. Это влияет на понимание заявления о том, что капиталистический способ производства является переходной формой производства. Даже без объяснения этого противоречия, мы можем понять его следующим образом: капиталистический способ производства не вечен — полемический аргумент Маркса против буржуазных идеологий. Таково содержание его основных утверждений. Но ещё один аргумент содержится в предыдущем: капиталистический способ производства является революционным и позволяет переход к ещё одной, высшей социальной форме, при которой над человеком больше не будет господствовать сфера необходимости (сфера производства материальной жизни), и отчуждение прекратится.

Сегодня, после апогея марксизма, как теории процветания, ещё одна часть этого предложения представляется основополагающей: между двумя периодами есть непрерывная связь. Что такое переход если не противоположность разрыва? Эта связь заключается в развитии производительных сил. Отсюда следует позорная, но реальная взаимосвязь: Маркс-Ленин-Сталин! Но это не наша тема. Наша цель определить, из чего состоят производительные силы и для кого они существуют, согласно Марксу в «Экономических рукописях».

«Все прежние формы общества [V—28] погибли с развитием богатства, или, что одно и то же, — с развитием общественных производительных сил». (там же)

Богатство обретается в производительных силах и результатах их действия. Здесь заключается противоречие, которое, согласно Марксу, характеризует тотальность человеческой истории: богатство необходимо и поэтому его ищут, но оно уничтожает общество. Поэтому общество должно противостоять его развитию. Не таков случай капиталистического способа производства (он уничтожает все остальные социальные формации), который повышает производительные силы, но для кого?

«Поэтому у древних, сознававших это, богатство прямо обличалось как разложение общества [Gemeinwesen]. Феодалный строй, в свою очередь, погубили городская промышленность, торговля, современное земледелие (и даже отдельные изобретения, такие, как порох и печатный станок). Вместе с

развитием богатства, а потому также с развитием новых сил и расширявшегося общения индивидов разлагались те экономические условия, на которых покоилось общество [Gemeinwesen], те политические отношения различных составных частей общества, которые этому соответствовали, религия, в форме которой общество воспринималось в идеализированном виде (как общество, так и религия, в свою очередь, покоились на некотором данном отношении к природе, к которой сводится всякая производительная сила), характер, взгляды и т. д. индивидов. Уже одного развития науки — т. е. наиболее основательной формы богатства, являющейся как продуктом, так и производителем богатства — было достаточно для разложения этих обществ. Но развитие науки, этого идеального и вместе с тем практического богатства, является лишь одной из сторон, одной из форм, в которых выступает развитие производительных сил человека, т. е. развитие богатства. Если рассматривать вопрос идеально, то разложения определенной формы сознания было бы достаточно, чтобы убить целую эпоху. Реально же этот предел сознания соответствует определенной ступени развития материальных производительных сил, а потому — богатства. Разумеется, развитие имело место не только на старом базисе, но являлось развитием самого этого базиса». (там же)

Для Маркса производительные силы являются человеческими (исходящими от человека) и предназначаются для человека, для индивида. Наука как производительная сила (а значит и богатство, как это уже указано в «Рукописях 1844» и в «Немецкой идеологии») определяется развитием этих сил и соответствует появлению огромного числа внешних проявлений, большей возможности господства над природой. Даже принимая двойственную форму, процветание человека возможно; это тот момент, когда в развитии господствующего класса люди могут видеть модель для более полной жизни. Для Маркса, капиталистический способ производства, подталкивая развитие производительных сил, создает возможность для освободительной автономизации индивида. Это его самый важный революционный аспект.

«Наивысшее развитие самого этого базиса (тот цветок, в который он превращается; однако это все тот же данный базис, данное растение в виде цветка, поэтому после расцвета и как следствие расцвета наступает увядание) есть тот пункт, где сам базис приобретает такую форму, в которой он совместим с наивысшим развитием производительных сил, а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе». (там же)

Упадок происходит оттого, что блокируется развитие индивидов. Это предложение нельзя использовать в поддержку теории об упадке капиталистического способа производства⁷⁰, поскольку следовало бы констатировать, что этот упадок уже начался, не в начале этого века, а по крайней мере в середине прошлого; иначе следовало бы показать, что упадок индивидов в то же время является упадком капитала, что противоречит возможным наблюдениям; Маркс сам постоянно объяснял, что за развитием капитала следовало уничтожение человека и природы.

Когда развитие производительных сил сопровождало развитие индивидов в различных обществах? Когда капиталистический способ производства был революционным сам для себя и для индивидов? Происходит ли постоянное движение производительных сил вперед, несмотря на моменты упадка индивидов? Маркс говорит: «... дальнейшее развитие выступает как упадок...» Находятся ли теперь производительные силы в застое; приходит ли капиталистический способ производства в упадок?⁷¹

Остальная часть отступления Маркса подтверждает, что слова об упадке относятся к человеку. Индивиды процветают, когда производительные силы позволяют им развиваться, когда эволюция одного происходит параллельно эволюции другого. Посредством сравнения с докапиталистическим периодом, Маркс показывает, что капитал не враждебен богатству, напротив, поднимает его производство. Так, он повышает развитие производительных сил. Сначала развитие человека, его общности, противостояло развитию богатства; теперь между ними осуществляется симбиоз. Для того чтобы это произошло, была необходима определенная мутация: капиталу надо было уничтожить ограниченный характер индивида; это ещё один аспект его революционного характера.

«Мы видели выше, что собственность [работников] на условия производства выступала как тождественная с ограниченной, определенной формой общества [Gemeinwesen], и, следовательно, — для

⁷⁰ Как это делает Виктор в *Revolution Internationale* № 7, 1 серия, стр. 4 статьи «Volontarisme et confusion.»

⁷¹ Различные авторы говорили о застое и упадке производства между двумя мировыми войнами. Бордига всегда отрицал теорию упадка капиталистического способа производства как постепенческую деформацию теории Маркса (см. «Le renversement de la praxis dans la theorie marxiste,» *Invariance* № 4, 1 серия).

того чтобы образовалось подобное общество, [Gemeinwesen] — как тождественная с ограниченной, определенной формой индивида, обладающего соответствующими качествами: ограниченностью и ограниченным развитием своих производительных сил. Сама эта предпосылка опять-таки, в свою очередь, являлась результатом ограниченной исторической ступени развития производительных сил: как богатства, так и способа создавать богатство. Целью общества [Gemeinwesen], целью индивида — так же как и условием производства — было воспроизводство этих определенных условий производства и воспроизводство индивидов: как порознь, так и в их общественных расчленениях и связях, воспроизводство их в качестве живых носителей этих условий. В качестве предпосылки своего воспроизводства капитал полагает производство самого богатства, а потому и универсальное развитие производительных сил, беспрестанные перевороты в своих существующих предпосылках. Стоимость не исключает никакой потребительной стоимости; следовательно, никакой особый вид потребления и т. д., общения и т. д. она не включает в качестве абсолютного условия; и точно так же всякая ступень развития общественных производительных сил, общения, знания и т. д. является для капитала лишь таким пределом, который он стремится преодолеть». (там же)

У этого отрывка знаменательные последствия. Здесь нет ссылок на пролетариат; в преобладающих условиях должна произвести переворот революционная роль капитала. Маркс уже говорил это, в ещё более открытой манере:

«Капитал разрушителен по отношению ко всему этому, он постоянно все это революционизирует, сокрушает все преграды, которые тормозят развитие производительных сил, расширение потребностей, многообразие производства, эксплуатацию природных и духовных сил и обмен ими». («Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.1, 1969)

Мы вынуждены принять новый подход к той манере, в которой Маркс располагает пролетарский класс в контексте постоянного переворота, осуществляемого капиталистическим способом производства. Что непосредственно очевидно — это революционность капиталистического способа производства по отношению к уничтожению прежних социальных отношений и революционность пролетариата по отношению к капиталу. Но именно на этой точке начинается проблема: капитализм является революционным, потому что развивает производительные силы; пролетариат не может быть революционным, если, после революции, он развивается или делает возможным иное развитие производительных сил. Как мы можем ощутимо отличить революционную роль одного от другого? Как мы можем оправдать уничтожение капиталистического способа производства пролетариатом? Этого нельзя сделать в узко экономическом контексте. Маркс никогда не обращался к этой проблеме, потому что он был абсолютно уверен, что пролетариат восстанет против капитала. Но нам следует обратиться к этой проблеме, если мы хотим выйти из тупика, созданного нашим приятием теории, согласно которой производственные отношения вступают в конфликт с развитием производительных сил (силы, существующие по определению для человека, поскольку, если бы это было не так, зачем человеку бунтовать?) Если производительные силы существуют не для человека, а для капитала и если они конфликтуют с производственными отношениями, это значит, что эти отношения не предоставляют надлежащей структуры для капиталистического способа производства, а, следовательно, не может быть революции, которая совершалась бы не для человека (например, общий феномен, который называют фашизмом). Следовательно, капитал ускользает. В отрывке, который мы рассматриваем, Маркс делает замечательное утверждение о господстве капитала:

«Сама его предпосылка — стоимость — положена как продукт, а не как витающая над производством более высокая предпосылка». («Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.2, 1969)

Капитал доминирует над стоимостью. Поскольку труд является субстанцией стоимости, из этого следует, что капитал господствует над людьми. Маркс делает лишь косвенную ссылку на условие, которое также является продуктом: наёмный труд, а именно существование рабочей силы, делающее возможным процесс самовозрастания капитала:

«Пределом для капитала служит то обстоятельство, что все это развитие протекает антагонистично и что созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид отчуждает себя самого [sich entaussert]; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям своего собственного, а как к условиям чужого богатства и своей собственной бедности». (там же)

Как это может быть ограничением для капитала? Можно предположить, что недопотребление рабочих вызывает кризисы и окончательный кризис. Это одна из возможностей; по крайней мере так она иногда проявляется. Маркс всегда отказывался основывать теорию кризисов на этой точке, но это не мешало ему упоминать о недопотреблении. Для Маркса перед капиталом стоит предел, потому что он грабит работающего индивида. Нам следует помнить, что он спорит против апологетов капитала и хочет

показать, что капиталистический способ производства не является вечным и не ведёт к человеческому освобождению. И всё же в ходе его анализа он указывает на возможность, что капитал ускользнёт от человеческих условий. Мы видим, что автономными становятся не производственные силы, а капитал, поскольку в данный момент производительные силы становятся «пределом», который он стремится преодолеть. Это происходит следующим образом: производительные силы не являются производительными силами уже не человека, а капитала; они существуют для капитала⁷².

Разграбление (отчуждение) работающего индивида не может быть барьером для капитала, пока Маркс имеет в виду барьер в смысле слабости; из-за подобной слабости капитализм стал бы низшей формой по отношению к другим способам производства, в частности, если мы противопоставим эту слабость невероятному развитию производительных сил, которое он влечёт за собой. В работе Маркса присутствует двусмысленность по отношению к субъекту производительных сил: предназначены ли они для человека или для капитала? В этой двусмысленности заключается основа двух толкований Маркса. Этическое толкование (см. особенно у Рюбеля) подчёркивает размах, с которым Маркс обличает разрушение человека капиталом и энергично настаивает на том, что капиталистический способ производства является лишь переходной стадией. Толкование Альтюссера и его школы утверждает, что Марксу не удалось избавиться от человека в своём экономическом анализе, что отражает его неспособность оставить идеологический дискурс, откуда следует проблема Альтюссера в правильном определении эпистемологического разрыва.

От этой двусмысленности можно избавиться. Если капиталу удастся преодолеть этот барьер, он достигнет полной автономии. Вот почему Маркс постулирует, что капитал должен самоупраздниться; это упразднение является следствием того факта, что он не может развивать производительные силы для человека, в то время как он позволяет универсальное, разнообразное развитие, которое может быть реализовано только высшим способом производства. Здесь заключается противоречие: капитал уходит из человеческого поля досягаемости, но он должен погибнуть, потому что не может развивать человеческие производительные силы. Это также противоречит Марксову анализу разрушения человека капиталом. Как может бунтовать разрушенный человек? Можно рассматривать Маркса, как пророка упадка капитала, если игнорировать эти противоречия, но тогда мы не сможем понять ни его работу, ни нынешнюю ситуацию. Конец отрывка из Маркса проясняет эти противоречия.

«Но сама эта антагонистичная форма преходящая и создает реальные условия своего собственного уничтожения. Результатом является всеобщее — по своей тенденции и по своим возможностям — развитие производительных сил и вообще богатства в качестве базиса, а также универсальность общности и поэтому мировой рынок в качестве базиса. Базис как возможность универсального развития индивида и действительное развитие индивидов на этом базисе как беспрестанное устранение предела для этого развития, предела, который и осознается как предел, а не как некая священная грань. Универсальность индивида не в качестве мыслимой или воображаемой, а как универсальность его реальных и идеальных отношений. Отсюда проистекает также понимание его собственной истории как процесса и познание природы (выступающее также в качестве практической власти над ней) как своего реального тела. Сам процесс развития положен и осознан как предпосылка индивида. Но для этого прежде всего необходимо, чтобы полное развитие производительных сил стало условием производства, чтобы определенные условия производства не являлись пределом для развития производительных сил». (там же)

Если это процесс касается индивидов, капитал должен быть уничтожен, а производительные силы должны предназначаться для человека. В статье «La KAPD et le mouvement proletarien»⁷³ мы упоминали этот отрывок, чтобы показать, что человек является возможностью, что стало основанием для следующего утверждения: революция должна быть человеческой. Это ни в коем случае не означает, что человека следует понимать как инвариант в каждом атрибуте, что стало бы лишь повторением утверждения о неизменности человеческой природы. Но этого недостаточно, поскольку развитие производительных сил, которое, по Марксу, будет происходить при высшем способе производства, является всё тем же развитием, которое осуществляется в настоящее время капиталом. Ограниченность Маркса заключается в том, что он рассматривал коммунизм как новый способ производства, при котором процветают производительные силы. Эти силы, несомненно, важны, но их существование на определённом уровне не является адекватным определением коммунизма.

---

⁷² Маркс показывает это, когда анализирует постоянный капитал в Основных черт, а также в I томе Капитала «где он анализирует преобразование трудового процесса в процесс производства капитала (см. также Un chapitre inedit du Capital, Paris: Ed. 10/18, 1971 г.).

⁷³ Invariance № 1, II серия.

Для Маркса, капитал преодолевает свои противоречия, поглощая их и мистифицируя реальность. Он может лишь внешне преодолеть свою узкую основу, свою ограниченную природу, заключающуюся в обмене денежного капитала на рабочую силу. Капитал неизбежно вступает в конфликт с этой предпосылкой; таким образом, Маркс говорит о противостоянии между частным овладением и обобществлением производства. Частное овладение чем? Прибавочной стоимостью, предполагающей пролетариат, а, следовательно, наёмный труд. Но благодаря всему развитию капитала (и собственные объяснения Маркса являются драгоценной помощью для его понимания) мистификация вступает в силу, капитал становится независимым от человека, что позволяет ему избежать конфликта с собственной предпосылкой. Можно сказать, что конфликт, тем не менее, остаётся, как результат общего процесса: обобществления. Это правда. Но обобществление производства и человеческой деятельности, универсальное развитие производительных сил, за которым следует уничтожение ограниченного характера человека — всё это является лишь возможной основой для коммунизма; оно не устанавливает коммунизм автоматически. Более того, действие капитала постоянно стремится уничтожить коммунизм, или, по крайней мере, помешать его возникновению и реализации. Для того чтобы преобразовать эту возможную основу в реальность, необходимо человеческое вмешательство. Но сам Маркс показывает, что капиталистическое производство интегрирует пролетариат. Как может разрушение человека и природы повлиять на способность человека сопротивляться капиталу и, а fortiori, бунтовать?

Кто-то подумает, что мы наделяем Маркса удобной для нас позицией. Мы процитируем экстраординарный пассаж из него:

«От [докапиталистических] отношений господства капитал отличается именно тем, что рабочий противопоставит ему как потребитель, полагающий меновую стоимость, противопоставит в форме владельца денег, в качестве денег, в виде простого центра обращения, — он становится одним из бесконечно многих центров обращения, в результате чего стирается его определенность как рабочего». («Экономические рукописи 1857-59 годов», М: ПСС, т.46.1, 1969)

Одним из способов поглощения и интеграции революционной власти пролетариата является усовершенствование его потребительского характера, из-за которого он увязает в сетях капитала. Пролетариат перестаёт быть отрицающим классом; с формированием рабочего класса он растворяется в социальном теле. Маркс предвосхищает поэтов «общества потребления» и, как и в других местах, объясняет феномен, который замечают лишь позже в ложной манере, отражённой хотя бы в его названии.

Эти размышления не приводят к фаталистической концепции (на этот раз негативной), вроде следующей: что бы мы не делали, выхода нет; слишком поздно; или к любому другому бессмысленное пораженчеству, порождающему тошнотворный латающий реформизм. Сначала нам надо извлечь урок. Капитал преодолел человеческие и природные барьеры; человек был приручен: настал его упадок. Революционное решение нельзя найти в контексте диалектики производительных сил, в котором индивид был бы противоречием. Нынешний научный анализ капитала провозглашает полное игнорирование человека, который, для некоторых, является лишь остаточным явлением без содержания. Это означает, что дискурс науки является дискурсом капитала, или что наука возможна лишь после уничтожения человека; это дискурс о патологии человека. Было бы безумием основывать надежду на освобождение на науке. Эта позиция является тем более безумной, как у Альтюссера, она не может совершить собственный прорыв, ликвидировать свою «археологию», поскольку остаётся верной пролетариату — пролетариату, который в этой концепции является лишь объектом капитала, элементом структуры. Но этот недостаточный, разрушенный человек является индивидом, порождённым классовыми обществами. И в этом мы согласны: человек мёртв. Единственной возможностью для появления человека является наша борьба против приручения, наше рождение из него. Гуманизм и сциентизм (и последователи «этической науки» а ля Моно — абсолютные рабы капитала) являются выражением приручения человечества. Все те, кто питает иллюзии об упадке капитала, возрождают древние гуманистические концепции или дают рождение новым научным мифам. Они остаются невосприимчивыми к революционному феномену, присутствующему в нашем мире.

До сих пор все стороны спорили так, словно человек оставался неизменным в различных классовых обществах и под господством капитала. Вот почему материалистические философы 18 века подчёркивали роль социального контекста (человек, который был фундаментально хорошим, рассматривался как позитивно или негативно формируемый социальным контекстом), в то время как марксисты подчёркивали роль окружающей среды, сформированной развитием производительных сил. Перемены не отрицались, и вслед за Марксом повторялось, что история была полным преобразованием

человеческой природы. Тем не менее, явно или подотчётно считалось, что минимальный элемент продолжал позволять человеку бунтовать против угнетения капитала. Сам капитализм описывали в манихейской манере: с одной стороны позитивный полюс, пролетариат, освободительный класс; с другой негативный полюс, капитал. Капитал считался необходимым, потому что революционизировал жизнь человека, но его описывали как абсолютное зло по отношению к добру, к пролетариату. Появляющийся сегодня феномен ни в малейшей мере не уничтожает негативную оценку капитала, но вынуждает нас распространить её на класс, который некогда противостоял ему, и нёс в себе все позитивные элементы человеческого развития и сам сегодняшний день человечества. Этим феноменом является новое формирование общности и человека капиталом, отражающим человеческую общность подобно зеркалу. Теория зеркала могла возникнуть только тогда, когда человек стал тавтологией, отражением капитала. Между миром деспотии капитала (каким сегодня представляется общество), уже нельзя отличить добро от зла. Всё подлежит осуждению. Отрицающие силы могут возникнуть только извне капитала. Поскольку капитал поглотил все старые противоречия, революционное движение должно отвергать продукт развития классовых обществ полностью. Такова суть борьбы против приручения, против упадка человеческого вида. Таков основной момент формирования революционеров, абсолютно необходимый для производства революции.

Жак Каматт, май, 1973

Происхождение и функция партийной формы

Общие предпосылки

Мы хотим подтвердить и проиллюстрировать следующий центральный тезис: Маркс вывел описание формы Партии из описания коммунистического общества.

С точки зрения методологии, мы попытаемся, по мере возможности, указать на связь между различными собраниями, которые прошли в Италии. С другой стороны, на некоторых пунктах будет сделано ударение, но они не будут проанализированы подробно.

Борьба зародыша пролетариата во время Великой Французской революции привела некоторых революционеров (Варле, Леклер, Ру, т.н. «Бешеные») к выводу, что революция осуществляется к выгоде лишь одной категории людей, не будучи универсальной освободительницей. Затем, в те же времена, Равные вновь подняли вопрос о возможности революции, которая освободила бы человечество и провозгласила необходимость новой, которая совершилась бы не во имя Разума: «Прав тот – сказал Бабёф – у кого есть сила».

Теория универсальной эволюции Разума и его власти присутствует в системе Гегеля, завершившего дело французских философов и буржуазных революционеров. Более того, когда молодой Маркс появился на политической сцене, пролетариат возрос численно, и его вес в обществе усилился. Именно из наблюдений за борьбой пролетариата у Маркса и Энгельса зародилась идея о том, что просветительское решение не было истинным, реальным, в тот самый момент, когда они увидели, где обретается новое решение – в борьбе пролетарского класса. Они поняли, что проблема освобождения человечества не может быть разрешена теоретически поскольку она не была поставлена практически, потому что буржуа рассуждают от имени абстрактного человека и в их рассуждениях нет места категории пролетариата. Освобождение пролетариата следует рассматривать на практическом уровне, причём следует говорить о реальном человеке, т.е. о человеческом роде. Вооружённый этой гениальной догадкой, Маркс должен был перейти к критике системы Гегеля. Он понял почему диалектика шла на голове; и теперь, с новым лихорадочным энтузиазмом, он столкнулся с чудовищем – новый Эдип, разгадывающий

загадки. Когда трудности становятся избыточными, он возвращается на практический уровень и швыряет Гегелю в лицо то, что является реальностью – существование пролетариата. Новый Антей, набирает новые силы для поддержания битвы из лона пролетариата, чью борьбу он объясняет. Вся его критика Гегеля основана на существовании пролетариата и его борьбы: это связующее звено между теорией и практикой. (Мы постараемся каждый раз, по возможности, подчёркивать этот аспект).

Будучи восприимчивым ко всем проявлениям теоретической и практической борьбы, Маркс был в курсе действий других борцов, подобных ему: Энгельса, Моисея Гесса, французских социалистов и т. д. Таким образом, в конце концов, сложилась эта сумма, эта историческая интеграция: марксизм, как теория пролетариата, теория человеческого рода. Она проявилась во всей своей силе, на стадии вулканического развития человеческого общества, в течение революции 1848 г., в Коммунистическом Манифесте.

Следовательно, марксизм является продуктом человеческой истории; но он смог родиться только благодаря борьбе пролетарского класса. Последней «предстоит не осуществлять какие-либо идеалы, а лишь дать простор элементам нового общества, которые уже развились в недрах старого разрушающегося буржуазного общества» («Гражданская война во Франции»).

Наш сегодняшний труд состоит в поиске объяснений того, как гениальная интуиция стала реальностью в коммунистической программе; как эта программа была предложена человечеству через посредничество пролетариата; как Маркс и Энгельс боролись за то, чтобы она была принята пролетарской организацией (письмо Маркса Больте от 23 ноября 1871 г.: «История Интернационала тоже была непрерывной борьбой Генерального Совета против сект и дилетантских опытов», см. Маркс и Энгельс, М:ПСС, т.33, стр.279, 1964); как она одержала триумф в Парижской Коммуне 1871, в доказательство своей абсолютной востребованности (её востребованность объясняет подтверждение её ценности). Мы изучим всё это, чтобы уточнить происхождение и функцию партийной формы. Наконец, рассмотрим вопрос следующим образом: единственная актуальность, обладающая реальностью, является актуальностью программы, т.е. её востребованностью (для нас капитализм уже не существует: существует только коммунистическое общество. Ср. последние номера «Программы» («Коммунистическая программа», бордигистский журнал, примеч.пер.) и трактровку Миланским Собранием следующей темы: «Наша теория является единственной способной опереться на действие будущего»).

Происхождение партийной формы

Для того, чтобы понять критику буржуазного общества, предпринятую Марксом, необходимо понять эволюцию человеческого сознания. Минуя период примитивного коммунизма и стадии его вырождения (начал общества, поделенного на классы), у нас есть три основополагающих момента:

1) сознание опосредованное Богом; 2) сознание, опосредованное личностью, капиталистического периода (Ср. Собрания во Флоренции, Казале и Милане). В последнем случае, вся проблема состоит в том, чтобы знать, что такое Человек (бесполезно вспоминать все трактаты буржуазных философов, посвящённые человеку: Юм, Локк, Гельвеций...). От абстрактного определения личности, характеризующей Разумом, мы переходим к проблеме познания лучшей формы общества в целях наилучшего развития этого человека; следовательно, лучшей социальной организации, гарантирующей наиболее рациональное развитие человечества, рассматриваемое, как арифметическая сумма всех живых личностей на данный момент. Наконец, поскольку дух

человеческий способен совершенствоваться, следует просвещать массы, чтобы достичь освобождения человека...

Разворачивая свою критику, Маркс – в парижских «Экономическо-философских рукописях», в «Критике философии государства и философии права Гегеля» (в которой право – это связь абстрактных индивидов между собой и с государством), и в «Еврейском вопросе» – уничтожает гегельянского монстра и подходит к пониманию реального смысла движения человеческого общества в его целостности. Человечество в своей целостности стремится к Коммунизму, по определению парижских «Рукописей» (глава «Частная собственность и коммунизм»):

«Коммунизм как положительное упразднение частной собственности – этого самоотчуждения человека – и в силу этого как подлинное присвоение человеческой сущности человеком и для человека; а потому как полное, происходящее сознательным образом и с сохранением всего богатства предшествующего развития, возвращение человека к самому себе как человеку общественному, т.е. человеческому. Такой коммунизм, как завершённый натурализм, = гуманизму, а как завершённый гуманизм, = натурализму; он есть действительное разрешение противоречия между человеком и природой, человеком и человеком, подлинное разрешение спора между существованием и сущностью, между опредмечиванием и самоутверждением, между свободой и необходимостью, между индивидом и родом. Он – решение загадки истории, и он знает, что он есть это решение. Поэтому все движение истории есть, с одной стороны, действительный акт порождения этого коммунизма – роды его эмпирического бытия, – а с другой стороны, оно является для мыслящего сознания постигаемым и познаваемым движением его становления». (Маркс, «Экономическо-философские рукописи 1844 года», М: ПСС, т.44, 1974).

Теперь у нас есть третий момент: познание, опосредованное общественным человеком, человеческим родом. Так же с этой точки зрения Маркс и Энгельс будут рассматривать мир в социальной эволюции. Проблема разрешается одним ударом. Маркс демонстрирует цель для достижения, освобождение человека; он демонстрирует субъект, рабочий класс, чьей исторической миссией, программой является достижение этой цели. Следовательно, необходимо отметить характеристики этого класса и его связь со своей программой:

«Единственно практически возможное освобождение Германии есть освобождение с позиций той теории, которая объявляет высшей сущностью человека самого человека» («Критика гегелевской философии права»). Человек – это человеческий род. «Голова этой эмансипации — философия, её сердце — пролетариат. Философия не может быть воплощена в действительность без упразднения пролетариата, пролетариат не может упразднить себя, не воплотив философию в действительность» (*там же*).

Характеристикой пролетариата является то, что он «не есть класс гражданского общества; ... являет собой разложение всех сословий; такой сферы, которая имеет универсальный характер вследствие её универсальных страданий и не притязает ни на какое особое право, ибо над ней тяготеет не особое бесправие, а бесправие вообще, которая уже не может сослаться на историческое право, а только лишь на человеческое право, (*здесь мы вновь обнаруживаем фундаментальную константу марксизма: критерий суждения об истине или ошибочности является критерием всего рода; здесь нас интересует не просто переходный случайный факт, но человеческое существо, являющееся посредником любого знания и любого действия. Пролетариат не основывает своё историческое действие на обладании определёнными средствами производства и следовательно на возможности частичного освобождения человека, но на отсутствии обладания человеческой природой, которой он хочет завладеть и таким образом освободить человечество*); ... такой

сферы, наконец, которая не может себя эмансипировать, не эмансипируя себя от всех других сфер общества и не эмансипируя, вместе с этим, все другие сферы общества, — одним словом, такой сферы, которая представляет собой полную утрату человека и, следовательно, может возродить себя лишь путём полного возрождения человека. Этот результат разложения общества, как особое сословие, есть пролетариат» (Цитата из работы «К критике гегелевской философии права» Маркса; курсив наш).

Так, вопрос становления пролетариата заключается в знании того, как будут разрешаться вопросы классов, государства и организации будущего общества. Более того, буржуазия как правило препятствует органической связи между классом и его программой, стремится свести его к классу данного общества, а следовательно, заставить его оставить свою программу. Здесь и встаёт вопрос о партии.

Все эти проблемы разрешались не отдельно, но все скопом. У Маркса были догадки о будущем обществе, и исходя из этого знания он выводил теорию государства и партии. Знание о коммунистическом обществе является основой марксизма. Весь труд Маркса и Энгельса состоял в описании этого общества и её защите против буржуазного общества. Следующая статья, опубликованная в *Pariser Vorwärts* (от 7 августа 1844 г.: включенная в сборник *Marx, Un carteggio del 1843*, Ed. Riuniti, Roma 1954, но рассмотренная нами по немецкому тексту), позволит нам продемонстрировать это.

Природа государства

Маркс в первую очередь анализирует, что такое государство: «С политической точки зрения государство и устройство общества — не две разные вещи. Государство есть устройство общества. В той мере, в какой государство признаёт существование социальных недугов (*позже Маркс будет говорить о классовых антагонизмах, что более точно, хотя и указывает на ту же реальность*), оно видит их причину или в законах природы, которых никакая человеческая власть не может устранить, и (*здесь, постоянная критика марксизмом претензий буржуазии на вечное существование её формы производства*), или в частной жизни, которая от государства не зависит, или в нецелесообразных действиях зависящей от него администрации». (К.Маркс, Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», М: ПСС, т.1, стр. 439, 1955) Затем он анализирует «болезни» государственной формы и средства от них: «Наконец, все государства ищут причины в случайной или же умышленной нераспорядительности администрации, а потому в мероприятиях администрации они видят средство к исправлению недостатков государства. Почему? Именно потому, что администрация есть организующая деятельность государства» (*там же, стр.440*). У нас здесь уже есть критика бюрократии, которую некоторые хотели бы представить как самостоятельный класс. Мы уже видим острый интерес Маркса к проблемам определения механизмов государства. В этом смысле он последует в постоянной и страстной манере за положениями, принятыми Парижской Коммуной. Для того, чтобы исчез бюрократический феномен, нужно будет ограничить значение администрирования, упростить его, и поскольку оно связано с властью, предотвратить, чтобы участие в администрации сопровождалось привилегиями.

Вслед за этим, Маркс анализирует различные противоречия, связанные с государством, и разворачивает критику реформистов, т.е. тех, кто хотел бы излечить болезни государства, неизлечимые по своей природе: «Самоубийство противоестественно. Поэтому государство не может верить во внутреннее бессилие своей администрации, т. е. в своё собственное бессилие. Оно может усматривать только формальные, случайные недостатки своей администрации и пытаться их исправить» (*там же*). Здесь крайне точно определена

позиция сталинистов и различных демократов. Недовольный этим, Маркс демонстрирует своим противникам их бессилие: «И если эти исправления оказываются бесплодными, то отсюда делается вывод, что социальные недуги составляют естественное, от человека не зависящее несовершенство, божеский закон или же — что воля частных лиц слишком испорчена, чтобы они могли идти навстречу добрым намерениям администрации. И какие странные люди эти частные лица! Они ропщут на правительство, как только оно ограничивает их свободу, и в то же время требуют от правительства, чтобы оно отвратило от них необходимые последствия этой свободы!» (*там же, стр.441*). Здесь мы располагаем критикой французских сталинистов, которые требуют сильной демократической власти и, всякий раз, когда де Голль ограничивает «свободу» и, следовательно, укрепляет власть, «ворчат»: не соглашаются с формой государства.

Маркс высмеивает эти иллюзии, демонстрируя, что государство является властью, организованной господствующим классом общества: «Ибо эта раздробленность, эта мерзость, это рабство гражданского общества есть та естественная основа, на которой зиждется современное государство, подобно тому как рабовладельческое гражданское общество было той естественной основой, на которой зиждилось античное государство. Существование государства и существование рабства неразрывно связаны друг с другом».

Эта невозможность реформизма, Маркс доводит её до крайности, критикуя позицию А.Руге, заявлявшего: «Все восстания, вспыхивающие в условиях этой злосчастной изолированности людей от общности (*Gemeinwesen*) и их мыслей от социальных принципов»; другими словами, нужно пользоваться существующим государством для реализации освобождения пролетариата, если мы не хотим кораблекрушения — позиция, которую позже займут Ласаль, Прудон, Дюринг и т.д.

Маркс отвечает, анализируя в первую очередь, чем была буржуазная революция и все остальные революции:

«Не вспыхивают ли, однако, все без исключения восстания в условиях злосчастной изолированности человека от общности (*Gemeinwesen*)? Не является ли эта изолированность необходимой предпосылкой всякого восстания? Разве революция 1789 г. могла бы произойти без этой злосчастной изолированности французских граждан от общности? Её задача как раз и состояла в уничтожении этой изолированности» (*там же, стр.446-447*).

Пролетарский путь не «укладывается в рамки» государства

Но факты борьбы пролетариата предстают всегда в одинаковой манере? Нет:

«Но та общность [*Gemeinwesen*] в которой изолирован рабочий, есть общность, имеющая совсем другого рода реальность и совсем другой объём, нежели политическая общность. Та общность, от которой рабочего отрывает его собственный труд, есть сама жизнь, физическая и духовная жизнь, человеческая нравственность, человеческая деятельность, человеческое наслаждение, человеческая сущность» (*там же*). Здесь критика достигает своей целостности, потому что она радикальна. Теперь, «Быть радикальным — значит понять вещь в её корне. Но корнем является для человека сам человек». (Маркс, «К критике гегелевской философии права», М: ПСС, т.1)

Нищета пролетария состоит в том, что он лишён своей человеческой природы. Эта критика превосходит ограниченную картину критики Прудона, являющейся рациональным нищенством, а следовательно, пустыми рассуждениями об истинной человеческой

нищете. Наши сталинисты, с их теорией абсолютной нищеты, являются истинными детьми Прудона и Э.Сю. Требование пролетария проявляется в его воле к овладению своей человеческой натурой, и Маркс следующим образом определяет коммунистическую программу: «Человеческая сущность и есть истинная общность [Gemeinwesen] людей». Это означает, что в коммунистическом обществе больше не существует государства; принцип власти, принцип организации и принцип координации между людьми, являются Родом человеческим. Это возвращение к примитивному коммунизму, но через интеграцию промежуточного развития. Когда-то человеческий род был представлен в несовершенной и фрагментарной форме, например в тотеме. Люди определялись отношением к тотему в соответствии с участием в нём (мойра древних греков); у их индивидуального существования не было реальности, если только не по отношению к тотему; личность была неотделима от рода. Как только установилось классовое общество, проявился разрыв между двумя терминами, достигший своего максимума в существовании пролетариата. Именно эту нищету Маркс выражает во всей её универсальности:

«Злосчастная изолированность от этой сущности (*от человеческой природы, от человеческого существования*) несравненно всестороннее, невыносимее, ужаснее, противоречивее, чем изолированность от политической общности; в соответствии с этим и уничтожение этой изолированности (*коммунистическая программа*) и даже частичная реакция, восстание против неё (*пролетарии могут приобрести свою классовую сознательность только в борьбе и партийной организации*), являются настолько же более бесконечными, насколько человек более бесконечен, чем гражданин государства, и насколько человеческая жизнь более бесконечна, чем политическая жизнь» (К.Маркс, Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа», М: ПСС, т.1, стр. 447, 1955).

Любой филистер, т.е. вульгарный демократ согласно которому размышление всегда является простым продуктом деятельности его мозговой ткани, подумает, что Маркс извлёк всё это из своего глубокомысленного ума (для него, познание должно производиться одной частью человека, идеи глупее нельзя придумать). Но нет, пролетариат является живым проявлением мысли Маркса, заявления об универсальности нищеты, а следовательно универсальности его освобождения.

«Поэтому, как бы ни было частично восстание промышленных рабочих, оно заключает в себе универсальную душу, тогда как даже самое универсальное политическое восстание под самой грандиозной формой скрывает дух некоторой эгоистической ограниченности» (*там же*). (Если в этом отрывке может быть и можно усмотреть критику бланкизма, в любом случае это обжигающая пощёчина Прудону, чья потрёпанная мысль однажды обнаружила, что рабочий класс не обладает политическими способностями и следовательно не может править собой, и его отказу – как впрочем и отказу всех остальных анархистов – вынести правильное суждение об «экономической» борьбе и, позже, о профсоюзной борьбе). И Маркс продолжает: «Мы уже видели, что социальная революция потому и стоит на точке зрения целого, что она — даже в том случае, если бы она происходила лишь в одном фабричном округе, — представляет собой протест человека против обезчелоченной жизни; что она исходит из точки зрения отдельного действительного индивидуума; что та общность, отрыв которой от индивидуума вызывает его противодействие, есть истинная общность человека [Gemeinwesen], есть человеческая сущность» (*там же*).

Пролетариат как правило противопоставляет свою общность [Gemeinwesen], т.е. человеческое бытие, капиталистическому (угнетающему государству). Для того, чтобы

достичь реализации подобного реального противостояния, необходимо, чтобы он завладел этим бытием, чего он не может сделать, если он не организуется в партию, - партию, которая как раз является представительницей этого бытия, прототипом, чья жизнь является движением за присвоение этого бытия. Здесь точно отражается сознание миссии пролетариата: освоение природы, человеческого бытия.

Революция и государства

Открытие движения человеческого общества, как движения по направлению к коммунистическому обществу, сопутствует новому открытию человека; являясь, следовательно, одновременным проявлением необходимости завладеть своей природой. Это определяет коммунистическую программу.

Для того, чтобы уточнить программу, Маркс затем характеризует буржуазную революцию: «Напротив, политическая душа революции состоит в стремлении классов, не имеющих политического влияния, уничтожить свою изолированность от государства и от господства». Буржуазия владела, в феодальном обществе, средствами производства, что давало ей власть, которая не признавалась их государством. Отсюда необходимость в неотделимости от *Gemeinwesen*. Поэтому буржуазия стремилась к разрушению различных «государств» (классов, порядков) поскольку их существование было юридическим выражением их отдалённости от фактов (впоследствии будет говориться только о народе) и заявила, что все общественные слои могли участвовать в государстве. Но в нём могли участвовать только те, кто владел собственностью. У буржуазии, следовательно, не было иной революции кроме политической.

Мы, пролетарии, не можем удовлетвориться таким видом революции, потому что её точкой зрения «Её точка зрения есть точка зрения государства, абстрактного целого, которое существует только в результате отрыва от действительной жизни и которое немисливо без организованной противоположности между всеобщей идеей человека и его индивидуальным существованием». Пролетариат должен захватить власть, но для того, чтобы сделать это он не должен вставать на уровень государства; не должен бороться за какую-либо форму последнего, притворяющуюся более прогрессивной, против другой, как во время борьбы одной фракции буржуазии против другой (за демократию против фашизма и т.д.). Его действие должно быть внешним. Для того, чтобы совершить революцию, пролетариат должен упразднить противостояние между индивидом и родом, которое является противоречием, на которое опирается существующее государство (до тех пор пока в нём есть индивиды, существует проблема их организации в обществе, а также проблема отношений между этой организацией и настоящими потребностями рода). Пролетариат не должен совершать революцию в политическом духе, потому что последняя «организует господствующий слой в обществе за счёт самого общества». И, перед тем, как перейти к характеристике пролетарской революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер». Буржуазная революция является социальной, когда она уничтожает старое общество; когда она свергает старую власть, она является политической, но когда она лишь утверждает свою власть она является исключительно политической революцией. Фактически, для того, чтобы выстроить свою социальную организацию, буржуазия должна была использовать политическую организацию, которая должна была быть неотделимой от неё; почему? Потому что буржуазия совершила революцию для того, чтобы реализовать абстрактного человека: индивида изолированного от природы и от человечества; потому что она хотела освободить людей от старых феодальных препятствий (зависимость между человеком и природой). Проблема заключалась в том,

чтобы определить какими должны быть связи между новыми людьми; поэтому были сформулированы права человека, которые были реализованы только когда революция произошла на практическом плане буржуазии, т.е. когда она утратила надежду на реальное освобождение человечества (после того, как было уничтожено движение санкюлотов). Вместо этого, для марксизма человек – это человеческий род, общественный человек, обладающей человеческой связью с человеческим родом и человеческой связью с природой (господством над ней). Очевидно, что государство пролетариата не будет специальным организмом, управляемым согласно хорошо определённым правилам, каким-либо правом, но будет Бытием человеческим. «Но социализм не может быть осуществлён без революции. Он нуждается в этом политическом акте, поскольку он нуждается в уничтожении и разрушении старого. Но там, где начинается его организующая деятельность, где выступает вперёд его самоцель, его душа, — там социализм отбрасывает политическую оболочку». Уже здесь выражена теория гибели государства. Революция совершает политический акт для того, чтобы покончить со старым миром, но, начиная с этого момента, она направляет свою деятельность на установление царства человечества над природой, человека над планетой; у неё больше нет потребности в политической форме, поскольку её проблема заключается не в правлении людей; но в Человеческом роде, который тогда правит, господствует, владеет. Уничтожив старое общество, коммунистическая революция будет стремиться утверждать человеческое Бытие, которое будет настоящим Gemeinwesen человека.

Партии пролетариата

Поздняя работа Маркса состояла в изучении возможностей реализации последнего. Поэтому он перешёл к точному анализу общества и вывел главные направления социалистической трансформации: общая собственность человеческого рода, уничтожение товарного обмена и т.д. Всё это было уточнено в Манифесте, потом в работе о Парижской Коммуне и в инаугурационном обращении к Интернационалу (вопрос об уничтожении государства и о мерах по ограничению «карьеризма»).

Поэтому, партия представляет человеческое общество. Её невозможно определить бюрократическими правилами, это можно сделать только её существованием; а её существование – это её программа: прототип коммунистического общества освобождённого и сознательного человеческого рода.

Вывод: революция не является проблемой формы организации. Она зависит от программы. Если только доказано, что партийная форма является самой эффективной в представлении программы, в её защите. И здесь правила организации не берутся взаймы у буржуазного общества, но происходят из видения будущего общества (как мы это продемонстрируем).

Маркс выводит оригинальность партии из борьбы пролетариата. Последняя с самого начала проявляется как новая Gemeinwesen; с самого начала указывая на конечную цель, к которой стремится: общество, в котором больше не будет существовать частная собственность, но только собственность человеческого вида:

«Пролетариат сразу же с разительной определённой резкостью, без церемоний и властно заявляет во всеуслышание, что он противостоит обществу частной собственности. Силезское восстание начинается как раз тем, чем французские и английские рабочие восстания кончают, — тем именно, что осознаётся сущность пролетариата. Самый ход восстания тоже носит черты этого превосходства. Уничтожаются не только машины, эти соперники рабочих, но и торговые книги, документы на право собственности. В то время

как все другие движения были направлены прежде всего только против хозяев промышленных предприятий, против видимого врага, это движение направлено вместе с тем и против банкиров, против скрытого врага. Наконец, ни одно английское рабочее восстание не велось с такой храбростью, обдуманностью и стойкостью... Стоит сравнить эти гигантские детские башмаки пролетариата с карликовыми стоптанными политическими башмаками немецкой буржуазии, чтобы предсказать немецкой Золушке (*то, что сегодня в большой степени подтверждено; сегодня мы всё ещё должны основывать нашу революционную стратегию на действии пролетариата в данной части света: инвариантность марксизма!*) в будущем фигуру атлета. Следует признать, что немецкий пролетариат является теоретиком европейского пролетариата, подобно тому как английский является его экономистом, а французский — его политиком» (*там же, стр.444*).

В каждом из этих трёх случаев, борьба пролетариата была критикой различных аспектов человеческой деятельности. Знание не приходит к нам от буржуа напрямую, как хотели бы некоторые: оно приходит из борьбы нашего класса, оно не является особой сферой нашей деятельности, которую мы пассивно усваиваем от противостоящего нам класса; нет, это нечто энергичное и страстное, то, что пролетариат вырвал у своего классового врага. Молодой Маркс был бесконечно прав, когда сказал, что идеи коммунизма, «которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, — это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им». (Маркс, «Коммунизм и аугсбургская Allgemeine Zeitung», М: ПСС, т.1, стр.118, 1955).

Маркс интегрировал все три факта и передал их пролетариату в форме тезисов, формирующих коммунистическую программу. Последняя родилась в борьбе, и является внеличностной силой, находящейся над поколениями. Маркс и Энгельс были первым субстратом этого первичного универсального сознания, и передали его. С самого начала Маркс демонстрирует, что коммунистическая программа не является продуктом отдельной личности: «революция – говорим мы – будет анонимной, или её не будет».

Но эта цель, это освобождение, является как раз тем, к чему стремится всё человечество; следовательно освобождение пролетариата является освобождением человечества (постоянное утверждение марксизма). Программа, рождённая из борьбы, не сможет подтвердиться кроме как через борьбу. Таким образом встаёт проблема условий борьбы против капитала, проблема связи между пролетариатом и программой, определения периодов революции и контрреволюции. Пролетарии добиваются исполнения своей миссии, когда у них действительно нет резервов (интегрированность в динамику общества, в классовую борьбу: может ли капитализм гарантировать какие-либо резервы, какую-либо безопасность, для пролетария? Эта проблема оказывается вновь связанной с кризисами; этот комментарий ясно выражен в «Римских тезисах»).

Здесь берёт начало важная характеристика партии. Будучи прототипом Человека и коммунистического общества, она является основой познания для пролетария, т.е. для человека, отрицающего буржуазный порядок и принимающего пролетарский, борющегося за него, а следовательно, борющегося за человеческое Бытие. Познание партии интегрирует познание всех предыдущих веков (религия, искусство, философия, наука). Следовательно, марксизм не является простой и чистой научной теорией (одной из многих!); но включает в себя науку и пользуется её революционным оружием предвидения и преобразования для достижения своей цели: революции. Партия является органом предвидения; если же нет, то она дискредитирована. Маркс и Энгельс, письмо от 18 февраля 1865 г.:

«Подобно тому, как буржуазная партия в Пруссии опозорила себя и дошла до нынешнего жалкого состояния именно благодаря тому, что всерьез поверила, будто вместе с «новой эрой» ей по милости принца-регента свалится с неба правительственная власть так и рабочая партия опозорит себя еще больше, если вообразит, что при эре Бисмарка или какой-либо другой прусской эре ей прямо в рот, по милости короля, будут падать золотые яблоки. Нет никакого сомнения, что разочарование в злосчастном заблуждении Лассаля относительно «социалистического» вмешательства прусского правительства непременно наступит. Логика вещей сделает свое. Но честь рабочей партии требует, чтобы она отказалась от таких иллюзий еще до того, как их призрачность будет обнаружена на опыте» (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.31, 1963).

Почему? Вот, существенная характеристика пролетариата: «Рабочий класс либо революционер, либо он ничто».

Трудный цикл мировой партии

Программа, как исторический продукт могла родиться только из борьбы пролетариата. Маркс и Энгельс должны были предложить её классу и человечеству в 1848-м: в «Манифесте Коммунистической партии». Они должны были выразить её ясно и точно в уставах Международного Товарищества Рабочих. Теперь настало время понять как она появилась, почему в определённые периоды пролетариат оставляет её, и каковы условия при которых он её вновь обнаруживает: значит, проблема заключается в формировании партии и её реконструкции.

Первая фаза сектантская. Как говорится в «Мнимых расколах» от 1872 г.:

«Первый этап борьбы пролетариата против буржуазии носит характер сектантского движения. Это имеет свое оправдание в период, когда пролетариат еще недостаточно развит, чтобы действовать как класс. Отдельные мыслители, подвергая критике социальные противоречия, предлагают фантастические решения этих противоречий, а массе рабочих остается только принимать, пропагандировать и осуществлять их. Секты, созданные этими зачинателями, по самой своей природе являются абстенционистскими: чуждыми всякой реальной деятельности, политике, стачкам, союзам, — одним словом, всякому коллективному движению. Пролетариат в массе своей всегда остается безразличным или даже враждебным их пропаганде. Рабочие Парижа и Лиона не хотели знать сен-симонистов, фурьеристов, икарыйцев, так же как английские чартисты и тред-юнионисты не признавали оуэнистов. Секты, при своем возникновении служившие рычагами движения, превращаются в препятствие, как только это движение перерастет их; тогда они становятся реакционными. Об этом свидетельствуют секты во Франции и в Англии, а в последнее время лассальянцы в Германии, которые в течение ряда лет являлись помехой для организации пролетариата и кончили тем, что стали простым орудием в руках полиции. В общем это — детство пролетарского движения, подобно тому, как астрология и алхимия представляют собой детство науки. Прежде чем стало возможным основание Интернационала, пролетариат должен был оставить этот этап позади. В противоположность фантазирующим и соперничающим сектантским организациям, Интернационал является подлинной и боевой организацией пролетариата всех стран, объединенного в общей борьбе против капиталистов и землевладельцев, против их классового господства, организованного в государство». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.18, стр.30, 1961)

Эта стадия, путчистская в глубине своей, была связана с контрреволюционным периодом, последовавшим за 1815-м, когда развились тайные общества. Поэтому Манифест говорит,

что «коммунисты считают презренным делом скрывать свои взгляды и намерения». (Мы вернёмся к этому пункту в отношении бланкизма и связи между партией – т.е., меньшинством – и массами).

Для того, чтобы программа была защищена организацией, движение должно было преодолеть вышеозначенную стадию. Потом она должна была быть применена. Вот почему Маркс и Энгельс так упорно боролись за триумф программы в Интернационале. Резолюция Конференции Интернационала в Лондоне в 1871-м постановляет:

«Принимая во внимание, что во введении к Уставу сказано: «Экономическое освобождение рабочего класса есть великая цель, которой всякое политическое движение должно быть подчинено как средство;

что Учредительный манифест Международного Товарищества Рабочих (1864 г.) гласит:

«Завоевание политической власти стало...великой обязанностью рабочего класса»;

что на Лозаннском конгрессе (1867 г.) была принята следующая резолюция: «Социальное освобождение рабочих неразрывно связано с их политическим освобождением»»; и далее:

что против объединенной власти имущих классов рабочий класс может действовать как класс, только организовавшись в особую политическую партию, противостоящую всем старым партиям, созданным имущими классами;

что эта организация рабочего класса в политическую партию необходима для того, чтобы обеспечить победу социальной революции и достижение ее конечной цели — уничтожение классов;

что то объединение сил, которое уже достигнуто рабочим классом в результате экономической борьбы, должно служить ему также рычагом в его борьбе против политической власти крупных землевладельцев и капиталистов;

Конференция напоминает членам Интернационала,

что в борьбе рабочего класса его экономическое движение и политическое действие неразрывно связаны между собой». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.17, 1960)

Более того, создание I и II Интернационалов, вышедшее из борьбы пролетариата, было также попыткой воспрепятствовать подпаданию движения под контроль анархистов и реформистов. III Интернационал был в свою очередь создан в огне революционной борьбы.

В данном случае немаловажны следующие два пункта:

- 1) Связь между партийной организацией и партийной программой,
- 2) Ситуации, благоприятные для основания партии.

Первый пункт. В своём письме к Фрейлиграту от 23-2-1860, Марх уточнял следующие элементы: «Прежде всего замечу, что с тех пор, как в ноябре 1852 г., по моему предложению, Союз был распущен, я больше никогда не принадлежал и не принадлежу ни к какому тайному или открытому обществу, и, следовательно, партия в этом

совершенно эфемерном смысле слова вот уже восемь лет как перестала для меня существовать». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.30, 1963) Здесь говорится о Партии, как о группировке людей, как об организации. И здесь встаёт второй пункт вопроса: почему распускается эта организация? Маркс отвечает тем объяснением, что это была стадия отступления, контрреволюционная стадия. *(На наших собраниях в Риме и в Неаполе в 1951 г. посвящённых марксистской теории контрреволюции, в отношении России, мы вспоминали о том, что наше движение уже познало и другие контрреволюционные периоды: поэтому русский вопрос не должен стоять в центре нашей деятельности, что рано или поздно привело бы к условности видения).* В такие периоды партия уменьшается до отдельных товарищей, отрицающих так или иначе победу вражеского класса, о которой теоретизируют многие активисты, желая любой ценой сделать хоть что-нибудь, чтобы «выйти из этой ситуации». Для Маркса и Энгельса, история является только продолжительным преобразованием человеческой природы; в периоды отступления не может быть хороших бойцов; а что до тех, что остаются на поле боя, их следует защищать от коррупции со стороны внешнего окружения, что далеко не легко:

«Разве в обиходе и деловых отношениях буржуазного общества возможно избежать грязи? Как раз там ее естественное место... Респектабельную подлость или подлую респектабельность платежеспособной (впрочем, и это, как показывает всякий торговый кризис, лишь с весьма двусмысленными оговорками) морали я не ставлю ни на грош выше нереспектабельной подлости, от которой не были вполне свободны ни первые христианские общины, ни Якобинский клуб, ни наш покойный «Союз». Только при буржуазных взаимоотношениях привыкаешь к тому, что теряется чувствительность к респектабельной подлости или подлой респектабельности». Никаких утопий о человеке, а значит, никакого пустопорожного активизма; но «санитарный кордон вокруг партии». И в том же письме Маркс вспоминает, что лишь через год он ответил лидерам коммунистической ассоциации Нью-Йорка, призывавших его реорганизовать старую Лигу и наконец написал им, что с 1852-го больше не состоял ни в каких сообществах, и был «глубоко убежден в том, что мои теоретические работы приносят больше пользы рабочему классу, чем участие в объединениях, время для которых на континенте миновало». «В 'Нойе Цайт' – добавляет он – не раз помещались резкие нападки на меня за эту 'бездеятельность'». *(там же)*

В этом отходе от действия (который был умышленной волей к отказу от деятельности на буржуазном поле деятельности когда невозможно автономное поле деятельности пролетариата), вызвавшем вышеупомянутые обвинения Маркса в «бездеятельности», как вчера, так и сегодня обвиняют левых коммунистов, потому что отказывалась и отказывается быть вовлечённой – во имя активизма любой ценой – в вихрь буржуазной коррумпированности.

Почему партия не исчезает никогда

Объяснив это, Маркс уточняет, что есть жизнь Партии: «“Союз”, так же как и Общество времен года в Париже, как сотни других обществ, был лишь эпизодом в истории партии, которая повсюду стихийно вырастает на почве современного общества». Иными словами, формирование организации является историческим продуктом антагонизмов этого общества: если класс потерпел поражение, т.е. если его организация утратила свой революционный характер отбросив свою программу, или если она была уничтожена в борьбе, организация вновь появится спонтанно; партия появляется вновь, когда социальные контрасты провоцируют взрыв на сцене истории. Партия – это не отдельное понятие, не организация, чья жизнь зависит от взлётов и падений классовой борьбы. Вот её интегральное понятие: «Я постарался рассеять недоразумение, – пишет Маркс

Фрейлиграту в заключение – будто под «партией» я понимаю «Союз», переставший существовать восемь лет тому назад, или редакцию газеты***, прекратившую свое существование двенадцать лет тому назад. Под партией я понимал партию в великом историческом смысле», т.е. прототип будущего общества, будущего Человека, человеческого Бытия, которое является истинным Gemeinwesen человека. Привязанность к этому Бытию, которое в контрреволюционные периоды кажется отринутым историей (как сегодня, когда революция кажется большинству утопией), именно она является тем, что позволяет сопротивляться. Борьба за то, чтобы оставаться на этой позиции и является нашим «действием».

На заседании Центрального Комитета Союза Коммунистов от 15 сентября 1852 г. Маркс сказал:

«Шаппер неправильно понял мое предложение. Как только предложение будет принято, мы расходимся, два округа отделяются друг от друга, и люди прекращают всякие отношения между собой. Однако они состоят в том же самом Союзе и под руководством того же самого Комитета**. Можете даже оставить за собой подавляющее большинство членов Союза. Что же касается личных жертв, то я их принес не меньше, чем кто-либо другой, — но классу, а не личностям. Что до энтузиазма, то немного его требуется, чтобы принадлежать к партии, о которой думаешь, что она вот-вот придет к власти. Я всегда противился преходящим мнениям пролетариата. Мы посвящаем себя партии, которая, к счастью для нее, как раз не может еще прийти к власти. Пролетариат, если бы он пришел к власти, проводил бы не непосредственно пролетарские, а мелкобуржуазные меры. Наша партия может прийти к власти лишь тогда, когда условия позволят проводить в жизнь ее взгляды. Луи Блан дает лучший пример того, что получается, когда слишком рано приходят к власти» (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.8, 1957, стр.584)

Это лишь часть проблемы знания того, при каких условиях возможно действие, связи между ним и сознанием. Но, перед тем, как уточнять его, подчёркиваем, что бесполезная трата энергии в периоды отступления отдаляет историческую встречу между пролетариатом и его интегральной программой. Энгельс написал в письме Дж. П. Беккеру от 10 февраля 1882 г.:

«Такого рода события наревают в России, где авангард революции вступит в бой. По нашему мнению, необходимо подождать этого и неизбежного отклика в Германии, — вот тогда и придет момент крупного выступления и создания официального, настоящего Интернационала (*Энгельс говорит другими словами то, что Маркс объяснял Фрейлиграту*), который, однако, больше не сможет быть пропагандистским обществом, а будет только обществом активных действий. Поэтому мы решительно придерживаемся того мнения, что не следует ослаблять такого великолепного средства борьбы, использовав и истрепав его в сравнительно еще спокойное время, уже накануне революции». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.35, 1964, стр.227)

По этому пункту сходятся все марксисты; достаточно вспомнить борьбу Ленина и Троцкого и всей большевистской партии, а также работу Левого по разъяснению того, что для нас восстание – это искусство. То, что проявляется в периоды революции как отступление, является продолжительностью нашего Существования, подтверждением нашей Программы: Партии «в её громадном историческом смысле».

Отказ от анархизма ради спасения программы

Маркс и Энгельс боролись в лоне Интернационала за победу программы (не своей личной идеологии; как это узко интерпретируют анархисты и все наши противники). Пункт контраста не обратился в конечное видение: все хотят коммунизма, даже буржуа (Ср. у Ленина на эту же тему), но насчёт способов его достижения, насчёт инструмента освобождения – т.е. диктатуры пролетариата -, возникают разногласия.

Требование этой диктатуры характеризует марксизм. Класс действует как таковой только когда он даёт жизнь партии, представляющей его интересы и следовательно – в соответствии с характеристиками класса – интересы всего человечества; партия захватывает власть, уничтожает буржуазное государство, превращается в доминирующий класс, а значит в государство, чья функция является уже не политической функцией, но социальной, действуя до тех пор пока Человеческое Бытие не становится «истинным Gemeinwesen человека». А этого нельзя реализовать за одну ночь: отсюда необходимость в диктатуре пролетариата, в партии. Именно она позволит уничтожить классы: отсюда и проистекает борьба против Бакунина.

«Он (Альянс) «прежде всего добивается политического, экономического и социального уравнивания классов.

Уравнение классов, понимаемое буквально, сводится к гармонии капитала и труда, столь назойливо проповедуемой буржуазными социалистами. Не уравнение классов — бессмыслица, на деле неосуществимая, — а, наоборот, уничтожение классов — вот подлинная тайна пролетарского движения, являющаяся великой целью Международного Товарищества Рабочих».

Эту тайну хранит Партия; в ней заключается решение всех загадок; следовательно, всех антагонизмов, порождённых классовым обществом.

«Они утверждают, [циркуляр “Юрской федерации”], согласно Уставу и первоначальным резолюциям конгрессов, Интернационал является якобы не чем иным, как «свободной федерацией автономных» (самостоятельных) «секций», ставящей себе целью освобождение рабочих самими рабочими, “без всякого, хотя бы и созданного по свободному соглашению, руководящего авторитарного органа”. Поэтому и Генеральный Совет якобы представляет собой не что иное, как «простое статистическое и корреспондентское бюро»... Генеральному Совету якобы была предоставлена опасная власть, а свободное объединение самостоятельных секций было превращено в иерархическую и авторитарную организацию 'подчиненных дисциплине секций', так что 'секции целиком оказались в руках Генерального Совета, который может по своему произволу отказать им в приеме или временно приостановить их деятельность'.

Нашим немецким читателям, достаточно хорошо понимающим, какую цену имеет организация, способная постоять за себя, все это покажется весьма странным.... Но борьба за освобождение рабочего класса для Бакунина и его приспешников — пустой предлог; их подлинная цель совсем иная.

«Будущее общество должно представлять собой не что иное, как сделанную всеобщей форму организации, которую придаст себе Интернационал. Мы должны поэтому добиться того, чтобы эта организация была возможно ближе к нашему идеалу... Интернационал, зародыш будущего человеческого общества, должен быть уже сейчас верным отображением наших принципов свободы и федерации и должен выбросить всякий закравшийся в него принцип, который ведет к авторитарности и к диктатуре».

Нас, немцев, славили за наш мистицизм, но до такого мистицизма нам далеко. Интернационал — прообраз грядущего общества, в котором не будет больше ни версальских расстрелов, ни военных судов, ни постоянных армий, ни перлюстрации переписки, ни брауншвейгского уголовного суда! Как раз теперь, когда мы должны защищаться всеми силами, пролетариату предлагают организовать не в соответствии с потребностями борьбы, ежедневно и ежечасно ему навязываемой, а в соответствии с неопределенными представлениями некоторых фантазеров об обществе будущего! Представим себе, какой была бы наша собственная немецкая организация согласно этому образцу... Если Штибер со всеми своими сподручными, если весь черный кабинет, если все прусское офицерство вступят по приказу свыше в социал-демократическую организацию, чтобы погубить ее, то комитет, или, вернее, статистическо-корреспондентское бюро, ни в коем случае не смеет воспрепятствовать этому; ведь это значило бы ввести иерархическую и авторитарную организацию! А главное — никаких подчиненных дисциплине секций! И никакой партийной дисциплины, никакой централизации сил в одном пункте, никаких орудий борьбы! Что же стало бы тогда с прообразом будущего общества? Короче говоря, к чему пришли бы мы с подобной новой организацией? К трусливой, угоднической организации первых христиан, этих рабов, которые с благодарностью принимали каждый пинок и добились, правда, своим пресмыкательством через триста лет торжества своей религии, — а уж такому методу революции пролетариат во всяком случае не станет подражать!». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.17, стр.482-283, 1960)

Сменяющиеся этапы в жизни партии

Теперь мы можем внести уточнения в жизнь Партии:

1) Сектантский этап.

2) Партия развивается в период 1840-48 гг.

3) В 1850-м, во время этапа отступления, было предпочтительнее самораспуститься по вышеозначенным мотивам, а также потому что момент не был благоприятным для взятия власти. Класс потерпел поражение, и тогда Маркс и Энгельс пишут:

«Поэтому, если мы и разбиты, нам не остается ничего другого, как начинать сначала. А та, вероятно, очень короткая передышка между концом первого и началом второго акта движения, которая нам предоставлена, дает нам, к счастью, время для крайне необходимого дела: для исследования причин, сделавших неизбежным как недавний революционный взрыв, так и поражение революции; причин, которые следует искать не в случайных побуждениях, достоинствах, недостатках, ошибках или предательских действиях некоторых вождей, а в общем социальном строе и в условиях жизни каждой из наций, испытавших потрясение». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.8, стр.6, 1957)

(То же самое применимо к 1926-му. Отсюда ошибка Троцкого, уверенного в том, что он мог восстановить Интернационал. Регресс движения продемонстрировал нам все ошибки, раскрытые Марксом. Вместо здравого анализа, вместо баланса способного подготовить возобновление революционного движения, начали искать причины поражения в предательстве лидеров, в преступлениях Сталина, в пассивности масс, в плохом соблюдении приказов).

4) Затем происходит восстановление движения. В этот период, Маркс и Энгельс детально изучают причины поражения. Их уход из Союза не означает признания поражения:

наоборот, они озабочены тем, чтобы понять не может ли революция разразиться где-то ещё, в Индии, в Китае, и т.д. и этим радикализировать борьбу пролетариата на Западе. Той же будет позиция Ленина, а также наша.

1864-й. Основание I Интернационала в период нарастающего прилива пролетарского движения. Условия не были полностью благоприятными, но пролетариат преодолел сектантский этап, требовал создания международной организации и, с другой стороны, рисковал подпасть под влияние анархистов, которые свели бы движение до низших форм борьбы. Вот почему Маркс и Энгельс считали необходимым создание Интернационала.

1871-й. Парижский пролетариат захватывает власть. (Характерные черты Коммуны благодаря французским интернационалистам будут переняты в работе о рабочем движении во Франции). Но здесь также класс терпит поражение – причём на международном уровне. Действие вновь сводится, т.о. к теоретической работе. Маркс пишет в своём письме де Папу от 28-05-1872:

«Я с нетерпением ожидаю следующего конгресса. Это будет конец моего рабства. После этого я вновь стану свободным человеком: я больше не возьму на себя организационных функций ни в Генеральном Совете, ни в Британском федеральном совете» (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.33, стр.404, 1964); в то время как 24-2-1871 он заявлял: «Я уже говорил Вам в Лондоне, что часто задаюсь вопросом, не пришло ли время мне выйти из Генерального Совета. Чем сильнее развивается Товарищество, тем больше уходит у меня времени, а, в конце концов, ведь нужно когда-нибудь покончить с “Капиталом”». (там же, стр.287)

Действительно, нужно было дать рабочим инструмент для их борьбы.

5) В 1871-м, Маркс подводит новый баланс и уточняет условия борьбы; уточняет связь между волей людей и их действиями; уточняет, что программа Партии рождается в определённый момент борьбы пролетариата, а значит борьбы человечества; что пролетарская организация может развиваться только на определённой ступени развития классовой борьбы и её соответствия с программой. В общем, партия формируется не благодаря прямой воле людей: она воссоздаётся в определённые периоды; и нужно знать, как революционеры могут подготовить лучшие условия для её возвращения на сцену истории. Всё это Маркс уточнил в своём выступлении от 25-9-1871 г. (The World от 15-10-1871 г.):

«Огромный успех, которым до сих пор завершались его усилия, объясняется обстоятельствами, над которыми сами члены Интернационала не властны. Результатом этих обстоятельств, а отнюдь не усилий его участников явилось и само основание Интернационала. Оно не было делом какой-либо группы искусных политических деятелей; все политические деятели мира не смогли бы создать той обстановки и тех условий, которые необходимы для успеха Интернационала. Интернационал не выдвинул какого-либо особого символа веры. Его задача — организовать силы труда, установить связь между различными проявлениями рабочего движения и объединить их. Обстоятельства, вызвавшие такое сильное развитие Интернационала, обусловлены тем усиливающимся угнетением, которому подвергался трудящийся народ во всем мире, и в этом секрет его успеха... Но прежде чем осуществление такой перемены (социализм) станет возможным, необходима диктатура пролетариата, а первым ее условием является армия пролетариата. Право на свое освобождение рабочий класс должен завоевать на поле битвы. Задача Интернационала — организовать и объединить силы рабочего класса для предстоящей борьбы». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.17, стр.438-429, 1960)

б) 1871-1889 гг. Период переустройства движения, заканчивающийся основанием II Интернационала. Оно было немного вынужденным из-за позиций определённого количества поппуристов и реформистов: но Энгельс согласился с его основанием как раз для того, чтобы мировое движение не попало под их контроль.

Но в 1889-м программа прошла испытание практикой и вышла из него усиленной. Коммуна 1871-го позволила внести уточнения в теорию государства. Цикл пролетарского движения завершился: никакой социальный феномен не мог больше «поставить под вопрос» марксизм. Остаётся лишь гипотеза мирной революции: война 1914-го продемонстрирует противоположное, скорее доказывая «катастрофическое» видение Маркса.

Реформистская концепция смогла уникальным образом стать увязанной с развитием империализма, и привела к поражению пролетариата в 1914-м. Только группы, оставшиеся на почве интегральной Программы гарантировали продолжительность формулы Человеческое бытие = партия-программа.

Последнее контрреволюционное препятствие

Тактические ошибки не позволили пролетариату реорганизоваться в мировую коммунистическую партию. Были допущены ошибки единого Фронта – тактики, в определённом смысле признавшей ошибки западного пролетариата и включившей их в свою теорию – которые не позволили российскому пролетариату получить поддержку с Запада. На этих ошибках выстраивается теория о контрреволюции. Это наиболее трудная, наиболее длительная и болезненная стадия пролетарского движения. Контрреволюция одержала триумф под маской революции. Для того, чтобы победить её не нужно ни выходить на поле деятельности «русских лидеров» (ошибка Троцкого), ни рассматривать русский вопрос как центральный. Ценность марксизма не зависела никоим образом от успеха или провала Российской революции: он уже продемонстрировал свою справедливость во всех аспектах. От победы Российской революции не могла зависеть мировая победа пролетариата: теперь, как это уже было неоднократно продемонстрировано, победа социализма в России зависела от захвата власти пролетариатом на Западе. Если и требовалось испытание марксизма на прочность, его следовало осуществлять в наших краях.

Но преемственность не была уничтожена. Левые коммунисты отстаивали программу. Во всех планах, теоретическом, практическом или тактическом, они подтвердили пункты программы во всей их чистоте; более того, они подвели новые итоги, приводя в порядок все разбросанные элементы марксизма, которым борьба не позволила скоординироваться органическим способом, в одном целом тезисов, не претендующих на открытие новшеств, но систематизирующих перманентные пункты программы в перспективе более эффективной борьбы: речь идёт о Римских тезисах, Лионских тезисах, работе Партии.

В периоды отступления, пролетариат оставляет свою программу; её защищает лишь слабое меньшинство. Партия-программа всегда выходит из борьбы только усилившейся. Борьба, осуществляющаяся с 1926-го по наши дни, вполне очевидно доказывает это. Эта борьба состоит в явной критике растущего обличения к которому, на практике, вынуждены прибегнуть русские, ради демонстрации того, как они создали новые «категории» для подгонки реальности под свои общие позиции. Мы знаем, что основы для построения мировой коммунистической партии возникнут только тогда, когда критическое и практическое обличение дойдёт до своей крайней точки, до «признаний». Но мы также знаем, что эти признания пролетариат вырвет в своей борьбе. Тогда он вновь

обнаружит свою программу, на сегодняшний день проституированную и утратившую естественность. Нашу задачу можно было бы рассматривать в аналогии с конфронтацией Христа, хлыстом изгнавшего торговцев из Храма. Партия – это храм, из которого мы должны изгнать всех тех, кто продаёт там свой теоретический товар, окрестив его марксизмом.

Значит, опять же, инвариантность, т.е. продолжительность нашего Человеческого бытия = Партии-программы. Только поняв Партию в этом смысле, можно понять очевидное противостояние между фактом заявления о возможности коммунистической революции в 1848-м и утверждением 1859-го, что любая форма общества исчезает только когда она исчерпала все свои возможности.

Путём коммунистической революции можно сократить капиталистическую стадию, которая является переходной, начиная с того момента, когда развитие производительных сил таково, что оно способно произвести класс, способный вновь овладеть Человеческим бытием. С тех пор будет возможен Коммунизм.

Объявить этот пункт не означает питать иллюзии о возможностях сопротивления противостоящему классу, который всё ещё может осуществлять «меры», способные замедлить движение, порождая оппортунизм в пролетариате. Именно из-за того, что они всё это знали, Маркс и Энгельс могли подготовить войска к отступлению после поражения. Все прочие движения вкладывали или вкладывают в борьбу все свои силы и выходили или выходят из неё полностью разбитыми. Из этого диалектического видения рождается наша историческая община.

В любом случае, сегодня мы дошли до пункта, указанного Марксом, согласно которому социальная форма исчерпала все свои возможности (по крайней мере на территории большей части света). Мы с радостью приветствуем великое движение экспроприации, развивающееся в мире, потому что чем больше прогрессирует этот элемент, тем более становится возможным овладение Человеческой натурой, тем более актуален Коммунизм.

Функция партийной формы

Функция Партии происходит из борьбы в современном обществе и из описания коммунизма.

1) Организация рабочих, организация сил, направление насилия.

«...Политическое движение рабочего класса, разумеется, имеет своей конечной целью завоевание им для себя политической власти, а для этого, конечно, необходима предварительная организация рабочего класса, достигшая известной степени развития и вырастающая из самой экономической борьбы – пишет Маркс в своём письме Больте от 23-11-1871 г. – С другой же стороны, всякое движение, в котором рабочий класс противостоит как класс господствующим классам и стремится победить их путем давления извне, есть политическое движение. Так, например, стремление с помощью стачек и т. п. принудить отдельных капиталистов на какой-либо отдельной фабрике или даже в какой-либо отдельной отрасли промышленности ограничить рабочее время есть чисто экономическое движение; наоборот, движение, имеющее целью заставить издать закон о восьмичасовом рабочем дне и т. д., есть политическое движение. И, таким образом, из разрозненных экономических движений рабочих повсеместно вырастает политическое движение, то есть движение класса, стремящегося осуществить свои интересы в общей форме, то есть в форме, имеющей принудительную силу для всего

общества. Если эти движения предполагают некоторую предварительную организацию, то они, со своей стороны, в такой же степени являются и средством развития этой организации. Там, где рабочий класс не достиг еще достаточного успеха в своей организации, чтобы предпринять решительный поход против коллективной власти, то есть политической власти господствующих классов, его нужно во всяком случае подготавливать к этому путем постоянной агитации против этой власти и заняв враждебную позицию по отношению к политике господствующих классов. В противном случае рабочий класс останется игрушкой в их руках». (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.17, стр.438-429, 1960)

Следовательно, благодаря партии возможна организация класса; затем она становится:

2) Диктатурой пролетариата:

«Ст. 1. – Целью общества является низложение всех привилегированных классов, подчинение этих классов диктатуре пролетариев путем поддержания непрерывной революции вплоть до осуществления коммунизма, который должен явиться последней формой устройства человеческого рода.

Ст. 2. – Для содействия осуществлению этой цели общество завязывает узы солидарности между всеми фракциями коммунистической революционной партии, уничтожая — согласно принципу республиканского братства — национальные разделения». Всемирное общество революционных коммунистов, апрель 1850. (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.7, стр.551, 1956)

Диктатура позволяет уничтожить буржуазное государство и, следовательно, дать импульс общественным преобразованиям. Она исторически необходима, а значит «свободна». Здесь важно подчеркнуть, что мы не за какую-угодно диктатуру и что для нас она средство: нас интересует против кого она должна быть направлена, против чего, во имя кого, во имя чего. В этом аспекте можно сказать, что только реакционные диктатуры направленные на поддержание классового угнетения являются авторитарными, поскольку их отвергает Человек (для чьего развития они необходимы и поглощают Gemeinwesen для того, чтобы эксплуатировать его) в то время как революционная диктатура принимается Человеком, как освобождение, потому что новая Gemeinwesen всегда будет стремиться к отождествлению с Человеческим бытием и значит к исчезновению в качестве феномена внешнего по отношению к Человеку (Ленин: Диктатура пролетариата – это диктатура огромного большинства над меньшинством, в противоположность диктатуре буржуазного общества).

Это тем более верно, как Маркс продемонстрировал в «Капитале», поскольку буржуазная диктатура всегда всё более становится диктатурой капитала, а значит сама является внешней по отношению к классу. В течение революционного периода, диктаторская власть буржуазии вызвала процветание производства, уничтожив препятствия, созданные феодальным обществом, не контролируя, однако, специфические механизмы. (В одном тексте 1844-го, Энгельс уже указывает на анархический характер капиталистического производства). Точно так же, по происхождению капитал и его капиталист тождественны, и свобода одного отражается в другом. Впоследствии, с капиталистической концентрацией, связанной с механизмами, происходящими из тенденции к падению ставки прибыли, капиталист отделяется от своей собственности и, он, кто был бытием капитала, становится его собственностью. Капиталист, как личность исчезает; исчезает свобода; она становится свободой одного Капитала, а он становится безличной силой служащей бюрократии (патология классов), являющейся типичной организацией

современного государства; иными словами, государство становится Государством-Капиталом со своей бюрократической организацией:

«Частичное признание общественного характера производительных сил — признание, к

которому вынуждаются сами капиталисты. Обращение крупных организмов производства и сообщения — сначала в собственность акционерных компаний, позже — трестов, а затем — и государства. Буржуазия оказывается излишним классом; все ее общественные функции выполняются теперь наемными служащими». (Маркс и Энгельс, «Анти-Дюринг», М: ПСС, т.20, стр.675, 1961)

Все индивиды этого класса участвуют в капитале; а значит должны получать прибыль, пропорциональную вложенной сумме. Современное государство должно заставлять уважать эту операцию, это уравнение. Отсюда вопиющее противоречие нашей эпохи: всё более угнетающее государство и всё более завышенные личные запросы (энная иллюстрация, последний французский кризис, связанный с войной в Алжире). Буржуазная диктатура стала чудовищной силой, чуждой человеку, препятствующей становлению общества, которое, в своей целостности, устремлено к коммунизму. Фактически, сам капитализм имеет тенденцию к исчезновению.

И пролетариат должен бороться против этой диктатуры. Её уничтожение станет излечением болезни человека; установление диктатуры пролетариата является его возрождением через овладение человеческой природой.

Так разрешаются антитезисы: Личность-Государство; Личность-Человеческий род; Свобода-Власть-Необходимость.

Идея о диктатуре пролетариата возникла у Маркса после событий буржуазной революции, после Бабёфа, после борьбы французского пролетариата в её специфической форме бланкизма (чему способствовали социалисты, такие как Флора Тристан) и после борьбы английских и немецких рабочих. Рабочие выражали на практическом плане теоретическую потребность, сформулированную Марксом в его критике Гегеля. Маркс обнаружил во всей своей конструкции потребность в борьбе: прав сильнейший. (Рабочие развернули критику фактами: они отвергли все методы борьбы и стремятся к такой форме власти, которая позволит достичь бесклассовое общество; известно также, что Маркс всегда опирался на реальность в своей теоретической работе). Отсюда:

а) Партия – это меньшинство класса.

б) Объединение пролетариата на международном уровне для захвата власти; международный характер пролетарской революции, а значит коммунизма:

«Значение коммунизма заключается-де не в том, что он составляет в высшей степени серьёзный современный вопрос для Франции и Англии. Коммунизм обладает европейским значением». (Маркс, «Коммунизм и аугсбургская Allgemeine Zeitung», М: ПСС, т.1, стр.115, 1955).

в) Классовая борьба – это война: значит нужна армия. Проблема наличия союзников, проблема нейтрализации определённых социальных слоёв, проблема гарантированности базы для восстановления в случае поражения. Тактика: Циркуляр для Союза Коммунистов, 1850 г.; Римские тезисы. У нас, как много раз подчёркивал Маркс, есть горячая страсть к человеку и его освобождению: но не из-за этого мы всем телом

бросаемся в битву. Мы должны всё время стремиться к доминированию над борьбой, на поле боя. В противоположном случае, наш враг восстановит, рано или поздно, старый порядок. Для нас восстание – это искусство.

Основы партии завтрашнего дня

От функции Партии завтрашнего дня зависят её характеристики. Будучи прототипом коммунистического общества, она не может принять механизм, принцип жизни и организации, связанный с буржуазным обществом; она должна реализовать уничтожение этого общества.

1) Отказ от демократического механизма (Маркс в письме Энгельсу от 23 мая 1859 г.: «наш мандат представителей пролетарской партии мы получили от нас самих, а не от кого-нибудь еще. И он подтвержден за нами той исключительной и всеобщей ненавистью, которую питают к нам все фракции и партии старого мира»). (Маркс и Энгельс, М: ПСС, т.29, стр.355, 1962). Наша позиция: органический централизм.

2) Анти-индивидуализм: партия предвосхищает на практике общественный мозг. Любое знание опосредовано партией; так же, как и любое действие. Революционеру не нужно «искать истину»; она ему уже дана партией (истина в общественной сфере: во все остальные сферы нельзя будет вмешаться до окончания революции). Тенденция к реализации общественного Человека.

3) Отказ от всякого меркантилизма, от любых форм карьеризма. Связь между товарищами, проявление этой связи в их отношениях, должны вдохновляться комментарием Маркса к книге Джеймса Милля: Любая деятельность, любое её проявление должны быть утверждением человеческой радости посредством общения с другими, а следовательно, с будущим обществом.

4) Упразднение социальных, классовых антагонизмов. В партию входят только коммунистические революционеры. На практическом плане, это соответствует необходимости основывать партию на территориальном единстве, скорее, чем на профессиональном.

5) Партия должна быть разрешением всех загадок и должна знать это. Она должна представлять убежищем пролетариата, местом, в котором его человеческая природа самоутверждается так, что он может мобилизовать всю свою энергию для борьбы с классовым врагом.

Было необходимо уточнить эти характеристики, которые сами по себе помогают понять функцию партии и получить её интегральное видение. Партия является безличной силой над поколениями; она представляет человеческий род, наконец-то вновь обретенное человеческое бытие, сознание человеческого рода. Она может проявляться только в данных условиях (в качестве действия пролетариата): в революционной ситуации возможен переворот в практике, являющийся переворотом в любом развитии, настоящем и прошлом; Партия решает захватить власть для того, чтобы уничтожить буржуазную власть; доисторический период человечества заканчивается: в этом моменте сходится всё, он является кульминационной точкой теории, через чёткое предвидение благоприятного момента, и действия (восстание – это искусство). Оба феномена суммируются: и тогда появляется сознание действия, сознание, предшествующее действию.

Марксизм – это теория человеческого действия, а также теория производства сознания, но также поэтому он является размышлением об этом действии, об этой практике, также поэтому он является его сознанием, завершённым производством этого сознания; а значит, его абсолютной истиной. Поэтому мы можем сказать, что он является проводником действия (партия, будучи организованным действием пролетариата, является субъектом истории), проводником человеческого действия, проводником, ведущим к освобождению человека, к обретению им сознания, к коммунистическому обществу: он является проводником к человеческой эмансипации.

«Коммунистическая программа», № 13, 1961 г.

«Invariance» №1, серия 1, 1967 г.

Перевод: Эльдар Саттаров

Фото: Армандо Эрмини